

The background of the cover is a soft, ethereal illustration. A woman with long, curly hair, seen from behind, stands in the center, wearing a dark, sleeveless dress. She is positioned on a path that leads towards a bright, glowing light source, possibly the sun or moon, which is partially obscured by a large, leafy archway. The scene is surrounded by delicate, stylized branches with leaves and small orange berries, some of which are in the foreground, creating a sense of depth and framing the central figure. The overall color palette is muted, with greens, blues, and oranges.

Неожиданный остросюжетный роман от автора
мирового бестселлера «P.S. Я люблю тебя»

Сесилия Ахерн

КЛЕЙМО

Annotation

Селестина Норт идеальна во всем: образцовая дочь и сестра, любимица учителей и одноклассников, девушка неотразимого Арта Кревана. Но однажды Селестина попадает в непредвиденную ситуацию и, следуя велению сердца, нарушает закон. Кара неотвратима: либо тюрьма, либо Клеймо. То есть – навеки отверженная. Блистательная Сесилия Ахерн нарисовала мир, в котором идеал ценится превыше всего и малейшие отступления от него наказуемы. Что произойдет, когда юная девушка рискнет всем, что ей дорого, и решится противостоять системе? Дебютный роман в жанре «young adult» от автора международных бестселлеров – удивительно достоверная и эмоциональная история, герои которой покорят сердца читателей любого возраста. Права на экранизацию книги приобретены компанией Warner Bros.

- [Сесилия Ахерн](#)

-
-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)

- [20](#)
    - [21](#)
    - [22](#)
    - [23](#)
    - [24](#)
    - [25](#)
    - [26](#)
    - [27](#)
    - [28](#)
    - [29](#)
    - [30](#)
    - [31](#)
    - [32](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Сесилия Ахерн

Клеймо

Cecelia Ahern
FLAWED

© 2016 Cecelia Ahern
© Л. Сумм, перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2016
Издательство Иностранка®

* * *

*Сделай то, чего ты больше всего боишься,
и обретешь свободу.*

Роберт Тью

1

Логика превыше всего. Либо черное, либо белое. Такой я была.
Запомните меня такой.

Не доверяй человеку, который без приглашения усаживается во главе стола в чужом доме.

Это не мои слова. Это слова моего деда Корнелиуса, которому за такую дерзость пришлось отправиться подальше от того самого стола, и нескоро его вновь позовут в наш дом. Беда не в том, что он сказал, беда в том, к кому относились эти слова. Судья Креван – один из самых могущественных людей страны. И вот он вновь, презрев прошлогоднее замечание моего деда, сидит у нас во главе стола на ежегодном Дне Земли.

Отец вернулся из кухни с бутылкой красного вина, а его законное место занято. Я видела, он был этим задет, но ведь это – судья Креван, так что папа остановился, поигрывая штопором и соображая, как поступить, а затем обошел вокруг стола и сел на другом конце, рядом с мамой, – там, где следовало бы сидеть судье. Я видела, что и мама нервничает: она выглядела еще более идеальной, чем обычно. Ни один волосок не выбьется из идеальной прически, светлые волосы тщательно свиты в узел, который она каким-то образом уложила сама – и как дотянулась до затылка? Пока такое соорудишь, плечи вывихнешь. Фарфоровая кожа без единого изъяна просвечивает насквозь. Безупречный макияж, васильковое кружевное платье в точности под цвет глаз, мышцы рук в отличной форме.

Такой красавицей моя мама представала каждый день перед множеством людей: она – известная модель. Родив нас троих, она сохранила совершенную фигуру, хотя, я подозреваю, ей, как и большинству людей, понадобилась для этого помощь хирурга. О том, что у мамы выдался дурной день или тяжелая неделя, мы догадываемся, когда она является домой с чуть более пухлыми щеками, с капризным изгибом губ, лоб разглаживается, исчезают усталые подглазья. Слегка откорректировать свою внешность – лучшее для нее утешение. И к другим людям она столь же придирчива, оценивает их по тому, как они выглядят, выносит приговор раз и навсегда. Все, что недотягивает до идеала, ее настораживает: кривые зубы, двойной подбородок, слишком крупный нос вызывают безотчетное недоверие к собеседнику. В этом моя мама далеко не одинока, почти все так судят о людях. Она говорит: никто не станет продавать немытую машину, обязательно начистит до блеска. И так же человек должен ухаживать за собой. А если кому-то лень

поддерживать свой внешний облик, это выдает его внутреннюю сущность. Я тоже перфекционистка, однако мой перфекционизм не распространяется на внешность, только на поведение и речь, что доводит до колик мою сестру Джунипер. Вот уж кто самый неточный человек из всех, кого я знаю! Впрочем, в ее неточности есть свой закон, надо отдать ей должное.

Я почти самодовольно слежу за нервным поведением моих близких, ведь меня-то это не затрагивает. Мне скорее смешно. Судья Креван для меня – Боско, отец моего бойфренда Арта. Каждый день я бываю у них дома, мы вместе ездили отдыхать, я присутствовала на семейных мероприятиях, знаю Боско гораздо ближе, чем знают его мои родители да и все остальные. Я видела его спозаранку, с всклокоченными волосами и пастой на губах. Видела посреди ночи, когда в трусах и носках (он так и спит в носках) он сонно брел в туалет или на кухню за стаканом воды. Видела его пьяным, в полной отключке на диване: рот разинут, рука глубоко засунута в ширинку. Я сыпала попкорн ему за пазуху, окунала его пальцы в теплую воду, когда он вот так спал, – пусть описается. Я видела, как он пьяно танцует и пытается дурным голосом петь под караоке. Слышала, как он рыгает после такой вечеринки. Слышала его храп. Знаю, как воняют его газы, и слышала его рыдания. Нет причин бояться того, кого ты знаешь как человека, во всех его человеческих слабостях.

Но мои близкие и все граждане нашей страны видят в нем грозную фигуру, внушающую страх и почтение. Я бы сравнила его с судьей из шоу талантов, с одним из этих мультяшно преувеличенных персонажей, которые ловят кайф от всеобщего негодования. Я люблю передразнивать его, к большому удовольствию Арта. Арт катается от смеха, когда я торжественно расхаживаю перед ним с самодельным капюшоном на голове, изображая Боско в роли судьи, корчу грозные рожи и тычу направо и налево пальцем. Боско всегда тычет пальцем в камеру. Я убеждена: эта внушающая ужас личина судьи – неотъемлемая часть его работы, но это всего лишь маска, на самом деле он не такой. Стоит глянуть, как он с разгону влетает в бассейн, забрызгивая всех.

Боско – для всех, кроме нас с Артом, судья Креван – верховный судья Трибунала. Трибунал был создан правительством как временное решение для публичных расследований общественно значимого ущерба, но превратился в постоянный комитет, рассматривающий обвинения, за которые полагается Клеймо. Обвиняемые – обычные граждане, не преступники, но они допустили морально-этические ошибки, провинились перед обществом.

Я никогда не бывала в суде, но заседания ведутся открыто, их можно

смотреть по телевизору. Процесс честный и справедливый, заслушиваются не только свидетели самого события, но и родственники и друзья подсудимого дают показания о его характере и репутации. В День Именования судьи решают, порочен подсудимый или нет. Если сочтут его порочным, его имя будет объявлено публично и он будет заклеен буквой «П» на одном из пяти мест, в зависимости от вины.

За неверное решение – Клеймо на виске.

За ложь – на языке.

За попытку обокрасть общество – на правой ладони.

За измену Трибуналу – Клеймо на груди, там, где сердце.

За то, что не шел в ногу с обществом, – на подошве правой ноги.

Заклейменные носят нарукавные повязки с красной буквой «П» и не смеют снимать, чтобы все могли сразу же их опознать и чтобы их пример служил предостережением. Их не сажают в тюрьму, ведь они не нарушили закон, однако их проступок нанес ущерб устоям общества. Они так и живут среди нас, но подвергаются остракизму, живут по особым законам.

После того как страна сползла по скользкому скату в глубокий экономический кризис, спровоцированный, как полагали, неудачными решениями руководства, Трибунал был создан главным образом для того, чтобы удалить с ключевых должностей таких ненадежных и дурных людей. Теперь Трибунал успевает вытеснить их из общества еще прежде, чем они достигнут значительного поста и смогут причинить вред. А в ближайшем будущем, сулит нам Трибунал, удастся создать высокоморальное, безупречное в этическом смысле общество. Судья Боско Крewan в глазах почти всех граждан – настоящий герой.

Арт унаследовал красоту от отца – светлые волосы, озорные синие глаза. Эти светлые волосы завиваются непокорными кудрями, огромные голубые глаза вечно сверкают в предвкушении очередной проказы, но ему все сходит с рук – таким уродился. Сейчас за праздничным столом он сидит напротив меня, и я с трудом заставляю себя хоть изредка оторвать от него взгляд, а внутри все поет и ликует: он мой. К счастью, он не унаследовал от судьи его напряженность и строгость, он умеет позабавиться, вовремя отмотит шутку, если разговор станет чересчур уж серьезным. Время он подгадывает замечательно, смеется даже Боско. Арт для меня – ясное солнышко, его свет проникает в самые темные уголки.

Каждый год в апреле мы празднуем День Земли вместе с соседями, Крewanами и Тиндерами. Мы с Джунипер с раннего детства любим этот праздник, заранее начинаем зачеркивать дни на календаре, придумываем,

что надеть, украшаем дом, накрываем стол, а на этот раз я особенно волнуюсь, потому что мы впервые встречаем его «официально» вместе с Артом. Нет, конечно, я не собираюсь лапать его под столом или что-нибудь подобное, но я сижу за одним столом с моим бойфрендом, и от этого праздник еще праздничнее.

Папа возглавляет круглосуточный новостной канал News-24, а наш сосед, которого мы тоже ждем к обеду, Боб Тиндер, – главный редактор газеты Daily News, и она, как и телеканал, входит в холдинг Crevan Media, то есть у этих троих деловые отношения сочетаются с добрососедскими. Тиндеры всегда опаздывают. Не понимаю, как Боб ухитряется выдерживать сроки выпуска, если он не способен даже прийти вовремя к обеду, и так из года в год. Мы целый час просидели с напитками в гостиной, а потом перешли в столовую, надеясь, что это телепатически заставит их поторопиться. И теперь за столом три пустых стула (третий для их дочери Колин, моей одноклассницы).

– Пора начинать. – Боско оторвался от телефона, прервал нашу болтовню и чинно выпрямился.

– Обед не перестойтся, – успокоила его мама, принимая из рук отца очередной бокал вина. – Я предусмотрела небольшую задержку, – добавила она с улыбкой.

– Пора начинать, – повторил Боско.

– Ты торопишься? – Арт с недоумением покосился на отца: почему тот засуетился? – Нет смысла соблюдать пунктуальность: никто не придет вовремя, чтобы тебя похвалить. – Шутка Арта вызвала общий смех. – Мне ли не знать, вечно дожидаясь свою девушку. – И он под столом слегка коснулся ногой моей ноги.

– Вовсе нет, – запротестовала я. – *Пунктуальный человек является строго в назначенный час.* Ты не пунктуален, ты всегда приходишь слишком рано.

– Ранняя птичка первого червячка клюет, – напомнил мне Арт.

– А ранняя мышка угодит в мышеловку, сыр достанется второй, – подначила я, и Арт показал мне язык.

Мой братишка Эван захихикал. Джунипер скривилась.

Боско, осердившись на эту болтовню, резко оборвал нас:

– Саммер, Каттер, мы приступаем к обеду.

Он произнес эти слова так, что мы подавились смехом и в растерянности уставились на него. Он приказывал нам.

– Папа! – удивленно воскликнул Арт и от смущения чуть не засмеялся снова. – Ты у нас теперь полиция питания?

Боско пристально смотрел в глаза моей маме. Это странно, тяжело действовало на всех сидевших за столом: так сгущается воздух перед ударом грома. Виснет, нагоняя мигрень, влажная тяжесть.

– Разве не стоит подождать Боба с Ангелиной? – переспросил мой отец.

– И Колин, – вставила я, а Джунипер снова скривилась точно так же, как в первый раз: терпеть не может мою манеру ставить все точки над i, но что я могу с собой поделать?

– Нет, не стоит, – отвечал судья просто и строго, не сочтя нужным хоть слово к этому добавить.

– Хорошо. – Мама поднялась и отправилась на кухню, спокойная, невозмутимая, будто ничего и не произошло, хотя я понимала, что на самом деле ноги у нее подкашиваются.

В растерянности я поглядела на Арта и увидела, что он тоже почувствовал сгустившееся напряжение и на языке у него вертится шуточка: он всегда балагурит, если ему неловко, страшно, не по себе. И я заметила, как приподнялась его верхняя губа: мысленно он проговаривал хлесткую заключительную реплику, но вслух ему произнести эту шутку так и не довелось, потому что раздался сигнал сирены.

Сирена воеет – долгий, протяжный, пугающий звук. Заставляет тебя подскочить на месте, сердце бьется в испуге, каждой клеточкой ты чувствуешь опасность. Этот звук знаком мне с рождения: когда его слышишь, молишься, чтобы не за тобой. Трибунал называет сирену «сигналом тревоги»: фургоны Трибунала режут непрерывно три минуты, пять минут, и, хотя войны я никогда не видела, я начинаю понимать, что люди чувствовали перед воздушным налетом. Этот звук вторгается в самые обыденные минуты жизни, в самые радостные мысли. Сирена приближается к нашему дому, нарастает зловеющий вой. Все мы на миг замираем, как были, за столом, а потом Джунипер, потому что Джунипер – она такая, говорит не подумав и в движениях неуклюжа, – вскакивает первой, чуть не опрокинув стол, звенят бокалы, красное вино словно капли крови выплескивается на белую скатерть. Не извиняясь, не попытавшись навести порядок, сестра выбегает из столовой. Отец следует за ней по пятам.

Мама ошеломлена, застыла, как лань, попавшая в перекрестный свет фар. Она смотрит на Боско, страшно побледнев, я боюсь, она упадет в обморок. Она даже не попыталась удержать маленького Эвана, когда и тот ринулся вон из дома.

Сирены все громче, сирены все ближе. Теперь уже и Арт вскочил,

а значит, и я, как он, бегу за ним по коридору, во двор, все уже собрались там, жмутся тесной кучкой друг к другу. И в соседних дворах – то же самое: старики Миллеры справа от нас крепко обнялись, приникли друг другу, на лицах ужас. Оглядываясь по сторонам, я вижу: точно так же ведут себя все соседи. Все выбежали во двор, цепляются друг за друга и ждут, у чьего дома замрет сирена. Прямо через дорогу от нас Боб Тиндер распахнул дверь и вышел на крыльцо. Он увидел отца, они глядят друг другу в глаза. Что-то происходит между ними, но я не понимаю что. Сначала подумала, папа сердится на Боба, но и Боб смотрит точно как папа. Я не могу разгадать, в чем дело, я не понимаю, что делается. Мы все ждем. Кого на этот раз?

Арт хватается меня за руку, крепко сжимает ладонь, подбадривает, пытается выдать одну из своих всепобеждающих улыбок, но улыбка дрожит и слишком быстро исчезает с губ, так что эффект, пожалуй, противоположный. Сирены уже вплотную, звук внедряется в уши, в черепную коробку. Свернули на нашу улицу. Два черных фургона с ярко-красными «П» на обоих бортах, все должны сразу видеть, кто это. Гражданские стражи, армия Трибунала, оберегающая общество от достойных Клейма. Не регулярная полиция – стражи следят за морально или этически ущербными. Преступники отправляются в суд и тюрьму, ими Трибунал не занимается.

Вспыхивают мигалки на крышах фургонов, вращаются красные лампы, такие яркие, что и тусклое небо от них загорается, всем в глаза бьет этот тревожный луч. Семьи, собравшиеся на День Земли, все крепче хватаются друг за друга, молясь, чтобы никого из близких не выхватили, не отняли у них. Только не мою семью, не мой дом, не сегодня. Оба фургона остановились посреди улицы прямо перед нашим домом, и меня затрясло. Сирены смолкли.

– Нет, – шепчу я.

– Нас они тронуть не смеют, – шепчет мне Арт, и такая уверенность у него на лице, что я сразу успокаиваюсь. Конечно, это не за нами, с нами нынче обедает сам судья Креван, мы, можно сказать, неприкосновенны. Эта мысль отчасти рассеивает страх, но остается сожаление о том бедолаге, за кем они явились. Я всегда верила, что Заклейменные – плохие, что стражи на моей стороне, меня защищают, но теперь это происходит на моей улице, у порога моего дома, и все меняется: «мы» против «них». Нелогичная, опасная мысль. От нее снова бросает в дрожь.

Дверь фургона скользит в сторону, раздаются свистки – изнутри выскакивают четверо стражей в униформе, красных опознавательных

жилетах поверх черных военных рубашек. Они дуют в свистки на каждом шагу, от этого пронзительного свиста мой разум цепенеет и ни единой мысли не удастся додумать до конца. Ничего, кроме паники. Они бегут не к нам, как и обещал Арт, они бегут в другую сторону, к дому Тиндеров.

– Нет, нет, нет! – бормочет отец, и мне слышится нарастающий гнев в его голосе.

– Боже мой! – шепчет Джунипер.

Я в ужасе гляжу на Арта, жду его реакции, а он смотрит прямо перед собой, напряженно двигается его нижняя челюсть. А потом я замечаю, что мама и Боско так и не вышли к нам.

Выпустив руку Арта, я бегом возвращаюсь на крыльцо:

– Мама, Боско, скорее! Это за Тиндерами!

Мама спешит к нам, волосы выбились из укладки, упали ей на лицо. Отец оборачивается к ней, они обмениваются взглядами, что-то безмолвно обсуждая между собой. Руки отца бессильно свисают, он непроизвольно сжимает и разжимает кулаки. Боско нет как нет.

– Ничего не понимаю, – говорю я, видя, как стражи приближаются к Тиндерам. – Что происходит?

– Цыц! Смотри! – обрывает меня Джунипер.

Колин Тиндер, моя одноклассница, стоит в дворе своего дома рядом с отцом и двумя младшими братьями, Джейкобом и Тимоти. Боб Тиндер загораживает собой детей, пытается их защитить, он выпятил грудь, словно отражая нашествие, – его семью не тронут, в его дом не войдут, не сейчас, не сегодня...

– Не могут же они арестовать малышей! – восклицает мама. Голос ее еле слышен, заторможен: я понимаю, что она смотрит во все глаза и ей страшно.

– Нет, конечно, – отвечает отец. – Это за ним. За Бобом.

Но офицеры Трибунала проходят мимо Боба, проходят, не обращая внимания на детей, которые с перепугу разревелись. На ходу они суют в лицо Бобу какую-то бумагу, и он пытается ее прочесть, а они тем временем уже входят в дом. Внезапно осознав, что происходит, Боб отбрасывает ордер и бежит следом за стражами. Он громко, так, что и мы слышим, велит Колин успокоить мальчишек, но как их успокоить, ведь они уже в панике.

– Я ей помогу. – Джунипер делает шаг к калитке, но отец хватает ее за руку, и она даже вскрикивает от боли.

– Стой тут! – приказывает отец. Никогда не слышала, чтобы он так говорил с кем-нибудь из нас.

Из дома несутся вопли. Это Ангелина Тиндер. Мамины ладони взлетают к лицу. Ее безупречная маска дала трещину.

– Нет! Нет! – выкрикивает Ангелина снова и снова, и вот она появляется в дверях, по обе стороны от нее стражи. Она уже почти оделась к обеду, в черном атласном платье, нитка жемчуга на шее, но бигуди не успела снять. Сандалии с яркими камушками. Ее тащат прочь из родного дома. Оба мальчика кричат в голос: уводят их маму. Они бросились к ней, пытаются за нее уцепиться, стражи их оттаскивают.

– Не трогайте моих сыновей! – вопит Боб, бросаясь на стражей, но его сбивают с ног, и два здоровяка прижимают его к земле, а Ангелина исступленно рыдает и молит не разлучать ее с малышами. Никогда я не видела, чтобы человек так кричал и плакал, никогда не слышала подобных звуков. Ничего перед собой не различая, она спотыкается, стражи подхватывают ее, и Ангелина волочится за ними, хромая: сломала каблук праздничной обуви.

Боб, распростертый на земле, кричит:

– Проявите же к ней хоть каплю уважения, черт побери!

Ее впихнули в фургон. Дверца скользит, закрываясь. Свистки умолкли.

Никогда я не видела, чтобы мужчина так плакал. Два стража, удерживавшие его на земле, заговаривают с ним – негромко, спокойно. Он прекращает кричать во весь голос, но плакать не перестает. В конце концов они отпускают его и скрываются во втором фургоне. Уезжают.

Сердце стучит оглушительно, я с трудом перевожу дух. Я все еще не верю собственным глазам.

Я жду проявлений сочувствия от всех наших соседей. Мы такая сплоченная община, у нас много совместных праздников и дат, мы всегда помогаем друг другу. Я оглядываюсь по сторонам в ожидании. Люди смотрят, как Боб медленно приподнимается, садится, притягивает к себе детей, плачет. Никто не трогается с места. Мне хочется спросить, почему никто ничего не делает, но это же глупо, я ведь и сама ничего не делаю, не могу заставить себя пошевелиться. Потом Миллеры разворачиваются и уходят в дом, остальные следуют их примеру. У меня от изумления челюсть отваливается.

– Будьте прокляты! – кричит Боб. Сначала он кричит не очень громко, и мне кажется, будто он обращается к самому себе, потом громче, и я думаю, что он кричит вслед уехавшим фургонам, но он кричит все громче, с нарастающим гневом, и я понимаю наконец, что проклятие обращено к нам. За что?

– Никуда не ходите, – приказывает отец и снова обменивается с мамой

понимающим взглядом. – Вернитесь все в дом. И спокойно, поняли?

Мама кивает, лицо ее вновь безмятежно, будто ничего и не произошло, маска надета, своевольная прядь волос вернулась на место, а я и не заметила, когда это она успела поправить прическу.

Оглянувшись на свой дом, я вижу Боско внутри у окна – руки скрещены на груди, наблюдает за разворачивающейся перед ним сценой. И тут я понимаю: свое проклятье Боб адресовал ему. Боско, глава Трибунала, – начальник тех людей, которые только что увели Ангелину.

Он может помочь ей, я знаю. Это его суд решает, кому носить Клеймо. Он сумеет ее спасти. Все будет хорошо. Все снова будет как всегда. Мир вернется к норме. Бессмысленный морок рассеется. Я убеждаю себя в этом, и мне становится легче дышать.

Отец заговаривает с Бобом, и тот перестает кричать, но плач его, голос разбитого сердца, не смолкает.

– Есть вопросы – спрашивайте. – Боско потянулся к бутылке и щедро наполнил свой бокал красным вином.

Он заставил нас всех вернуться за стол, хотя после того, чему мы только что стали свидетелями, кусок в горло не лезет. Отец так и остался с Бобом. Мама на кухне, сейчас внесет главное блюдо.

– Я не понимаю, – говорю я. – Ангелина Тиндер... обвинена...

– Угу, – добродушно отвечает он, голубые глаза сверкают, он следит за мной, словно наслаждаясь моей растерянностью.

– Но Ангелина, она...

Мама роняет на кухне тарелку, грохот бьющейся посуды сбивает меня с толку. Это предупреждение? Мама велит помолчать?

– У меня все в порядке! – чересчур жизнерадостно кричит она с кухни.

– Что ты собиралась сказать об Ангелине, Селестина? – Боско внимательно присматривается ко мне.

Я сглатываю. Хотела сказать, что она милая, она добрая, у нее маленькие дети, она замечательная мать и очень нужна детям, она ни разу при мне не сделала и не сказала ничего дурного. И она самый талантливый музыкант из всех, кого мне доводилось слышать, хотелось бы мне научиться играть на пианино так, как играет она. Но всего этого я не говорю, потому что Боско смотрит на меня и потому что мама обычно не роняет посуду. Вместо всего этого я выдавливаю из себя:

– Она моя учительница музыки.

Джунипер негодуяще прищелкивает языком.

На Арта я и смотреть не могу, сама собой возмущена.

Боско усмехается:

– Мы найдем тебе новую учительницу, Селестина! И хорошо, что напредила: надо бы запретить ей играть. Музыкальные инструменты – роскошь, на которую у Заклейменных нет права. – Он втыкает вилку в тарелку с закусками, откусывает изрядный кусок карпаччо. Все остальные даже к приборам не притронулись. – Надеюсь, больше ничему она тебя не учила? – вдруг спрашивает он, и в глазах его уже не играет улыбка.

– Ничему, – отвечаю я, нахмурившись, удивляясь, как он мог такое обо мне подумать. – В чем она провинилась?

– Плохо тебя учила, – дразнится Арт. – Послушать, как ты играешь, –

сразу все ясно.

Эван хихикает, и я улыбаюсь Арту: хорошо, что он сумел разрядить обстановку.

– Не смешно, – тихо, но сердито говорит сидящая рядом со мной Джунипер.

Взгляд Боско тут же обращается к ней:

– Ты права, Джунипер. Это не смешно.

Джунипер отводит взгляд.

Снова сгущается напряжение.

– Не смешно, а курьезно, в смысле – странно, – уточняю я. Почему мне кажется, будто меня только что оглоушили пощечиной?

– Тиранотезаурус, – шипит Джунипер. Так она обзывается, когда я закапываюсь в определения.

Боско на меня и не обернулся, все так же сверлит взглядом мою сестру:

– Ангелина и тебе преподавала, Джунипер?

Джунипер отважно смотрит ему в глаза:

– Да. Лучший учитель в моей жизни.

Воцарилось молчание.

В столовую вошла мама. Идеально подгадала время.

– Должна сказать, я к Ангелине очень привязана. Я считала ее своей подругой. Я... я потрясена этим... событием.

– И я весьма удручен, Саммер. Поверь, мне больнее, чем всем вам: ведь произнести приговор – моя печальная обязанность.

– Но ведь не просто *произнести*? – негромко напоминает ему Джунипер. – Вы *выносите* приговор. Это *ваше* решение.

Меня пугает ее тон. Не самый подходящий момент для ораторских выступлений. И не надо допекать Боско, к такому человеку нужно относиться с уважением. Джунипер не выбирает выражения. Я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь позволял себе так разговаривать с Боско.

– Вы и не догадываетесь, каковы на самом деле некоторые люди, которые живут среди вас, кого вы называете друзьями. – Боско все так же глядит прямо в глаза Джунипер. – Что скрывают эти люди, с виду равные нам, такие же, как мы. Я сталкиваюсь с этим ежедневно.

– Что Ангелина сделала? – повторяю я вопрос.

– Скорее всего, вам известно, что Ангелина несколько месяцев назад выехала за рубеж, сопровождая свою мать: ее мать совершила эвтаназию, что в нашей стране запрещено законом.

– Но она поехала с матерью по ее просьбе – в другую страну, где это

разрешено, – перечит Джунипер. – Это не преступление.

– И Трибунал рассматривает не предусмотренные законом преступления, а характер человека. Мы полагаем, что, приняв такое решение – выехав в другую страну, чтобы обойти запрет, – она обнаружила свой порок. Если бы органам власти было заранее известно ее намерение, они бы нашли способ ему воспрепятствовать.

Снова за столом молчание, пока мы пытаемся переварить услышанное. Я знала, что мать Ангелины много лет тяжело и безнадежно болела. Причины ее смерти я не знала, но на похоронах мы присутствовали всей семьей.

– Трибунал, разумеется, не принимает во внимание какие-либо религиозные убеждения, – продолжил Боско, видимо почувствовав, что не сумел нас убедить. – Мы всего лишь оцениваем характер человека. И, поскольку мы строго следуем государственному учению о святости жизни, позволив Ангелине Тиндер как ни в чем не бывало вернуться в страну после того, что она сделала, Трибунал узаконил бы такой выход из страдания и боли. Вопрос о том, в какой стране это было осуществлено и подпадает ли это под действие уголовного закона, к делу не относится. Мы должны разобраться в ее характере.

Джунипер вместо ответа фыркнула.

Да что с ней такое? Вот эту ее манеру я терпеть не могу. Все считают, будто мы с ней чуть ли не близнецы – пусть она на одиннадцать месяцев старше, внешне мы очень похожи. Но кто с нами близко знаком, того не проведешь: стоит Джунипер открыть рот, и она себя выдаст. В дедушку уродилась: никогда не может вовремя заткнуться.

– Тебе было известно, что Ангелина Тиндер спланировала поездку с целью убить свою мать? – Боско подался вперед, локти на столе, в упор смотрит на Джунипер.

– Разумеется, она ничего не знала, – вмешалась мама шепотом, и я почувствовала, что с ее губ рвется крик.

Джунипер уставилась на свою так и нетронутую тарелку с закусками, и я мысленно приказала ей остановиться, сидеть тихо. Это не смешно и даже не курьезно. За этим столом сидят люди, которых я люблю, а сердце оглушительно бьется, как будто нам грозит какая-то беда.

– Ангелину заклеят? – спрашиваю я. Еще не отошла от шока: получается, среди моих знакомых будет Заклейменный, человек прямо с нашей улицы.

– Если в День Именования ее сочтут виновной, то да, она получит Клеймо, – ответил Боско и добавил, обращаясь к маме: – Постараюсь,

чтобы об этой истории не прослышали газетчики – ради Боба, разумеется, – это будет нетрудно, поскольку журналисты только и пишут, что о Джимми Чайлде, до Заклейменной учительницы музыки никому и дела не будет.

Джимми Чайлд – знаменитый футболист, он десять лет изменял жене с ее родной сестрой, а теперь попался, и ему грозит Клеймо, а это для него катастрофа еще и потому, что он не сможет ездить на зарубежные матчи. Среди множества ограничений, которым подвергаются Заклейменные, есть и такое: у них отбирают паспорта.

– Конечно же Боб оценит такую заботу, – говорит мама. Так легко, так ровно говорит, что я понимаю: чувствует она себя очень неловко, и каждое слово ей самой кажется ходульным.

– Надеюсь, – кивает Боско. – Очень на это надеюсь.

– Куда ей поставят Клеймо? – Я не в силах отделаться от этой мысли и не понимаю, почему остальные не задают вопросов. То есть Джунипер-то задает, но это не столько вопросы, сколько обвинения.

– Селестина! – резко обрывает меня мама. – Вряд ли уместно обсуждать...

– На правую ладонь, – отвечает Боско.

– Обокрала общество? – уточняю я.

– Вот именно. И каждый раз, когда она протянет руку, чтобы поздороваться, все увидят, кто она есть.

– Если ее заклеят. Человек не виновен, пока не вынесен приговор, – отважно напоминает судье Джунипер.

Но мы все знаем: шансов у Ангелины Тиндер нет. Каждый, кто предстает перед Трибуналом, признается виновным: не будь он виновен, его бы и не арестовали. В отличие от Джунипер, я с правилами не спорю. Существуют определенные границы, в том числе моральные, Ангелина их переступила. Но я никак не могу смириться с мыслью, что среди моих знакомых будет женщина с Клеймом, что я сидела в ее доме, рядом с ней за пианино, и она касалась клавиш, а потом их касалась я. Мне хочется немедленно вымыть руки. Я пытаюсь припомнить последние наши разговоры или более ранние: не проявлялся ли какой-то изъян в ее характере? А как насчет ее дочери Колин? Смогу ли я, как прежде, болтать с ней в школе? Лучше, наверное, не стоит. Но и это решение не кажется правильным. Противоречия раздирают меня.

– Где Каттер? – вдруг сердито спрашивает Боско.

– С Бобом. Скоро вернется, – мягко и вежливо отвечает мама.

– Это не годится, – настаивает он. – Ему следует быть здесь.

– Конечно, он сейчас...

– Она ведь сможет играть на пианино? – ни с того ни с сего спрашивает Джунипер. – Со шрамом на руке?

– Тебе ее жаль? – раздраженно уточняет Боско.

– Разумеется, ей не жаль, – вмешивается Арт. Рот у него набит, в больших, словно у взрослого мужчины, руках он сжимает нож и вилку и тычет ими во все стороны, как пещерный человек. Он говорит, размахивая руками, заплевывая едой стол: – Мы просто все поражены, врасплох захвачены, вот и все. Право же, папа, ты мог бы нас предупредить, сказать, что гостья, которую мы ждем к обеду, будет арестована. Когда заревели сирены, у бедняжки Селестины сделался такой вид, словно за ней вот-вот санитары из дурки приедут, – конечно, где ж ее еще и держать, если не в дурке, мы-то с тобой это понимаем, но ей об этом знать не обязательно.

Он говорит так легко, так свободно и разумно, что Боско наконец соображает, где находится: в гостях у соседа, а не на заседании Трибунала.

– Разумеется, – кивает он, на миг смутившись, затем оглядывается на Эвана, который что-то совсем притих. Он протягивает руку и ласково похлопывает меня по руке. – Прости, дорогая Селестина, я вовсе не хотел напугать тебя. Давай начнем с чистого листа, договорились? – Он поднял бокал и с лучезарной улыбкой провозгласил тост: – С Днем Земли!

Я дождалась, чтобы дом затих к ночи, чтобы и в спальне родителей смолкло негромкое бормотание – сегодня, после этих событий, разговор длился намного дольше обычного. Затем я отправилась на вершину, где мы с Артом встречались почти каждую ночь на протяжении последних трех месяцев.

В эти месяцы я проводила с Креванами больше времени, чем с собственной семьей, и рада была бы остаться у них насовсем. Мне казалось, в эту семью я лучше вписываюсь, все у них так логично и разумно. Я всегда верила в правоту Трибунала. Я безусловно поддерживала Боско. Мне нравилось, как он за обедом пересказывал подробности судебных разбирательств, как он уличил члена благотворительного фонда, который вздумал обеспечить себе «золотой парашют», как разоблачил звезду, которая нажила миллионы на продаже дисков со своей волшебной гимнастикой, а сама тайком сделала подтяжку живота. Каждый день у него находились занятные истории из зала суда, и я садилась и слушала их одну за другой. Я хорошо понимала, что он делает: предотвращает обман и мошенничество, спасая граждан. Я-то различаю добро и зло. Я знаю правила. Но вот наступил день, когда эти правила, за которые я всегда ратовала, расплываются у меня перед глазами, потому что это происходит прямо у порога моего дома. Буквально.

11 часов вечера. Вершина горы нависает над сонной столицей. Мы живем в долине, окруженной со всех сторон горами. Там, на вершине, господствующий над городом замок Хайленд-касл, подсвеченный мощными красными прожекторами, у него почти угрожающий вид, как будто оттуда следят за каждым нашим движением. Он был построен примерно в 1100 году нашей эры, там жили короли, Хайленд-касл – настоящая крепость. Самая высокая круглая башня в мире, ее зоркое око видит и вдаль и вблизи. После многих веков войн, вторжений, резни теперь там проводятся правительственные съезды и официальные обеды, экскурсии по памятнику архитектуры и музею древностей, и там же заседает Трибунал. Мы устроились на вершине напротив горы, слева и справа от нас горизонт загораживают ветряные мельницы. Налево, точками в ночи, другие города, одна точка за другой, бесконечно, замок бдительно присматривает за всеми, а направо тянется сельская и промышленная местность, где-то там поселился мой дед. Хамминг –

самый большой город Хайленда, столица, знаменитая и своей красотой, и славной историей. Туристы стекаются к нам из самых разных стран, чтобы полюбоваться мостами и сказочными дворцами и замками, мощеными улочками, богато украшенными площадями. По большей части здешние здания устояли перед яростными разрушениями XX века на радость любителям романской архитектуры, готики и Возрождения. Хамминг-бридж, шириной десять метров и длиной шестьсот, – один из самых знаменитых в мире мостов, он был построен в XIV веке. Он ведет за реку, к замку Хайленд. Он и ночью прекрасен, подсвечены все шесть арок моста, три его башни, статуи наших героев, которые стоят на мосту с обеих сторон, словно стерегут его.

Мне нравится путешествовать на каникулах, но после школы я останусь жить здесь. Мы с Артом уже договорились, мы будем учиться в столичном университете, я выберу математику, он – физику и химию, все давно решено. Джунипер мечтает уехать, как только закончит школу, зимой она собирается работать инструктором по горным лыжам в Швейцарии, летом – спасателем на пляжах Португалии, что-то в этом роде.

Арт говорит, ему нравится сидеть на вершине, потому что отсюда «открывается перспектива». Тяжелый у него выдался год, его мама умерла, и это место, как мне кажется, помогает ему оторваться от земных горестей, он смотрит на них словно с высоты, издалека, и горе его понемногу приглушается, да и время лечит. А для меня вершина – то место, где мы с Артом вдвоем, против всего мира. Там, у подножия, миллион человек спят крепким сном, а мы с Артом тут вместе, и союз наш крепнет с каждым днем. Я чувствую себя непобедимой. Я чувствую себя как этот замок, который бдит над всеми, – недосыгаемой, неприкосновенной.

Это лишь в последние полгода у меня появились такие чувства к Арту. Дружили мы с двенадцати лет, вместе пришли в среднюю школу, и в первый же день нас посадили за одну парту. Мы тусовались в одной компании, он с мальчиками, я с девочками, но все время рядом. И никогда не оставались только вдвоем, хотя и жили по соседству, через дорогу. Лишь год назад, когда его мама умерла, Арт вдруг стал приглашать меня на свидания, и ему было все равно, что об этом подумают ребята. Мы забирались сюда и разговаривали, он оплакивал мать и постепенно смирялся с утратой – на его глазах мать медленно погибала от рака. А когда скорбь понемногу отступила, она перестала быть главной причиной наших встреч, и они превратились во что-то совсем другое.

Тогда со мной стало происходить что-то странное. Шорох крыльев,

будто налетала стая бабочек, всякий раз, как я видела его, и глупая улыбка на лице, стоило хотя бы подумать о нем, и пузырьки в животе, и разряд тока, когда его кожа соприкасалась с моей. Вдруг все стало страшно важно: что я надену, что скажу, как я выгляжу. Первой эту перемену во мне заметила конечно же Джунипер, которая изо дня в день наблюдала, как я тревожно изучаю свое отражение в зеркале, прежде чем выскочить из дома. Заметил это и Арт, а когда я на минутку перестала нервничать из-за того, что происходит со мной, я смогла разглядеть, что это происходит и с ним. И вот мы уже три месяца вместе.

Добравшись до вершины, я разглядела его подсвеченную луной фигуру, и гнев во мне поутих. Арт умеет делать это со мной. Я просто в мягкое желе превращаюсь. Всегда приходит заранее, всегда ждет меня, сидя на одеяле, с таким сосредоточенным лицом – вглядывается в сонный город под горой. Идеальная картина. Я часто повторяю слово «идеал» и когда говорю о самом Арте, и описывая любую проведенную с ним вместе минуту.

– Привет, ранний червячок, – говорю я.

Он поднял голову, печаль у него на лице сменилась улыбкой. И, кажется, облегчением.

– Привет, мышка. Пришла за сыром? Я его уже съел.

– Сыр и черви. – Я усаживаюсь рядом с ним на одеяло. – Ням-ням.

Мы поцеловались.

– Вот это я понимаю, ням-ням, – бормочет он, притягивая меня ближе. Второй поцелуй – дольше, сколько хватает сил.

Что-то в Арте сегодня непривычное. Я это чувствую. Потихоньку отодвигаюсь и всматриваюсь в его лицо, его глаза.

– Давай договоримся не обсуждать, что произошло сегодня?

– Неплохая идея! – вздыхаю я. – У меня даже от мыслей об этом голова трещит.

Он целует меня в лоб и не спешит оторвать от него губы. Мы молчим, погрузившись в раздумья, и видится и слышится нам одно: как Ангелину Тиндер тащат прочь из дома. Напряженного молчания нам не вынести: вскоре Арт выпрямился и заговорил:

– Сегодня мой отец... – И он прервался, уставился на крыши домов и трубы, и я вижу, как он переживает из-за того, что сегодня произошло. С тех пор как его мать умерла, я все время стараюсь защитить Арта, чтобы он не печалился. И хотя сама я не до конца разобралась в том, что случилось, я должна вернуть Арту покой и ясность.

– Слушай, Джунипер не следовало так разговаривать с ним, но ты же

знаешь, какая она. Ей бы научиться держать рот на замке. Вылитый наш дедушка!

– Джунипер всего лишь сказала то, что думала, – к моему изумлению, возражает он.

– Не следует говорить такое судье.

Он печально улыбнулся:

– Для тебя, Селестина, не существует ничего, кроме черного и белого. Мы же соседи, мы праздновали День Земли у вас в столовой, а не стояли перед Трибуналом. И он ведь знал, что за Ангелиной сегодня приедут, – неужели не мог предупредить хотя бы ее, если не нас? Они дружили. Можно же было дать ей возможность подготовиться, а не тащить вот так, на глазах у семьи, у маленьких детей...

Странно слышать такое от него. Арт никогда не критиковал отца. Они – закадычные друзья, сплоченная команда, двое на всем белом свете, – теперь, когда мама умерла, у обоих нет никого ближе. Пережили страшное горе вместе, и это их сплотило, – во всяком случае, так мне это виделось. И я понимаю, что Арт точно так же растерян и возмущен, как я.

– Он действовал по правилам, – говорю я, но знаю, что этого объяснения недостаточно. Недостаточно, однако это чистая правда. – С Ангелиной случилась ужасная беда, но твоего отца в этом нельзя винить.

– Нельзя? – с горечью переспрашивает он.

– Это его *работа*. Почти каждый день где-нибудь в стране уличают порочных. Твой отец трудится изо всех сил, чтобы сохранить идеалы нашей страны. Что же будет, если он вздумает закрыть глаза на чьи-то проступки? – Я перескакиваю с мысли на мысль, торопясь высказать то, что меня гложет. – Сам подумай. Судья Креван предстанет перед Трибуналом и будет заклемен за то, что по дружбе кого-то не заклеимил?

Арт уставился на меня:

– С такой точки зрения я никогда об этом не думал.

– А надо бы. Ведь это твой отец. И он могущественный человек. Многие им восхищаются, даже преклоняются перед ним. Тебе, конечно, порой нелегко с таким отцом, но он любит тебя. К тому же он тебя создал – наполовину, а значит, он просто гений!

Арт улыбнулся, обхватил мое лицо ладонями, скорчил рожу:

– Избавь меня от необходимости представлять себе, как он меня создавал, уж будь так добра!

– Ты очень вульгарен! – смеюсь я.

– А ты видишь только черное и белое.

– Во всем, – улыбаюсь я, но улыбка дрожит, я не так уверена в своем

мнении, как обычно. Арта я вроде бы убедила, но убедила ли себя?

Арт откашлялся:

– Я хотел подождать до твоего дня рождения, но после сегодняшнего... думаю, сегодня ты вполне это заслужила.

Он подsunул под меня левую ногу и, подтянув меня к себе, зажал между бедрами. Неуверенность тут же слетела с меня: все правильно, я там, где и хочу быть.

– Заказал к твоему восемнадцатилетию, но решил отдать тебе прямо сейчас, чтобы ты знала: что бы ни творилось в мире, ты единственная. Весь мой смысл и свет. Ты прекрасна! – Он провел пальцем по моей щеке, по носу, по губам. – Ты умная, ты верный друг. – Он протянул мне маленькую, обтянутую бархатом коробочку.

Руки у меня слегка задрожали: он застал меня врасплох. Открыв коробочку, я вынула изящную серебряную цепочку, очень тонкую, не порвать бы. На ней висел брелок – символ.

– Ты – идеал! – шепнул мне Арт, и я почувствовала, как мурашки бегут по телу.

Я всматривалась в это украшение, почти не веря своим глазам.

– Я заказал это одному искуснику из Хайленд-касла. Ты ведь знаешь, что это значит?

Я кивнула:

– Круги – символ совершенства. Все радиусы равны, между ними нет ни малейшего различия. Это гармония. Геометрическая гармония.

– Совершенство, – нежно повторил он. – За математикой трудно угнаться, сама понимаешь. – Он усмехнулся. – Долго пришлось вникать, мозги до сих пор не отошли.

Я засмеялась, а на глазах выступили слезы.

– Спасибо, – шепнула я ему. Хотела надеть тоненький браслет на запястье, но Арт меня остановил.

– Нет, вот сюда. – Он вынул украшение из моих дрожащих рук, бережно взял меня за лодыжку. Отодвинулся, потянул мою ногу на себя, медленно закатал джинсы, теплые пальцы приятно щекотали кожу. Он обвил цепочкой мою лодыжку и снова подался вперед, все ближе и ближе, между моих ног, так, чтобы мои ноги сомкнулись у него на спине.

Пальцем он вздернул мой подбородок, и мы оказались носом к носу, разделенные только лунным светом. Арт наклонил голову и поцеловал меня – нежно, настойчиво, неукротимо. Губы его сочны, язык – сама сладость. Я глубоко запустила пальцы ему в волосы и растворилась в нем, в этой ночи.

Когда я вспоминаю ту минуту, сердце вновь взмывает, как тогда, и все вокруг становится магическим, мистическим, музыкальным – даже поверить трудно. Я могла бы растянуть этот миг на целую вечность: наши губы слились, наши тела все теснее прижимаются друг к другу, нам нужно больше, все больше, и будущее распахнуто перед нами, безбрежное, как этот вид с горы, ясное, как эта луна. Только мы двое на вершине уснувшего мира – непобедимые, неприкосновенные для горя.

Самый идеальный момент в моей жизни.

Последний идеальный момент в моей жизни.

Проснувшись, я первым делом высунула ногу из-под одеяла: браслет на месте, это не сон, не порождение фантазии, которое рассеется, едва я проснусь. Я снова увернулась в одеяло, чтобы еще раз мысленно пережить события ночи, но тут же сообразила, что, оттягивая наступление утра, откладываю и встречу с Артом: он же будет, как обычно, ждать меня на остановке, откуда мы вместе поедem на автобусе в школу.

Хотя я была счастлива, спалось мне плохо, все еще преследовала та сцена, когда уводили Ангелину Тиндер. Меня даже покачнуло, когда я одевалась. Что-то и внутри меня пошатнулось, стронулось с места. Дрогнуло чувство защищенности и доверие – к кому? Не к Арту, ему я верю больше чем прежде. Как ни странно, кажется, я стала меньше доверять самой себе.

Я никогда не задумываюсь, как одеться. Не то что Джунипер – слышно, как она ворчит и вздыхает, раздраженно стаскивая через голову очередной прикид, вечно недовольная тем, как она выглядит. Встает на полчаса раньше только ради того, чтобы нарядиться, и каждое утро в итоге едва успевает выскочить из дома.

Со стороны мы с Джунипер выглядим почти копиями друг друга, а по-моему, мы уж до того разные. Кто не знает нас ближе, не знает наши характеры, тому нас трудно различить. Отпрыски чернокожего отца и белой матери, мы унаследовали от папы цвет кожи и карие глаза, форму носа и оттенок волос. От мамы унаследовали высокие скулы, длинные ноги и руки. Она хотела и нас тоже вовлечь в модельный бизнес, несколько раз и Джунипер и я снимались, но мы обе для такой работы не годимся: я – потому что принимать позы перед камерой не дает интеллектуального стимула, Джунипер – потому что под чужими взглядами она становится еще более неуклюжей, чем обычно.

Я надела кремовое льняное платье, нежно-розовый кардиган из тонкой шерсти и римские сандалии с золотыми ремешками, которые высоко обхватывают ногу. На улице уже тепло, и я люблю пастельные тона. Мама всем нам покупает одежду таких оттенков, она считает, когда члены семьи одеваются похоже, это их сближает. Некоторые даже нанимают стилистов, чтобы согласовать не только наряды, но и в целом облик семьи. Никому не хочется выглядеть наособицу, хотя Джунипер порой предпочитает одеться на свой лад, выбиваясь из семейной палитры. Мы не спорим – если

кому от этого плохо, то лишь ей самой, хотя мама и огорчается, что в итоге семья выглядит негармонично, – по-моему, если кто и выглядит негармонично, то лишь Джунипер.

Я спустилась в столовую раньше нее, как обычно. Эван уже за столом, завтракает. На нем кремовые льняные брюки и светло-розовая футболка, и я счастлива, что мы с ним так похоже оделись – правильное начало дня.

Мама замерла перед телевизором.

– Смотрите, что мне вчера подарили, – почти пою я.

Никто не оборачивается.

– Йю-ху! – Я кручу в воздухе ногой, грациозная, словно балерина.

Эван наконец оглядывается на меня, видит лодыжку, которую я чуть ли не в лицо ему тычу.

– Ну, браслет, – со скукой в голосе произносит он.

– Не просто браслет. Это особый браслет, Эван – ножной. Анклет.

– На здоровье, Тиранотезаурус! – И он снова уткнулся в телевизор.

– Арт подарил! – еще громче распеваю я, пропархивая мимо мамы с папой к холодильнику за молоком.

– Дивно, дорогая, – отвечает мама механически, будто ничего и не слышала.

Я остановилась, вытаращилась на нее. Она полностью поглощена происходящим в телевизоре. Наконец и я присматриваюсь: News-24, Пиа Ванг ведет прямой эфир из Хайленд-касла. Пиа Ванг – корреспондентка, аккредитованная при Трибунале, она со всеми подробностями освещает каждый процесс, рассказывает все детали биографии Заклейменных и об их характере – и на суде, и потом. Ничего хорошего о них не говорит, само собой, отлично умеет закопать и сверху песочком присыпать, хотя надо отдать ей должное – она ведь рассказывает о Заклейменных, о тех, кто принял неверное решение, – и это правильно, что она не пытается наводить на эти истории глянец.

Я выглядываю в окно. Папиной машины уже нет. Наверное, его вызвали пораньше: готовить сюжет к эфиру. Так часто бывает.

– Этот случай привлек особое внимание, – говорит Пиа, лицо у нее – само совершенство, персиковый румянец на щеках. И одежда персикового цвета, свежа и аппетитна, идеальная фарфоровая куколка. Черные, словно лакированные волосы окаймляют маленькое невинное личико. Она идеальна. – Привлек внимание даже за рубежом. Видите, сколько людей собралось перед Трибуналом у замка Хайленд, чтобы поддержать своего любимого футболиста – Джимми Чайлда, лучшего форварда «Хамминг-сити», героя, столько раз приводившего нас к победе. И ныне он

вновь торжествует, он вышел только что из замка, оправданный судьей Креваном и его помощниками: он *не* будет Заклейменным. Повторяю потрясающую новость для тех, кто присоединился к нам только что: Джимми Чайлд *не* приговорен к Клейму.

У меня челюсть отвисла.

– Что? Разве такое бывало раньше хоть раз?

Мама наконец оторвала взгляд от телевизора.

– Не знаю. Не могу припомнить. Ну, может быть, однажды, – неуверенно сказала она.

– Неудивительно, если учесть, что Кревану принадлежат акции футбольной команды, – выстрелила вдруг Джунипер у меня из-за спины, и я обернулась.

Мама тоже обернулась. Лицо встревоженное.

– Джунипер! – только и сказала она.

– Дэймон Креван владеет пятьдесят пятью процентами акций «Хамминг-сити», но это, разумеется, всего лишь совпадение. А мне так кажется, сегодня судили не этого гада, а его жену, – заявила Джунипер. – А ему как с гуся вода.

Никто не спорит. Лицо гламурной супруги Джимми Чайлда несколько недель подряд смотрело на нас со страниц всех газет. Каждая подробность ее жизни, каждая клеточка ее тела были выставлены напоказ, обсуждались на сплетнических сайтах и даже в новостях.

– Отправляйтесь в школу, – предостерегающим тоном говорит мама. – И хватит болтать, а то как бы и за вами не пришли, юная леди. – Она понарошку дергает Джунипер за нос.

Почти предугадала.

Выйдя во двор, я первым делом увидела Колин возле семейной машины. Дверь их дома была открыта, она, видимо, кого-то ждала. Я сообразила, что Колин не пойдет в школу, а, наверное, поедет в Трибунал, на суд. Сердце затрепетало, я пыталась сообразить, как же себя вести. Окликнуть ее? Наживу неприятности. Кто-нибудь в окно увидит, как я с ней общаюсь, и что, если на меня донесут? Или Боско увидит меня в окно своего огромного особняка или когда выйдет, отправляясь на работу? Сказать Колин «привет» – это будет выглядеть так, словно я нелояльна Трибуналу, перешла на сторону Колин и ее мамы. Не будет ли это считаться помощью Заклейменным? За это тоже судят. Но если пройду молча, это будет невежливо, и, в конце концов, Клеймо ведь только на ее матери, а не на самой Колин. Она повернула ко мне голову – и я

не выдержала, я поспешно отвела взгляд.

За спиной я слышу, как Джунипер говорит Колин: «Хорошего дня!» – и меня раздражает, как естественно она это сказала, а потом нацепила наушники и отключилась.

Зато Арт уже стоит на остановке, и выглядит он прекрасно, как всегда. Добегаю и с разбегу напрыгиваю на него:

– Птичка!

– Мышка!

Он поцеловал меня, а я заторопилась рассказать новости:

– Ты уже слышал про Джимми Чайлда? – Я думала, Арт будет счастлив. Джимми Чайлд – его герой, еще год назад у Арта вся комната была обклеена постерами с его портретом. Как у большинства мальчишек. Во время процесса Арту представилась возможность встретиться с Джимми, хотя короткий обмен приветствиями в камере перед судом совсем не то, о чем он мечтал в детстве. И говорить об этом Арт со мной не хотел.

– Ага, – ответил он. – Папа сегодня умчался на рассвете, хотел как можно скорее вынести вердикт, чтобы успеть к утренним новостям.

Я опять думаю, что надо было поздороваться с Колин, ведь Боско, значит, не было дома и он бы не увидел, да и велика ли беда, если просто сказать человеку «привет»? Я сержусь сама на себя.

– Прямо слышу, как скворчат твои мозги. Все хорошо? – Он ткнул костяшками пальцев в мой сморщенный лоб и попытался его разгладить.

– Да! – рассмеялась я. – Просто задумалась. Не знала, что вердикты выносят и потихоньку. Думала, Именование всегда происходит публично. Не люблю тайны.

– А как насчет нашей с тобой тайны? – говорит Арт и запускает руку в вырез моего платья.

Я со смехом останавливаю его руку, меня опять что-то беспокоит. Оглянувшись на Джунипер, я убеждаюсь, что она включила музыку на полную громкость, каждое слово слышно.

Но на всякий случай я понижаю голос:

– Как ты думаешь, жену Джимми Чайлда – ее тоже судили?

– Серену Чайлд? – недоуменно переспрашивает он.

– Ну да. Если подумать, – ведь я думала об этом с той самой минуты, как Джунипер сказала это вслух, и по пути к автобусу на подгибающихся ногах, что-то они меня сегодня плохо слушаются, – все время говорили не о нем, не о его поступках, но какая она противная, и какая лицемерка, и какая она *женщина*, как же такой не изменить?

Арт расхохотался:

– По-моему, Пиа не совсем так говорила. – Он ласково улыбается мне. – «Прямой эфир. – Он в точности изображает Пиа. – Серена Чайлд – настоящая женщина. Как же такой не изменить?»

Я тоже смеюсь, понимая, как глупо прозвучали мои слова, но тут же снова становлюсь серьезной, потому что мне важно, чтобы он меня понял.

– Нет, но то, как они обсуждали ее внешность. Подтяжки. Наряды. Ее прошлое. Ее целлюлит. Целовалась с девушкой – и что теперь? И загар у нее-де слишком оранжевый. В пятнадцать лет страдала анорексией. Училась в одном классе с парнем, который спустя много лет ограбил банк. Никогда не готовила дома. Ему приходилось обедать в столовой. Мы только и слышали что о ней. Как будто к Клейму должны были приговорить ее, а не его.

Арт снова рассмеялся, наслаждаясь чепухой, которую я несу, может быть, еще и потому, что мне это вовсе не свойственно:

– Ну так почему же судили ее, а не его?

– Чтобы спасти его от приговора. Теперь все говорят: она скверная жена, чем же он виноват? Звездный игрок оказался неприкосновенным.

Улыбка мгновенно исчезает с губ Арта, он смотрит на меня так, словно видит впервые в жизни.

– Селестина, будь осторожнее!

Я передернула плечами, будто вовсе об этом не забочусь, но сердце так и бухает оттого, что я позволила себе это сказать.

Это все Джунипер. Я и так не очень понимала, что происходит, а ее слова застряли у меня в голове, и я все прикидываю, не была ли она права. Я думаю об этом всю дорогу, пока мы едем в автобусе, молча – ни Арт ничего не говорит, ни я. Я думаю о Колин, которая едет на суд над своей мамой, о ее маме, которая получит Клеймо за то, что поехала в другую страну, выполняя волю своей страдающей матери. Неужели это действительно заслуживает Клейма? К таким мыслям я пока не готова. Но я привыкла делиться каждой мыслью с Артом, конечно же я могу признаться и в этой, он поможет распутать их сбившийся клубок.

Арт берет меня за руку, и я чувствую себя в безопасности.

– Как по-твоему, Ангелина поступила плохо? – тихо спрашиваю я.

Он молча смотрит на меня.

– Я все время думаю об этом. Всю ночь думала. Мне кажется, это *не так* плохо. Если ее мама сама этого хотела, правда? Бывают ведь и хуже проступки...

– Конечно, бывают и хуже.

– Но хотя бывают и хуже, Клеймо всем ставят одинаковое?

– Она получит только одно. На правой руке. А некоторым ставят два.

Он не продумал это как следует. Я вижу, он не продумал. Я ведь знаю Арта. Он отвечает чересчур поспешно. Обороняется, хотя я вовсе не нападаю. Вот что происходит, когда речь заходит о Заклейменных: у каждого имеются собственные твердые убеждения, это слишком личное. И для Арта в особенности, потому что его отец – верховный судья, а дед был основателем Трибунала. Я всегда почитала их. И сейчас почитаю. Ведь так?

В автобусе, устроившись на обычном месте, я стала присматриваться к Заклейменной женщине, которая сидела на предназначенном для таких людей сиденье. Для Заклейменных в автобусе отводится два сиденья, потому что по правилам Заклейменные не могут собираться вместе более чем по двое. Это правило введено для предотвращения беспорядков, которые вспыхнули, когда Трибунал еще только был создан. Но сейчас я впервые задумываюсь, почему бы не добавить еще два сиденья на задней площадке или еще где-то в стороне от первых двух. Чередовать сиденья для нормальных людей и те, на которых можно садиться людям с Клеймом. Им так часто приходится стоять, хотя автобус заполнен лишь наполовину, и раньше меня это не смущало в моральном плане – смущало лишь тогда, когда нужно было выходить и приходилось протискиваться между ними: голову даю на отсечение, некоторые из них умышленно не отодвигались и вынуждали меня соприкоснуться с их Заклейменными телами, чтобы пробраться к дверям. Передние места для Заклейменных обтянуты ярко-красным кожаном и развернуты лицом ко всему автобусу, так что все пассажиры видят этих Заклейменных. Когда я была маленькой, мне было не по себе оттого, что приходится всю дорогу смотреть на них, а потом я привыкла и теперь уже их не замечаю.

Я смотрю на Заклейменную женщину, которая сидит одиноко на своем сиденье, повязка цвета крови со знаком, уличающим, кто она есть.

Я вижу тот же символ у нее на виске и думаю, какое же неверное решение она приняла, за что так поплатилась. Шрам на виске явно старый: свежее Клеймо еще пылает ярко-красным, и на нем поджигает корочка. Эту женщину заклеямили уже довольно давно, и я думаю, что это значит: стала ли она еще более порочной, становятся ли порочные с годами еще хуже, или же Клеймо, признание порока, прижигает его и препятствует росту и распространению. Она пишет эсэмэску, а потом кладет телефон на колени, и я успеваю увидеть на заставке лица ее детей. Впервые в жизни

я задумываюсь, каково Заклейменным жить в одном мире со всеми людьми, вместе с любимыми и близкими, но по особым правилам. Раньше меня этот вопрос не тревожил. Ангелина и ее дети: Ангелине запретят многие профессии, ограничат передвижение, установят комендантский час. Ей же придется ложиться спать раньше, чем детям! Как она сможет их воспитывать, живя по другим правилам? А что делает Заклейменная мать, если младенец проголодается посреди ночи? Что будет, если Тиндеры захотят отдохнуть за границей – Ангелина останется дома? Колин вырастет и найдет работу в другой стране, а ее мама не сможет приехать к ней. Никогда. Почему я раньше обо всем этом не задумывалась?

Потому что меня это не беспокоило, вот почему. Потому что я всегда рассуждала так: эти люди поступали дурно и заслужили наказание. Пусть они и не совершили уголовного преступления, однако недалеко были от того, чтобы угодить за решетку. Но если Ангелина, которая, я же знала, мухи не обидит, запросто превращается в Заклейменную, то, быть может, и эта женщина на переднем сиденье не так ужасна. Я никогда не общалась ни с кем из них – не то чтобы это нам запрещалось, но я представления не имела, как с ними говорить. Осторожно обходила, если такой человек оказывался рядом. Избегала встречаться взглядом, держалась так, будто их вовсе не существует. В супермаркете они делают покупки в особом отделе, а я его обходила стороной: они там набирают овсяные хлопья, каши, что еще входит в их элементарное питание для удовлетворения элементарных потребностей. Жизнь, полностью лишенная удовольствий, – постоянное наказание. Раньше я не думала, что это так уж плохо, не в тюрьме ведь сидят, но я и не пыталась вообразить, каково это – жить по правилам, которые твой муж не обязан соблюдать. И дети не должны. И все нормальные люди не должны. К тому же Заклейменным нельзя общаться друг с другом. Только один на один, и то на каждых двух Заклейменных должен присутствовать один нормальный. Я представила себе свадьбу Заклейменной, ее день рождения – и содрогнулась. О чем они вообще разговаривают между собой? Рассказывают друг другу, кто в чем провинился? Демонстрируют Клейма и хвалятся своей испорченностью? Или стыдятся, как им и следует?

Губы Арта скользят по мочке моего уха.

– Хватит думать, голова треснет, – шепчет он. От его жаркого дыхания волосы на затылке у меня встают дыбом, и я бы рада перестать думать, правда, но никак не получается. Впервые Арту не удается полностью завладеть моим вниманием. Эти мысли, эта минута целиком меня поглотили.

Автобус остановился, вошла старуха на костылях. Водитель помог ей и проводил к местам для Заклейменных: здесь больше места для ног, они отодвинуты от всего ряда так, чтобы мы с ними не соприкасались. Старуха села возле Заклейменной женщины, и та ей улыбнулась.

Старуха глянула на нее с таким отвращением, что мне сделалась неловко – за ту, Заклейменную. Она отвернулась, в глазах ее боль. Почувствовала, что я гляжу на нее, и мы встретились взглядами – на микроскопический миг, прежде чем я отвела глаза, сердце застучало. Я вступила в контакт с Заклейменной. Хоть бы никто не заметил. Хоть бы не подумали, будто я ее пожалела.

– Да что с тобой сегодня? – спрашивает Арт, слегка озадаченный, слегка встревоженный.

– Ничего, – отвечаю я и спешу сменить тему: – Все у меня идеально, как всегда.

Он улыбается, потирает мою ладонь большим пальцем, и я таю.

Джунипер сидит через проход, всем телом прижалась к окну, как можно дальше от меня, от Арта, от любого пассажира этого автобуса.

Давно ли у нас с Джунипер не заладилось? Если верить фотографиям и рассказам родных, в детстве мы были не разлей вода. Старшая сестра – неполным годом всего старше, но ей нравилось возиться со мной, она охотно превращалась в мою покровительницу. А потом мы перешли в среднюю школу, и все изменилось. Мы учились в разных классах, впервые у каждой появились свои друзья, и мы отдалились друг от друга. Я в школе блистала, я обожаю получать знания, мне всегда мало, я глотаю книги, смотрю документальное кино, всем предметам предпочитаю математику и, как закончу в этом году школу, буду, надеюсь, изучать математику в университете. Моя главная цель в жизни – получить медаль Филдса, международную награду за выдающееся математическое открытие, это величайшая честь, какой может удостоиться математик, все равно что Нобелевская премия. Ее присуждают только молодым ученым, до сорока лет. Мне семнадцать. Времени достаточно. Судя по промежуточным тестам, в университет я пройду с легкостью. Джунипер не склонна к зависти, но оценки стали первым, что нас разделило.

У меня были идеальные оценки, им радовалась вся семья. А ее – нет. Не то чтобы плохие, нет, но и не идеальные. И все хотели, чтобы Джунипер училась лучше, чтобы она стала лучше. Я понимала, какому она подвергается давлению, и мне следовало бы ей помочь, а вместо этого она в итоге на меня же и затаила обиду.

Она считает меня всезнайкой. Она мне сто раз это говорила, и я

старюсь хотя бы при ней лишний раз это не демонстрировать, но что я могу поделать, если меня так и тянет поправить грамматическую ошибку или напомнить определение из словаря. Я при этом вовсе не хочу показать свое превосходство, просто я так устроена и не могу иначе. Я пыталась задавать Джунипер вопросы о том о сем, притворялась, будто не знаю то, что прекрасно знаю, но это она сочла оскорбительным, и она права, но как мне еще поступать? Я стремлюсь к идеалу, и в этот идеал входят замечательные отношения с сестрой, как в кино, как в книгах, как во всех этих сюжетах, где у сестер самая нежная любовь, самые близкие отношения на всю жизнь.

У Джунипер дислексия. Она считает это еще одним изъяном, еще одной несправедливостью мира, но я же вижу, что это помогает ей воспринимать все по-другому. Я привыкла решать задачи, я однозначно воспринимаю буквы и цифры, вникаю в изложенные доказательства и прихожу к верному выводу. Джунипер умнее и глубже. Она читает другое и по-другому. Она людей считывает. Не знаю, как ей удастся, но она присматривается, прислушивается и приходит к таким заключениям, какие и я вообразить бы не могла, и обычно угадывает верно. Я смотрю на все прямо, а ее взгляд словно огибает людей и предметы, искривляется, кружит, переворачивает все вверх дном и находит ответ. Я никогда не делилась с Джунипер этими своими мыслями о ней, я думаю их про себя, иначе она опять оскорбится, что я, мол, пытаюсь быть снисходительной, а ведь на самом деле я немного ей в этом и завидую.

Теперь мне вспомнилось, как мама сказала, что, может быть, Джимми Чайлд и не первый, кого Трибунал оправдал.

– Ты не слыхал, бывали еще люди, которые предстали перед Трибуналом, но не были осуждены? – шепнула я Арту.

Он повернулся ко мне, но руку мою выпустил. Сердится, что я никак с этой темой не слезу.

– Нет, ничего об этом не знаю.

– Наверное, были и другие, признанные невиновными. Твой папа никогда ничего не говорил?

– Черт побери, Селестина, да хватит уже!

– Я всего лишь спросила.

– Нечего спрашивать!

– Разве нечего?

– По крайней мере, тут не место, – говорит он, тревожно оглядываясь по сторонам.

Я смолкаю. Гляжу прямо перед собой на Заклейменную женщину –

она встала и собирается выходить. Вышла, и в автобус вошла довольно крупная женщина средних лет. Она поздоровалась с той, на костылях, уселась возле нее, и они принялись болтать.

На следующей остановке в автобус вошел старик. Я чуть было не окликнула его – так похож на моего дела, вылитый он, но откуда здесь взяться деду, он ведь живет в деревне, в нескольких часах езды от города. А потом я увидела повязку с бросающейся в глаза «П» и содрогнулась, рассердилась на саму себя: как я могла принять такого человека за кого-то, мне близкого.

И снова рассердилась на себя: что за предрассудки! Мне же не понравилось, как старуха на костылях дернулась, когда Заклейменная попыталась ей улыбнуться, а сама я разделяю те же взгляды и даже не отдаю себе в этом отчета.

Этому старику сильно за семьдесят, а то и за восемьдесят, не могу точно определить. Старый, но в безупречном костюме, ботинки начищены, словно он спешит на работу. Со своего места я не могу разглядеть Клеймо – впрочем, оно может быть на груди, на стопе или языке, тогда его и не видно. Выглядит старик очень почтенно, и я все внимательнее присматриваюсь к нему, сбита с толку. Я привыкла считать Заклейменных не такими, как мы, и только сейчас сама себе в этом призналась. Сесть старику негде: оба места для Заклейменных заняты этими женщинами, которые сами-то без Клейма, но с головой ушли в свою болтовню и нового пассажира не замечают. Он стоит рядом с ними, ухватился за поручень, старается держаться прямо.

Хоть бы они поскорее увидели. Он, похоже, так долго не простоит.

Минуты проходят. Он все стоит. Я оглядываюсь по сторонам. С десятков свободных сидений, но там ему сидеть не разрешено. Я – человек рациональный, и это все кажется мне алогичным.

Я оглядываюсь на Джунипер: она сняла наушники, выпрямилась, лицо напряженное, тоже присматривается к этой ситуации. Джунипер всегда была намного эмоциональнее меня, и я вижу, она уже сползла на самый кончик сиденья, вот-вот рванется в бой. Мне бы испугаться, что она глупостей наделает, а я ликую: наконец-то мы с ней совпали.

Старик закашлялся. Кашляет и не может остановиться.

Он дышал с присвистом, не успевал толком вдохнуть перед очередным приступом. Достал платок и прикрыл рот, чтобы шуметь поменьше и не распространять заразу. Лицо его порозовело, залилось краской, стало лиловеть, и я увидела, что Джунипер уже приподнимается с места. Глаз не сводит с тех двух болтушек и захлебывающегося кашлем старика.

Наконец кашель оборвался.

Через мгновение он снова зашелся. Пассажиры отвернулись, уставились каждый в свое окно. Толстуха прервалась и глянула на старика, и я успокоилась: наконец-то она пустит его на то единственное место, где ему разрешено сидеть. Но она только языком цыкнула – раздражает ее этот кашель – и опять заговорила со старухой.

Я напряженно выпрямилась.

Да, кашель ее раздражал. Всех беспокоил в автобусе. Невозможно не услышать, как захлебывается человек от нехватки воздуха, но все делают вид, будто не слышат. Согласно правилам, тот, кто поможет Заклейменному, сам угодит в тюрьму, но ведь не в подобном же случае, верно? Мы же не можем смотреть, как он погибает?

Кашель смолк.

Кровь оглушительно стучит в ушах.

Я выпустила руку Арта. Она была холодной и влажной.

– Что случилось?

– Слышишь?

– Что?

– Кашель.

Он оглядывается:

– Никто не кашляет.

Старик заходится снова, но Арт и глазом не моргнул. Посмотрел на меня нежно и шепнул:

– Не терпится остаться с тобой наедине. Давай с первого урока смоемся?

Я едва разбираю его слова поверх кашля, поверх стука своего сердца. Неужели никто не слышит, как он кашляет? Никто не видит старика? В растерянности я снова оглядываюсь: все уставились каждый в свое окно, а если кто и смотрит на старика, то брезгливо, будто его Клеймо заразно.

У Джунипер на глазах слезы. Значит, я не одинока: моя родная сестра заодно со мной. Такого подтверждения достаточно. Я приподнимаюсь, но Арт неожиданно крепко хватает меня за руку.

– Не вздумай! – решительно приказывает он.

– Ой! – Я попыталась вырваться, но его пальцы впились так, что кожу под ними словно обожгло. – Больно,пусти!

– Когда тебе Клеймо поставят, больнее будет! – И он сдавил еще сильнее.

– Арт, перестань! Больно! – Правда, как огнем жжет.

Он остановился.

– Это же несправедливо! – прошипела я.

– Он сделал что-то дурное, Селестина.

– Например? Что-нибудь, что в другой стране совершенно законно, а у нас за это все равно судят?

Похоже, это его задело.

– Глупостей не наделяй, Селестина! – только и сказал, видя, что спор проигран. И добавил поспешно: – Не помогай ему!

– Я не собираюсь ему помогать.

Как я решилась подойти к этому старику – кашляющему, пыхтящему, задыхающемуся, – сама не пойму, но подошла и увидела шрам в форме «П» у него на виске, поблекший, как будто он носит его уже давным-давно, шрам стал такой же частью его тела, как родинки и волосы вокруг. Обойдя старика, я обратилась напрямую к тем двум женщинам, которые знай себе обсуждают рецепты варенья, сидя на обоих местах для Заклейменных, и как будто ничего не видят вокруг.

– Извините, – заговорила я сладко-сладко, растянув губы в любезнейшей улыбке. Они тут же ответили мне приветливыми улыбками. Две хорошо воспитанные, славные женщины из пригорода, охотно помогут мне во всем. Почти во всем.

– Да, дорогая?

– Можно вас попросить?

– Конечно, дорогая.

– Не могла бы одна из вас пересесть на другое свободное место? Или, если вы хотите сидеть вместе, мы с моим парнем уступим вам, и вы спокойно продолжите свой разговор...

Я глянула на Арта – лицо его искажено ужасом. А вот мне больше не страшно. Я люблю логичные решения. Эта проблема беспокоила меня, я придумала, как ее решить, и это логично. Ничего дурного я не делаю. Никаких правил не нарушаю. Меня всегда хвалят за точность поступков. Я идеальная молодая девушка. Выросла в идеальной семье, у меня отличные манеры, на лодыжке – ножной браслет, символ геометрической гармонии.

– Позвольте спросить зачем? – спрашивает старуха со сломанной ногой.

– Этот человек, – указываю я на старика, – у него Клеймо, а вы сидите на местах для Заклейменных. Ему негде больше сесть, а ему плохо.

Я вижу, как при этих словах все больше лиц оборачивается ко мне. Надеюсь, теперь они меня поймут. Надеюсь, ничего больше не придется объяснять. Я даже рассчитывала, что несколько человек поближе, кто все

слышал, тоже вступятся, согласятся со мной, ведь я права. Но никто не откликается. Все сконфужены, кто-то, кажется, даже испуган, один глядит так, словно забавляется ситуацией. Все это нелогично, в этом только Джунипер могла бы разобраться. Я гляжу на нее. У нее на лице ужас, как у Арта. Она не двигается с места. Уж она-то, думала я, поддержит меня, но нет.

– Мы же разговариваем! – говорит другая женщина.

– А он задыхается, – возражаю я с той же улыбкой, которая мне самой уже кажется малость психованной, потому что про вежливость пора бы и забыть.

– Вы хотите ему помочь? – спрашивает та, с костылями.

– Нет, – лепечу я. – Нет. Но надо же как-то исправить ситуацию... – Я посылаю ей самую ослепительную из своих улыбок, но старуха с отвращением отшатывается.

– Я с этим дела иметь не желаю! – громко заявляет другая, привлекая к нам лишнее внимание.

– С чем – с этим? – нервно смеюсь я. – У вас-то ноги здоровые, вы могли бы пересесть, а ваша подруга останется...

– Никуда я пересаживаться не стану! – все так же громко рывкает она.

Пассажиры оборачиваются, смотрят на нас.

Старик уже еле стоит. Согнулся в приступе кашля. Он обернулся ко мне и попытался что-то вымолвить, но дыхания не хватило.

Не знаю, что он хотел сказать. Не знаю, как быть дальше. Не знаю, как оказать ему медицинскую помощь. Да ему и запрещено помогать. *Думай, Селестина, думай! Я не имею права ему помочь – но доктор же может.*

– Есть тут врач? – окликаю я пассажиров.

Арт в отчаянии закрывает руками лицо.

Только громкий испуганный вздох мне в ответ.

Я оглядываю все эти лица, застывшие в изумлении, в осуждении. Я растеряна, голова идет кругом. Старик сейчас рухнет, он может умереть. Я чувствую, как слезы щиплют глаза.

– Так и будем на это смотреть? – кричу я.

– Перестань, дорогая, не надо, – шепчет мне какая-то женщина. Она тоже расстроена, это видно, значит, я не одна такая, но она предостерегает меня: я слишком далеко зашла.

Но ведь это же абсолютно нелогично! Разве человеку, пусть даже Заклейменному, отказано в сострадании, разве не следует ему помочь?

Все отворачивают головы, отводят глаза.

– Все хорошо, – говорю я старику, он уже явно в панике. Кашель одолевает его, язык мечется в приоткрытом рту, и я успеваю заметить на нем тоже П и отшатываюсь в ужасе, не могу даже вообразить, какова была боль от ожога. – Все будет хорошо.

Он хватается за грудь, валится на колени.

Я подхватываю его под мышки, усаживаю на ближайшее сиденье.

– Остановите автобус! – кричу я.

Водитель тормозит. Я повторяю старику: все обойдется.

Поднимаю голову и вижу, что Джунипер плачет.

– Все в порядке, – говорю я Арту и ей. – Все будет хорошо. – А сердце стучит оглушительно. – Это же просто нелепо. – Голос мой звучит пронзительно, словно бы и не мой. И тут раздается вой сирен – громко, пронзительно, угрожающе, совсем близко.

Все сидят неподвижно, выжидая, и лишь мое сердце громко стучит в тишине. Два офицера Трибунала поднимаются в автобус, оба свистят в серебряные свистки, оглушительно, кто-то, не выдержав, зажимает ладонями уши. Идут прямо к старику и ко мне.

– Вот видите? Я же говорила, все будет хорошо, – перекрывая этот шум, говорю я старику. – Вот и они. Вот и помощь.

Он слабо кивает, не открывая глаз. Я думала, они подойдут к старику – он полулежит на сиденье, без сил, дышит слабо, пот тонкой пленкой проступил на коже. Но они не за ним. Они за мной.

Хватают меня и волокут прочь.

Джунипер кричит им, чтобы меня не трогали, Арт обеими руками пытается ее удержать, сам выглядит не намного лучше. Офицеры тащат меня по проходу, ухватив с обеих сторон за локти, по ступенькам, и я слышу вопль Джунипер: «Это моя сестра! Сестра!» – и свист, пронзительный свист, пока меня не запихнули в фургон.

Еще до моего рождения страну настиг тяжелый кризис: банки закрывались, правительство не справлялось с проблемами, экономика рушилась, безработица и эмиграция достигли невиданных масштабов. Всех эта беда застала врасплох, и винили тогдашнее руководство. Лидеры страны, лидеры экономики должны были это предвидеть, им полагается знать. Они принимали неправильные, ошибочные решения и привели страну на грань краха. Это плохие люди, из-за них рушились жизни, распадалась семья. Они должны были за это поплатиться. Порочные люди, люди с моральным изъяном, навлекли на нас такую беду.

И тогда всех, кто допускал хоть малейшую ошибку, неверный шаг, стали наказывать безотлагательно. Публично высмеивали, выставляли неудачниками, вынуждали к отставке. Каждого назвали поименно, каждого запятнали. Эти люди не были преступниками, но они принимали дурные решения. Обществу нужны не такие вожди, которые учатся на собственных ошибках, а те, что опасных промахов не допускают. Не следует давать им шанс исправиться, сочувствовать им, не нужно жалкого лепета оправдания. Каждый, кто в прошлом делал ошибки, в будущем не может занимать руководящие должности. И когда народ сотысячными толпами окружил Дом правительства, было решено, что впредь каждый, кто обнаружит изъян в суждениях и решениях, подлежит ostracismu. Хватит с нас осмыслений задним числом. Пусть все, все до единого смотрят только вперед – и никаких больше ошибок.

Можно ли воспитать идеального человека? Пробовали много разных способов, и в итоге правительство назначило судейский комитет, Трибунал Кревана. Клеймо ставится на всю жизнь, и от него уже не избавиться, что бы ты в жизни ни делал. Ты так и умрешь Заклейменным. Всю жизнь будешь расплачиваться за единственную ошибку. Твое наказание послужит предостережением для других: пусть думают прежде, чем совершать опрометчивые поступки.

Меня доставили в камеру в подвале замка Хайленд и подвели к столу, где лежали брошюры со всей информацией о Трибунале, которую мне полагалось усвоить. Там была и глава о правилах, по которым предстоит жить Заклейменному. И подробное описание процесса Клеймения, инструкции, как потом залечивать ожог. Я захлопнула книжицу и огляделась.

Камеры выглядят неплохо: цокольный этаж недавно полностью обновили. Четыре камеры, попарно с каждой стороны центрального коридора, а между собой соседние камеры разделены прозрачной пуле- и звуконепроницаемой стеной. В брошюрах сказано, что стеклянная стена символизирует прозрачность системы, но я чувствую: так нас готовят к жизни, где достоинства и приватности почти не останется. В каждой камере стол с четырьмя стульями, кровать, туалет (там стены нормальные), еще несколько стульев расставлены там и сям – вдруг мне вздумается организовать тюремную вечеринку. Все окрашено в цвета зелени и земли, чтобы это место казалось естественным и нормальным.

На все четыре камеры я – единственный арестант. Две напротив не заняты, а в соседней, судя по одежде, по разбросанным вещам, кто-то должен быть, но сейчас он, наверное, в суде, ждет своей участи. За толстые стены туалета, конечно, спасибо, но помещение это настолько мало, что через минуту начинаешь задыхаться. Я бегаю туда поплакать, хотя вполне могла бы предаться этому занятию прямо в камере: во-первых, никого рядом нет и никто не увидит, а во-вторых, красные глаза и слезы на лице все равно меня выдадут.

Мне пока не представилась возможность поговорить с кем-нибудь, обсудить, разобрать и проанализировать случившееся. Меня зарегистрировали в приемной, и симпатичная женщина в форме офицера Трибунала (она представилась: ее зовут Тина) проводила меня в эту камеру, а потом меня отвели в помещение под Часовой башней, где находятся рабочие помещения Трибунала. Я все это хорошо знаю, потому что всегда смотрю репортажи, каждый прямой эфир Пиа, когда обвиняемых ведут из Часовой башни по длинной мощеной дорожке во двор Трибунала, они прячут лица, а толпа кричит, проклиная их и выражает полную поддержку Трибуналу.

Я в шоке. Естественно, я в шоке. Никак не могу смириться с тем, что я попала *сюда*, – я, которая никогда ничего не делает неправильно, я, умеющая ладить с людьми, я, у которой каждый школьный отчет заполнен одними лишь идеальными оценками, только «А», я, чей бойфренд – сын главного судьи Трибунала.

Вновь и вновь я мысленно перебираю все свои действия в автобусе. Столько раз уже их перевернула, что они начинают сбиваться, как песенка на заезженной пластинке. Я думаю о том, что я сделала, что следовало сделать, что можно было сделать лучше, и в итоге путаюсь и не вполне понимаю, что произошло на самом деле. Прокручиваю эту сцену в голове снова и снова, и она расплывается, как расплывается лицо,

если слишком долго на него таращиться. Я сижу на кровати, прислонившись спиной к единственной настоящей тут стене, уткнулась лицом в колени, обхватила ноги руками. Не знаю, сколько я так просидела, то ли минуты, то ли часы. Сердце мечется между паникой и утешением в зависимости от того, какие я подбираю доводы.

Я не порочна. Не могу я оказаться порочной.

Я идеальна.

Так говорят мои родители, так говорят мои учителя, мой возлюбленный и даже сестра, хоть она терпеть меня не может. Сестра. Я слышу, как она в ужасе кричит, когда меня уводят, и глаза вновь наполняются слезами. Моя старшая сестра отбивалась от намертво вцепившегося в нее Арта, рвалась ко мне. Надеюсь, она-то не пострадает. Хоть бы ее не тронули. Ее вынудят говорить, что она не одобряет мой поступок. Тревога охватила меня. Нельзя втягивать в это Джунипер, кто ее знает, что она им наговорит? И Арт, Арт, что с ним сейчас? Тоже попал в беду? Спасет ли меня его отец или не захочет обо мне и слышать? Арт тоже не захочет обо мне и слышать? Лишиться его – от одной этой мысли мне поплохело.

И так по кругу, по кругу.

Хлопнула дверь, я подняла глаза.

Тина и с ней еще страж-мужчина ввели парня моего примерно возраста, может быть, чуть старше. Они миновали камеру, где я сижу, и втокнули его в соседнюю. Он явно тут хорошо ориентируется, не новичок, не то что я: пока меня сюда вели, я лихорадочно оглядывалась по сторонам, ко всему присматриваясь. Футболка его засыпана каким-то белым порошком и волосы тоже, что-то попало на Тину и на второго стража, не соображу, откуда это. Высокий, широкоплечий парень, лицо жесткое, упрямое, виноватое. Он моего возраста, но кажется старше из-за этой гримасы.

При мысли, что он – мой ровесник, я поспешно выпрямляюсь. Пусть он заметит меня. Обменяемся взглядами, улыбками, чем-то, что поможет утешить его, утешить меня. С ним стражи обращаются совсем не так мягко и вежливо, как со мной, и во мне пробуждается эгоистическая надежда, что со мной-то все было просто ужасной ошибкой и я выйду отсюда прежним нормальным человеком. Я присматриваюсь к своему соседу, к его напряженному, злому, упрямому лицу: посмотри же на меня! Интересно, в чем он провинился. Уголовное преступление не совершил, это ясно, иначе попал бы в другое место, но, похоже, что-то скверное. Что бы ему ни предъявили, уверена, он в самом деле что-то натворил.

Парень глянул на меня однажды, войдя в свою камеру. Увидел меня сквозь общую стеклянную стену. Сердце забило чаще. Первый человек за много часов. Но, едва глянув, он отвел глаза, сделал несколько шагов своими длинными тощими ногами и уселся спиной к прозрачной перегородке: только и видно, как мощные лопатки распирают замурзанную футболку.

Я была этим обижена, испугана и почувствовала себя еще более одинокой. Снова хлынули слезы. Слезы дарили отраду, я вновь чувствовала себя человеком, вполне человеком, даже здесь, в этой прозрачной будке в ряду таких же будок.

Стражи заперли соседнюю камеру и ушли. Скрылись за главной дверью, и я осталась одна – рядом с человеком, который не желал даже поглядеть на меня.

Большая дверь открылась. Мама, лицо встревоженное, почти обезумевшее, и папа, строгий, но желваки на широких скулах вспухают, сдерживается с трудом. Едва увидев меня, мама вдруг напустила на себя такую безмятежность, словно она гуляет в парке и наслаждается окрестными видами – дурной знак. А у папы при виде меня тщательно удерживаемое лицо обрушилось. Никогда-то он не умел скрывать свои чувства. Тина отперла камеру, и я бросилась им навстречу.

– Ох, Селестина! – Мама крепко прижимает меня к себе, голос горестный. – Что ж это на тебя нашло?

– Саммер! – резко одергивает ее отец, и она вздрагивает словно от пощечины.

Я тоже напряглась: впервые после этой беды мы увиделись, и я надеялась на помощь, поддержку, не на упреки. Моя мама согласна с ними, тоже обвиняет меня? Знать-то я знала, что попала в беду, но только сейчас вполне это поняла.

– Прости, – мягко извиняется она. – Не следовало мне так говорить, но все это совсем на тебя не похоже. Джунипер рассказала нам, как это произошло.

– Бессмыслица, – говорю я. – Все это совершенно не логично.

Папа грустно улыбается мне.

– Старик кашлял непрерывно. Задыхался. Он мог упасть в обморок, мог даже умереть, а толстая женщина и та, со сломанной ногой, болтали о своем и его не замечали. Они сидели на его месте! – Я тараторю, подавшись всем телом вперед, вглядываясь в лица родителей, уговаривая маму и папу. Я чуть ли не умоляю их увидеть все случившееся моими глазами, объясняю им, как все это было несправедливо, отвратительно.

Я вскакиваю, расхаживаю по камере, начинаю опять сначала, уточняю, может быть, и преувеличиваю, может быть, делаю толстуху еще жирнее, кашель – еще более мучительным. Я стараюсь внушить им то, что вижу сама: пусть скажут, что все поняли, что сами на моем месте поступили бы точно так же. Пусть скажут наконец, что я не заслужила Клеймо.

Папа следит за мной полными слез глазами. Ему все это непосильно. Мама вдруг вскочила, схватила меня за плечи. Удивленная ее порывом, я оглянулась и увидела, что парень в соседней камере уже не сидит спиной ко мне, а перебрался на постель и оттуда может видеть всех нас. Разобрал ли он что-то из моих слов? Может быть, он умеет читать по губам? Но мама еще сильнее впивается пальцами в мои плечи и заставляет сосредоточиться на ее словах.

– Слушай внимательно! – тихо, настойчиво шепчет она. – У нас мало времени. Через несколько минут придет судья Креван, тебе придется пустить в ход все свое очарование. Забудь все, чему мы тебя учили, забудь на время, что хорошо, что плохо. От этого зависит твоя *жизнь*, Селестина!

Никогда я не видела маму в таком состоянии, никогда от нее ничего подобного не слышала, она до смерти напугала меня.

– Мама, но ведь Боско, он понимает...

– Скажи ему, что раскаиваешься, – настаивает она. – Скажи ему, что ты поступила неправильно. Ты меня поняла?

В недоумении я перевожу взгляд на отца. Он закрыл лицо руками.

– Папа?

– Каттер, объясни ей! – торопливо требует мама.

Он медленно отводит руки от лица. Такой печальный, сломленный человек. Что я наделала? Я всем телом прижимаюсь к маме. Она подводит меня к столу, усаживает на стул.

– Но если я скажу, что поступила неправильно, значит, я заслуживаю Клейма.

Папа наконец вмешивается в разговор:

– Если он догадается, что *ты считаешь себя правой*, он приговорит тебя к Клейму.

– Не надо лгать о том, что ты сделала, но признай, что ты допустила ошибку. Доверься мне! – шепчет мама, таясь, чтобы не подслушали.

– Но... тот старик...

– Забудь старика! – строго обрывает меня мама. Так холодно – а я никогда не видела от мамы ничего, кроме любви. Я не узнаю мою маму, я не узнаю свой мир. Вот они – корни моего мира, мои основания, сидят передо мной, вывернутые из земли, и говорят мне такое, чего я никак

не ожидала услышать от них. – Ты же не допустишь, чтобы Заклейменный старик погубил твою жизнь! – И голос ее ломается.

Мы сидим в молчании, пока мама приходит в себя, вновь надевает маску, папа тихонько поглаживает ее по спине, повинуюсь неслышному ритму, а я сижу перед ними, и голова идет кругом. Мои мысли и мыслями-то не назовешь, проскакивают одна за другой, не успев завершиться, не могу взять в толк все, что наговорили мне родители.

Они принуждают меня солгать. Хотят, чтобы я признала свою ошибку. Но ведь солгать может только тот, кто достоин Клейма. Чтобы не стать одной из Заклейменных, я должна впервые в жизни поступить, как *они*. Нелогично. Бессмыслица.

Дверь открылась, мама и папа напряглись, я заметила, как парень в соседней камере подобрался. Вспышку красного цвета я вижу прежде, чем самого судью, похожего на крылатого Супермена из фильмов в этом кроваво-красном развевающемся плаще. Потом я начинаю различать искрящиеся синие глаза и светлые волосы, его сходство с Артом, и чувствую себя в безопасности, дома. Он улыбается мне через стекло, морщинки бегут от глаз, мне так это знакомо, тревога отпускает. Да, я в безопасности.

– Селестина! – говорит он, едва Тина открывает ему дверь. Он сверкает мне идеальными белыми зубами, распахивает руки, словно крылья, вот-вот взлетит. Я бросаюсь в открытые мне объятия, и он обхватывает меня обеими руками, обволакивает красным плащом. Я под защитой. В красном коконе. Все будет хорошо. Боско меня спасет. Он не допустит, чтобы все это слишком далеко зашло.

Когда он прижимает меня к себе, я чувствую щекой выпуклую вышивку. Я утыкаюсь лицом прямо в герб и девиз Трибунала: «Ревнителю идеала».

Он поцеловал меня в макушку и отпустил.

– Так, сядем и все обсудим, Селестина! – Он пронзает меня своим знаменитым строгим взглядом, и, как и прежде по телевизору, это выражение лица кажется мне искусственным, мультяшным – совсем не тот человек, которого я привыкла видеть в домашней обстановке.

Я удерживаю губы, не даю им расплыться в нервной улыбке. Только засмеяться сейчас и не хватало.

– Тебе предстоит в ближайшие дни пройти нелегкие испытания, но мы справимся. Ясно?

Он бросает взгляд на моего отца, который на глазах осунулся, и я впервые задумываюсь, что же он скажет коллегам, как будет руководить

студией, если главной новостью окажется суд над его родной дочерью?

Я киваю.

– Будешь слушаться и делать так, как я скажу.

Я снова киваю, изо всех сил.

– Она все сделает! – Мама выпрямляется и чеканит слова.

Боско ждет моего ответа.

– Я буду слушаться.

– Хорошо. Так. – Он вынимает планшет, быстро перелистывает, просматривает какие-то документы. – Эта глупость в автобусе, – вздыхает он, покачивая головой. – Арт мне все рассказал.

Меня его слова не удивили. Выбора у Арта не было, и теперь я глубоко сожалею о том, как мой поступок отразится на всех близких. Арт конечно же рассказал ему всю правду, Арт не стал бы лгать отцу, даже чтобы спасти меня, – или? Я вдруг засомневалась, что и как следует рассказывать Боско, тем более после того, как родители велели мне солгать.

– К сожалению, уже выискались люди, которые хотят использовать твои отношения с Артом, чтобы дискредитировать и подорвать работу Трибунала. Жалкое меньшинство, разумеется. Но ты можешь стать пешкой в их игре, Селестина. – Он оглядывается на моих родителей, затем снова смотрит на меня. – Крайне неудачный момент, учитывая вердикт, только что вынесенный Джимми Чайлду: меня уже упрекают в излишней снисходительности. Но ты, Селестина, ты же всегда была самой верной моей сторонницей. С тобой все обойдется.

Я улыбаюсь, успокаиваясь.

– У меня при себе записи, но я хочу, чтобы ты сама рассказала мне, как это произошло.

Знать бы, в какую форму облек свой рассказ Арт, но мне все равно придется рассказать все как было, только бы на Арта не навлечь беду. В конце концов, в автобусе ехало еще тридцать человек, их показания в точности совпадут. От меня требуется лишь добавить, что я поступила неправильно, признаю. Это ведь *нетрудно* сказать.

– Две женщины сидели на местах для Заклейменных. У одной сломана нога, она села там, чтобы удобнее вытянуть ногу, а вторая – ее приятельница. Потом в автобус вошел старик с Клеймом. Сесть ему было некуда. Он закашлялся. Еле стоял. Ему становилось все хуже и хуже. Я попросила ту леди, у которой нога сломана...

– Маргарет! – подсказал Боско. Он подозрительно щурился, взгляд его метался от моих глаз к губам, впиваясь в каждое слово, анализируя едва заметные выражения лица, каждый жест. Я постаралась полностью

сосредоточиться на своей истории.

– Да, Маргарет. Я попросила ее пересесть, чтобы тот старик мог занять это место.

– Зачем?

– Потому что...

– Потому что он мешал другим пассажирам, – быстро перебил он. – Потому что отвратительный заразный кашель этого Заклейменного старика опасен для нормальных пассажиров, и ты беспокоилась о них и о себе.

Я открыла рот, но молчала, не зная, что дальше говорить. Оглянулась на маму с папой. Мама преспокойно кивнула, у папы вновь забежали на скулах желваки, взгляд налитых кровью глаз уперся в стол. Я не знала, что говорить дальше. К такому я не была готова.

– Продолжай! – потребовал Боско.

– Ну вот, они отказались пересесть, а потом я спросила, нет ли врача...

– Чтобы помешать распространению этой мерзкой инфекции, – вновь подсказал он. – Ты заботилась о пассажирах автобуса. Хотела уберечь их от угрозы, которую представлял собой Заклейменный.

Я смолкла.

– Продолжай!

– Потом я попросила водителя остановиться.

– Зачем?

– Чтобы помочь...

– Чтобы вывести его из автобуса! – рявкнул он. – Избавиться от него. Сколько можно загрязнять воздух, которым дышат все пассажиры? Да ты у нас настоящий герой. Вот во что все теперь будут верить. Уже два часа Пиа рассказывает стране эту историю. Возле замка собираются люди посмотреть на тебя – на свою героиню, которая защищает нормальных людей от Заклейменных.

У меня отвисла челюсть. Я уставилась на папу, теперь-то я понимаю, почему он так истерзан. Все утро сочинял этот сюжет?

– Но остается одна проблема, – продолжает Боско. – Ты усадила его на сиденье на нормальных. И вот тут мы с коллегами никак не можем прийти к общему мнению, хотя я бился с ними целый час. Эту подробность мы пока не сообщали Пиа, однако найдется с дюжину пассажиров того автобуса, которые явятся с показаниями. Может быть, кто-то даже заснял всю сцену.

Он снова бросил взгляд на отца, и тот кивнул в ответ. Да, он уже получил ролик, видео, заснятое кем-то из пассажиров на телефон и пересланное напрямую в новостную студию. Папа, наверное, все утро

бьется, чтобы ролик не пустили в эфир. Он прекрасно понимает, что произойдет, если его увидят.

– Как ты догадываешься, твой отец позаботится, чтобы съемка не попала в эфир. – Почему-то это прозвучало словно угроза.

– Я сказал: сделаю все, что в моих силах, – говорит отец, решительно глядя в глаза Боско.

И Боско тоже смотрит ему в глаза, они словно меряются силами.

Мама кашлянула, чтобы прервать этот поединок.

– Итак, – говорит Боско. – Выслушав твои показания, я заявлю, что обвинение необоснованно и несправедливо, ведь человека, *действовавшего в интересах Трибунала*, невозможно приговорить к жизни с Клеймом. Но мои коллеги-судьи спорят и со мной, и друг с другом. На данный момент судья Джексон, который обычно мыслит вполне здраво, рассматривает твой поступок как моральную ошибку и настаивает на Клейме. Судья Санчес считает, что ты помогала и способствовала Заклейменному, а это уголовное преступление, за которое полагается тюремный срок.

Я слышу, как резко вдохнула мама. Папа никак не реагирует. Должно быть, уже знает.

– Как тебе известно, минимальный срок заключения за помощь Заклейменному составляет полтора года, а учитывая, что это произошло публично, на глазах нескольких десятков человек, наказание должно быть более строгим. Мы спорили без конца, – он вздохнул, и я почувствовала его усталость, искреннее огорчение тем, как все неудачно складывается. – И мы сошлись на трех годах. Через два года и два месяца – досрочное освобождение.

– Что? – шепчу я, но меня словно и нет здесь, они сговариваются поверх моей головы.

– Неудачный момент выбрала Селестина для этого... этого промаха, – говорит Боско маме и папе. – Мои враги вышли на тропу войны, для них Селестина лишь предлог. Пиа долго не продержится. Каттер, ваша команда должна делать свое дело и освещать процесс, как обычно, но оппозиция очень сильна. Судить будут не Селестину, судят наш Трибунал, и этого мы допустить не можем. Этого мы не допустим. – Он грозно выпятил грудь. – Каттер, твоя команда должна действовать слаженно. Кэнди мне сообщила, что недавно на студии были... разногласия. Надеюсь, ради блага вашей дочери, на этот раз вы будете строго следовать стилю и правилам нашего канала. Никаких отклонений от...

Опять угроза? Неужели Боско угрожает папе? Я обернулась к отцу,

и мне показалось, будто внутри его скрывается другой человек и пытается вырваться, но его держат крепко, он – пленник.

– Пессимисты, вздыхающие о мифическом золотом веке журналистики, заблуждаются. Золотой век настал сейчас, и в еще большей мере он нам предстоит. Кэнди правильно поступила, дав Бобу Тиндеру отгул по личным причинам. Сейчас, когда атмосфера сгущается, придется работать изо всех сил, на высшем уровне, чтобы дать отпор сплетникам и оппортунистам. Наши враги думают, что Селестине все сойдет с рук, что Трибунал небезупречен, она – подруга моего сына, сына судьи, ей обеспечено особое отношение. О да, Селестина, так бы я и хотел поступить, – с печалью, искренней печалью признается он. – Ты вернула Арту радость, ты единственная, кто смог достучаться до него после смерти матери. Он так тебя любит. Но, увы, для моих коллег, для моих собственных сторонников ты тоже всего лишь пешка. Они ухватились за такую возможность продемонстрировать сомневающимся, насколько безупречно работает система. Даже идеальная девушка, почти что родственница верховного судьи, тоже может быть приговорена к Клейму. Селестина, дорогая моя, мне приходится сражаться на два фронта.

Я сглатываю, комок застрял в горле.

– И я тоже убежден, что никто не может ставить себя выше Трибунала. От его суда не уйдет ни один человек!

Я вспоминаю, что Трибунал, по определению, не суд. Его задача – провести расследование, установить характер обвиняемого. Я чуть было не выговорила свои мысли вслух, но вовремя остановилась. Не время сейчас для моей черно-белой логики. Хотя как это случилось, что для нее не время?

– Ты хоть понимаешь, в какую беду ты попала, дитя мое? – вкрадчиво спрашивает Боско.

– Дитя! – подхватываю я. – Правильно, меня не могут посадить в тюрьму. Мне еще полгода до совершеннолетия.

– Селестина, – говорит он, – всякий старше шестнадцати лет может быть присужден к Клейму. Что же касается тюремного заключения, мы можем отсрочить его до твоего восемнадцатилетия.

Боско обещал устроить на мой день рождения праздник у себя на яхте. Вместо этого я буду ночевать в тюрьме. Разве я заслужила такое? А другие? Ангелина точно не заслужила.

Я оглядываюсь на парня в соседней комнате. Хотелось бы знать, давно ли он здесь, а еще хотелось бы знать, в чем он провинился. Взгляд Боско следует за моим взглядом, и, словно почувствовав, парень поднимает

голову и смотрит на Боско в упор, холодно, жестко, глаза его наполняются ненавистью. Боско отвечает ему столь же пристальным взглядом с таким презрением, омерзением даже, что я съеживаюсь и готова просить за него прощения.

– Тебе не место здесь, с такими подонками, – говорит Боско. Хорошо, что парень этого не слышит.

– Что он сделал?

– Он? Порочен до мозга костей, – с отвращением цедит Боско. – Может быть, он и сам об этом пока не догадывается. Но мне нет надобности выслушивать обстоятельства дела, чтобы распознать этот тип. Я его насквозь вижу. Ты, Селестина, совсем другое дело. Ты чиста. Тебя не должно коснуться то будущее, которое предназначено ему.

– Что же я должна сделать? – дрожащим голосом спрашиваю я.

– Ты повторишь свой рассказ так, как мы только что договорились, а когда тебя спросят, зачем ты помогла старику сесть, ты ответишь, что не помогала, он сел сам.

От изумления я даже рот раскрыла.

– Но ведь старика накажут!

– Накажут. Но он стар и тяжело болен, скорее всего, он так и так умрет еще до приговора.

Старик не сам сел. Он из последних сил держался на ногах. Это я его усадила.

– Я же не могу...

– Не можешь – что? – пронзительно глянул Боско.

– Не могу *лгать*.

– Разумеется, не можешь, – ответил он, глядя на меня так, словно перестал меня узнавать. – Солгать – значит показать себя достойной Клейма. Я бы никогда в жизни не посоветовал тебе *солгать*, – продолжал он, как будто бы даже задетый. – Это единственный способ сохранить свободу, избежать Клейма на всю жизнь, избежать изгнания из общества. *Единственный* способ. Мы с тобой обсудили, что произошло на самом деле, и ты подтвердишь это в суде, ты скажешь ясно и во всеуслышание, что общество должно изобличать порочную гниль и выдавливать ее из себя. В этом работа Трибунала, и ты, безусловная приверженка Трибунала и его дела, действовала в строгом соответствии с правилами. Ты не пыталась помочь Заклейменному, ты помогала Трибуналу и тем самым помогала обществу. Вот что ты им скажешь. Мы поняли друг друга?

Я – пешка в руках обеих сторон. Одни на моем примере хотят доказать, что Трибунал несправедлив, Трибунал использует меня, чтобы

доказать свою безупречность. Доказать свою власть на примере идеальной девушки. Используют меня, чтобы множить страх.

– Я согласна, – еле бормочу я.

Слушание дела назначено на этот же день. Парень в соседней камере – я прозвала его Солдатом – по-прежнему не поворачивает головы в мою сторону. Конечно, после того как Боско у него на глазах обнимал меня, он не вспылал ко мне добрыми чувствами. И после того как Пиа Ванг по требованию Боско заявила на весь мир, что я вовсе не помогала старику, а собиралась вытолкать его из автобуса. Если парень видел эти репортажи, а он, скорее всего, видел – наш крошечный телеэкран только канал Пиа и демонстрирует, – то понятно, почему он смотреть на меня не хочет. Очевидно, он вовсе не противник Заклейменных и мои поступки считает несправедливыми. Знал бы он правду, тогда бы понял, что тут, в соседней камере, есть сочувствующий ему человек. Конечно, ложь спасет мою жизнь, но мне все-таки неприятно, что вот так меня воспринимает этот парень. Его презрение сочится сквозь стены, и я не могу его в этом упрекнуть, но хотелось бы знать: если б ему предложили такой шанс выбраться, он бы ухватился за него?

Папа ушел на работу, а мама осталась со мной. Она принесла чемодан с вещами, чтобы переодеть меня к суду, – похоже, она зашла по дороге в магазин и скупилла все подряд. Солдат саркастически следит за тем, как она раскладывает одежду на кровати, развешивает по стульям, всюду, где только может. Он покачал головой и вновь пустился расхаживать. Меня смущает такая суеда вокруг меня, Солдат все утро провел в одиночестве, но я стараюсь выбросить его из головы и сосредоточиться на спасении собственной жизни.

– Все оттенки розового, – говорю я, оглядев ассортимент.

– Бледно-розовый, нежно-розовый, цвет орхидеи, шампанского, кружева, вишневый, лавандовый, цвет леденца, ярко-розовый. – Мама перечисляет оттенки, двигаясь вдоль кровати, и сразу убирает то, что ее не устраивает, швыряет обратно в чемодан.

Ярко-розовый, леденцово-розовый и кружева убраны. Слишком откровенные топы с низким вырезом тоже. В итоге мы останавливаемся на облегающих брюках нежно-розового оттенка и на светло-розовой блузке, очень светлой, почти белой, планка пуговиц по центру прикрыта кружевом. На ноги балетки. Идти через мощный двор суда на каблуках – слишком велик риск зацепиться каблуком, споткнуться, вот будет зрелище для телекамер и истеричных зрителей, которые соберутся поглазеть

на меня. Балетки тоже розовые, но с принтом под леопарда.

– Тоже вполне девичьи, но как бы предостерегают: не тронь меня, – комментирует мама. – Помни: в этом мире имидж – все.

Тина доставляет мужской манекен и вновь покидает нас.

– Лапонька, это мистер Берри, он будет твоим защитником в Трибунале. Судья Креван рекомендовал его, он самый лучший. Он защищал Джимми Чайлда.

Манекен неожиданно оживает и широко улыбается мне – не верю я этой улыбке, такой же фальшивой, как и гладкая кожа на лице адвоката. Ниже подбородка ему шестьдесят лет, а выше – не более тридцати. Одет щегольски, словно только что сошел с глянцевого страницы журнала, ботинки сверкают, безупречный платочек в кармане, золотые запонки в тон золотому галстуку. Кожа тоже сияет, натягиваясь на скулах, и я отчетливо различаю следы пудры. Выглядит идеально, и все же я не могу ему довериться. Я оглядываюсь на Солдата, а тот с подозрением глядит на моего новоявленного адвоката. И, должна сказать, я вновь втайне соглашаюсь с интуитивной реакцией парня из соседней камеры. Мы встречаемся взглядами, но он качает головой, словно и смотреть на меня не хочет, уходит в дальний угол своей камеры, подальше от меня.

– Селестина! – повторяет мама. Кивком она указывает на мистера Берри, и я спохватываюсь: я же так и не поздоровалась.

– Прошу прощения! – Я подаюсь к нему так поспешно, будто меня в спину толкнули.

– Я все понимаю, – цедит он сквозь крупные белые зубы без всякого понимания, не говоря уже о сочувствии. – Итак, за дело.

Он садится, хлопает перед собой на стол кейс, отстегивает золотые зажимы.

– Сегодня лишь официальная процедура, тебе ничего не нужно ни говорить, ни делать, только заявить, что ты не признаешь себя порочной. Назначат дату суда и отпустят тебя домой.

Я вздыхаю с облегчением.

– Селестина, – мягче говорит он, видя, как я волнуюсь. – Слушайся меня, детка, делай, что я говорю, и все у нас будет отлично. Поверь моему опыту.

«У нас» – я хорошо понимаю смысл этих слов.

– Конечно, ситуация уникальная. Обычно у меня под дверью не собираются корреспонденты всех газет и MTV в придачу. Даже Джимми Чайлд не вызвал такой сенсации, впрочем, СМИ всегда больше интересуются молодыми женщинами. В деле Джимми это сыграло нам

на руку, они больше говорили о его жене и ее сестре, чем о нем самом.

– MTV?

– Ты – красивая семнадцатилетняя девушка из хорошего района, никогда никаких неприятностей, подруга сына судьи, – они же так и вцепятся в этот сюжет. Им как раз требуется новое реалити-шоу, и, похоже, ты у них сейчас будешь звездой. Представительница поколения, которое будет смаковать каждую деталь этого дела, поколения податливого, внушаемого и к тому же менее стесненного в средствах, чем другие социальные группы. Сегодня тебя увидят в этих туфлях – завтра их купят все. Наденешь серьги – к концу недели их не останется ни в магазине, ни на складе. Какие бы духи ты ни выбрала, за ними завтра соберется очередь. Эффект Селестины Норт. Индустрия моды, продажники. О, они тебя будут очень любить.

Он тарыхтит очень быстро, не поспеешь, к тому же пухлые губы растянуты в улыбке и почти не двигаются, отчего разбирать слова еще труднее.

– Все стороны попытаются использовать тебя в собственных интересах, не забывай. Ты – модель и образец для Трибунала, ты – модель и образец для противников Трибунала, и для той одежды, которую решишь надеть, и для помады – о, они непременно постараются выяснить, какой блеск для губ ты предпочитаешь. Сколько углеводов ты потребляешь в день и сколько делаешь приседаний. Кто твой парикмахер. Сколько у тебя было мальчиков. Увеличила ли ты грудь. Нужно ли тебе ее увеличить. Пластические хирурги уже собрались и готовы обсуждать в тебе каждую деталь – в тебе, Селестина Норт, – и меня тоже интересует каждая мелочь, потому что из мелочей складывается ответ на главный вопрос: заслуживаешь ли ты Клеймо?

Не знаю, ожидал ли он ответа на последний вопрос: он пристально изучал меня холодными змеиными глазами из-под исправленных операцией век, и я предпочла промолчать. Не хотелось ни в чем поддаваться, и я вновь удивилась, откуда вдруг во мне такое упрямство.

– Все наготове, каждый хочет использовать тебя в своих целях. Не забывай об этом.

Все.

– А вы – в каких целях? – спрашиваю я.

– Селестина! – тихо вскрикивает мама. – Простите, мистер Берри, Селестина склонна воспринимать абсолютно все буквально.

– В этом нет ничего дурного, – отвечает мистер Берри, изучая меня все с той же широкой улыбкой, хотя и говорит он, и смотрит так, словно дурно

все и не только в этом. – Как я уже сказал, сегодня – формальная процедура. Ты не признаешь себя порочной и отправишься домой ждать завтрашнего суда. Завтра все закончится. Позаботься о свидетелях своего характера: нам нужны родители, братья или сестры, лучшие друзья, кто за тебя умереть готов. В таком роде.

– Мой парень, Арт. Он мой лучший друг, он заступится за меня.

– Трогательно, – отвечает он, быстро просматривая документы. – Но нет, он давать показания не будет.

– Почему? – в растерянности переспросила я.

– Лучше будет, если вопросы стану задавать я, – сказал он. – Но раз уж ты спросила – судья Креван решил не привлекать его к делу.

Я заметила, что моему адвокату это решение не нравится, но я понимаю: Боско не может предложить родному сыну солгать, сказать, что я не пыталась помочь старику сесть. Да, это логично, и все же для меня это большая потеря: если б Арт был в суде, был со мной! Он так мне нужен, и хотела бы я знать, долго ли он спорил с отцом за право выступить на моей стороне. Боролся ли он вообще за меня.

– Впрочем, это не важно, стоит ли слушать, как твой дружок расписывает твои совершенства: для каждого парня его девушка – идеал, и даже если он так не думает, все равно так скажет. А в качестве свидетеля самого эпизода его тоже нет смысла вызывать, существует тридцать пассажиров, которые обеими руками ухватятся за такой шанс. В первую очередь те две леди, Маргарет и Фиона.

Я молчу, перекипая, потом соображаю:

– Джунипер, моя сестра.

– Нет! – вмешивается мама. – Джунипер в суд не пойдет, – говорит она мистеру Берри.

Они обмениваются долгим взглядом, что-то сообщая друг другу на языке, которого я не понимаю.

– Почему? – спрашиваю я.

– Мы это обсудим позже, – говорит мама с улыбкой, но взглядом приказывая мне замолчать.

Итак, Джунипер не выступит в мою защиту. Включается паранойя: сестра отвернулась от меня, она меня стыдится. Она не станет лгать ради меня, или родители запретили ей лгать. Не хотят, чтобы я потянула ее за собой на дно. Кто же согласится потерять обеих дочерей, если можно отделаться одной? Обида захлестывает меня. Как странно! Я же сама боялась вовлечь ее в беду, а теперь, когда час пробил, возмущаюсь всеми, кто отступился от меня.

– Полагаю, у тебя есть друзья помимо твоей сестры и возлюбленного. Нам достаточно одного свидетеля.

Арт заполнил всю мою жизнь, когда остался без матери, и, проводя столько времени вдвоем, мы отделились от остальных друзей – они вроде бы понимали нас и все же несколько досадовали. Но конечно же Марлена, любимая моя подруга с ранних детских лет, поддержит меня, даже если в последнее время и была задета моим невниманием.

– К вечеру будешь дома, – повторяет мистер Берри.

– Меня не оставят тут на ночь?

– Нет, это делают только в особых случаях, когда существует риск побега, как с тем молодым человеком во второй камере.

Мы все оглядываемся на Солдата, мама заметно вздрагивает. Такой у него одинокий вид, такой озлобленный. У него конечно же нет ни малейшего шанса.

– А его кто защищает в Трибунале?

– Его? – фыркнул мистер Берри. – Он решил сам говорить за себя, и выходит это у него прескверно. Такое впечатление, что он *напрашивается* на Клеймо.

– Как это возможно? – шепчет мама, отворачиваясь.

Я вспоминаю всех тех людей с Клеймом, мимо которых прохожу каждый день, тех, кому я не смотрю в глаза, стараясь обойти так, чтобы даже мимолетно не соприкоснуться. Их шрамы, их опознавательные повязки, ограничения в правах: живут вроде бы среди нас, но все желанное для них недостижимо. Ждут на специальных остановках автобуса, который доставит их домой к комендантскому часу, к десяти вечера зимой, к одиннадцати летом. Живут с нами в одном мире, но совсем по другим правилам. Неужто я бы хотела стать одной из них?

– Как его зовут? – срывается с языка.

– Понятия не имею, – скужливо отвечает мистер Берри.

Я смотрю в ту камеру – он совсем одинок, а у меня тут одежда на выбор, и родители, и адвокат, и сам верховный судья на моей стороне. Конечно же он ненавидит меня, но у меня есть друзья, и я знаю, что нужно сделать, чтобы выбраться и сохранить свою прежнюю жизнь. Для меня свет еще не померк. Могло быть гораздо хуже. Я могла оказаться на его месте. От этого меня отделяет только одна небольшая ложь. Нужно солгать, стать несовершеннолетней, и таким образом доказать свое совершенство. Я сделаю все, что велит мистер Берри.

Прежде чем вести меня через двор в суд, Тина принесла мне обед, но я

и крошки не смогла проглотить. За стеклом Солдат пожирает все так жадно, словно изголодался до смерти.

– Как его зовут? – спрашиваю я Тину.

– Его? – Она глядит на него с тем же презрением, что и все остальные. Со мной она с самого начала обращалась по-другому.

– Кэррик.

– Кэррик! – громко повторяю я. Наконец-то он обрел имя.

Тина подозрительно сощурилась:

– Держись от этого парня подальше.

Мы обе смотрим на него, а потом я чувствую, как он следит за мной, пока я слежу за ним.

Я слегка откашливаюсь, притворяюсь, будто мне и дела нет.

– В чем он провинился?

Она снова бросает на него взгляд.

– Ему ничего и не надо делать. Такие ребята от рождения гнилые. – Она перевела взгляд на мой поднос: – Совсем ничего не поешь?

Я качаю головой. Лучше поем потом, дома.

– С тобой все обойдется, Селестина, – смягчает она голос. – У меня дочка, твоя ровесница. Похожа на тебя. Здесь тебе не место. Ты сегодня же будешь дома – в своей комнате, в своей кровати.

Я улыбаюсь, благодарная за каждое слово.

– Меня вызывают наверх. – Она поморщилась. – Впервые за все время службы. За что ж меня хотят пропесочить? – Она состроила гримасу, но, увидев испуг на моем лице, рассмеялась: – Не волнуйся, я скоро вернусь. С тобой все будет о'кей, малышка! Через полчаса нам в суд, так что поешь пока.

Я не в силах прикоснуться к еде. Кэррик тем временем доедает последние крохи. Пришел другой страж, Фунар, отпер дверь той камеры и что-то сказал Кэррику. Тот вроде бы доволен: сразу вскочил и шагнул к двери. Фунар подошел к моей камере:

– Хочешь воздухом подышать?

Я тоже бегу к двери – еще бы! Он отпирает камеру, и я шагаю следом за Кэрриком. Впервые вижу его так близко и не через стекло. Очень уж он здоровенный. Широкие плечи, бицепсы и трицепсы в постоянном тонусе. Я чувствую себя виноватой перед Артом за свое любопытство. Фунар пытается открыть боковую дверь, видимо, во двор, но она заперта.

– Черт, придется за ключом идти, – ворчит он. – Сидите тут – и ни с места. Я на минуту.

Он ткнул пальцем в скамью у стены коридора, и мы оба послушно

уселись рядом.

Мы не дотрагиваемся друг до друга, но жар его тела я ощущаю вполне. Он раскален словно печка. Не могу придумать, что ему сказать, да и стоит ли заговаривать с ним, не очень-то он расположен к общению. Спросить, за что он сюда попал? Да, в такой ситуации не найдешься, с чего начать разговор. Я так и сижу, замерев, перебирая в уме какие-то фразы, поглядывая на него исподтишка, если он не смотрит, и чувствую наконец, что сейчас он сам заговорит, но тут внезапно из-за угла в наш отрезок коридора выходит группа из шести человек. Женщины плачут, цепляются за мужчин, у тех тоже глаза на мокром месте. Они прошли мимо нас, словно погребальная процессия, и свернули в какое-то помещение. Когда дверь туда приоткрылась, я успела заглянуть и увидела небольшую комнату и два ряда стульев. Все они развернуты в сторону сплошной стеклянной стены, а за ней – другая камера. В центре той внутренней камеры стояло что-то похожее на зубо врачебное кресло, только больше, а в стене металлические задвижки. Стражник отодвинул одну задвижку, внутри нее пылал огонь. Я не могла оторвать глаз, никак не могла сообразить, что это такое.

Затем два стража провели по коридору мужчину. Он нас словно и не заметил, он был очень напуган, оцепенел от страха. На вид лет тридцати с небольшим, одет в подобие больничного халата, но ярко-красного цвета, как положено Заклейменным. Его ввели в другую дверь, не в ту, через которую прошли плачущие женщины и мужчины. Видимо, сразу в то внутреннее помещение. В камеру, где ставят Клеймо.

Мы с Кэрриком оба попытались заглянуть внутрь. Дверь резко захлопнулась перед нами. Я подскочила в испуге, а Кэррик снова уселся на скамью, руки крест-накрест на груди, смотрит прямо перед собой, злой, напряженный. К такому не подступишься, и я проглатываю вертевшиеся на языке слова, хотя никак не могу усидеть на месте, все пытаюсь себе представить, что там сейчас творится внутри. Через мгновение молчание разрывает жуткий, душераздирающий вопль. Тот мужчина в камере Клеймления кричит, когда раскаленное железо впивается в его плоть, навеки впечатывая в нее символ «П».

Я словно прилипла к скамье, только тело сотрясает крупная дрожь. Оглядываюсь на Кэррика – он нервно сглатывает, огромный кадык дергается взад-вперед на широкой шее.

Фунар, довольный, возвращается к нам.

– Отыскал! – почти поет он, звеня ключами. – У меня же в кармане и застряли.

Он усмехается, отпирает боковую дверь, ведущую во внутренний двор.

Кэррик в два шага пересекает порог. Уже за дверью оборачивается, словно вспомнив обо мне.

Вокруг меня все вдруг начинает вращаться, стены надвигаются на меня, пол вздымается. Черная пелена перед глазами. Сейчас хлопнусь в обморок. Кэррик с тревогой глядит на меня. Вырубаясь.

Мы так и не обменялись ни словом.

Через час я стою на все еще подгибающихся ногах перед огромными двойными деревянными дверями со сложным резным орнаментом. За ними путь во двор суда, двор позора. Он хорошо знаком мне по ежедневным новостям в прямом эфире: обвиняемых ведут через двор в Часовую башню, потом обратно, и корреспонденты, а также все любопытствующие могут хорошенько их разглядеть и дать волю возмущению. Родители встают по одну сторону от меня, мама берет меня за руку. По другую руку – мистер Берри. С обоих флангов нас прикрывают Тина и другой страж, Барк.

Мистер Берри поправляет галстук.

– Ровно? – спрашивает он Тину.

Тина кивает, обменивается с Барком взглядом, выражение которого разгадать нетрудно.

Я делаю глубокий вдох, дверь открывается, и на меня обрушивается то, к чему я оказалась совершенно не подготовлена. Первое, что я вижу, – кочан капусты, он летит прямо в меня, бьет в грудь. Со всех сторон злобные крики, вопли, мистер Берри решительно зашагал вперед, увлекая меня за собой. Мама на миг растерялась, но тут же собралась, словно на подиуме, двинулась дальше своей знаменитой походкой, и я беру с нее пример, подбородок выше, постарайся увернуться от яиц, муки, слюны, что там еще летит в нас из толпы.

Мистер Берри сквозь широкую улыбку только поспевает давать мне указания. «Улыбнись, перестань улыбаться, выше голову, ты не должна выглядеть виноватой, встревоженной тоже не должна, не реагируй, не смотри на того мужчину, осторожнее, кашки». Все это с неизменной улыбкой. С ямочками на щеках.

Я все крепче сжимала мамину руку, глянула ей в лицо – другую руку мама переплела с рукой отца, подбородок задран, лицо безмятежное, архитектурная прическа. Я попыталась подражать: каждая мелочь на своем месте, спокойствие, сдержанность, невинность, само совершенство.

Камеры направлены мне в лицо, ослепляют вспышки. Одни вопросы я успеваю разобрать, другие нет.

– Заслуживаешь ли ты Клеймо, Селестина?

– Какие бренды носишь?

– Ты веришь в честный и беспристрастный суд Трибунала?

– Надеешься, что тебе повезет, как Джимми Чайлду?

– Какую музыкальную группу ты сейчас слушаешь?
– Пластику носа делала?
– Ваше мнение об отношениях между правительством и Трибуналом в текущий момент?

Я думаю о множестве людей, которые за десятилетия прошли по этому двору, – в ту сторону они шли еще незапятнанными, а возвращались Заклейменными через двор визга и свиста, предрассудками мощный. Я думаю о Кэррике, который вернулся нынче утром, а футболка вся в муке. Теперь я понимаю, откуда взялась мука. Нас предъявляют всем остальным, как зеркало худших кошмаров каждого. Мы – козлы отпущения за все, что у каждого в жизни дурного.

Камеры тычутся в лицо, эта дорога – самая длинная в моей жизни. Микрофоны, вопли, насмешки, хищный присвист. Я чувствую изнутри, как дрожат мускулы лица, хотела бы знать, видно ли это со стороны. Обрыскала взглядом лица в толпе. Обычные, нормальные люди, но преисполненные ненависти. Одним любопытно, да и только, но кто-то лезет в это дело с ногами. А вот женщина кивает мне. С уважением кивает, спасибо ей за это.

Наконец вошли.

– Придется похлопотать, чтобы нам поверили, – бормочет мистер Берри, слегка ошеломленный, отряхивая свой пиджак.

Трое судей в кроваво-красных мантиях сидят во главе зала, на подиуме. БОльшую часть помещения занимают ряды кресел. Это не обычный зал суда, потому что он располагается в старом замке. Свободных мест нет, позади люди стоят, теснятся. Я подумала, это пресса, но, подойдя ближе, разглядела повязки – это все Заклейменные. Они стоят парами, между каждыми двумя – представитель прессы или общественный наблюдатель, как положено по закону, запрещающему Заклейменным собираться больше двух.

Я сажусь за стол впереди всего собрания, рядом мистер Берри.

Мама и папа садятся в передний ряд, сразу за мной. Джунипер нигде не видать. Я оглядываюсь по сторонам в безнадежных поисках Арта, увидеть бы его, и сил прибавится. Но нет его, сердце мое разбито. Потом я вижу деда и едва могу удержаться от слез. Он приветствует меня, прикоснувшись двумя пальцами к шляпе.

Боско велит мне встать.

– Селестина Норт, – провозглашает он. – Вы предстали перед этим судом, потому что вас обвиняют как недостойную гражданку нашей страны: вы обвиняетесь в порочности суждения и заслуживаете быть

изолированной от нормального общества. Признаете ли вы это обвинение или отрицаете?

– Отрицаю! – говорю я, слабый голос мой еле слышен в огромном зале, но это уже позади, я рада, больше ничего не придется сегодня говорить, а то ноги трясутся и подгибаются, как бы не упасть.

– Очень хорошо. Мы выслушали ваше заявление, а в ходе судебного разбирательства заслушаем очевидцев происшествия и свидетелей вашего характера. На этом основании мы огласим приговор. Теперь вы свободны, возвращайтесь домой и завтра утром...

– Минуточку, судья Креван, – вмешалась судья Санчес. – Мы, судья Джексон и я, предпочтем, чтобы мисс Норт оставалась в камере до окончания суда.

Боско явно удивлен этим требованием.

– Учитывая положение мисс Норт и внимание, которое привлекло это дело, мы полагаем, что ее преждевременное возвращение домой позволит ей или другим людям использовать ее и ее историю в собственных интересах.

– Впервые слышу! – возмущенно говорит Боско. – И я решительно возражаю. Мы задерживаем обвиняемых, только если существует риск побега, а в случае мисс Норт подобной угрозы нет. Она не сможет исчезнуть именно потому, что привлекла всеобщее внимание.

– Совершенно верно, судья Креван, но, учитывая это всеобщее внимание, желательно предотвратить тот цирк, в который некоторые способны превратить столь серьезное дело.

– Но если она переночует у себя дома, ни с кем не будет общаться...

– Такое же предписание получил Джимми Чайлд, и мы прекрасно понимаем, что условия были нарушены.

Боско ошетинился, словно последний упрек был адресован лично ему.

– Мисс Норт – не мистер Чайлд.

– Разумеется, но этот случай нас чему-то научил. Мы полагаем, что в интересах Трибунала и обвиняемой ей следует оставаться в пределах замка Хайленд.

– Обсудим это в моем кабинете, нельзя решать это вот так, экспромтом.

– Я вношу предложение, – преспокойно заявила судья Санчес.

– Я поддерживаю, – кивнул судья Джексон.

– А я возражаю, – сказал Боско в полной растерянности. – Она же еще ребенок.

– Через полгода ей исполнится восемнадцать. Она помещена отдельно

от других задержанных. Рядом с ней находится лишь один обвиняемый, восемнадцати лет – лучшее, что мы можем предоставить, учитывая обстоятельства.

Боско онемел.

– Итак, решение принято. Селестина Норт будет находиться в камере до окончания суда. – Судья Санчес ударила молоточком и самодовольно улыбнулась.

Зал взорвался.

Мистер Берри смотрит на Боско молча, ошеломленно, а зал весь пришел в движение.

– Что происходит? – Мама кинулась к мистеру Берри, а тот сидит так тихо, словно ее и не слышит. Она вцепилась в рукав полосатого, с розовыми прожилками пиджака, тряхнула его: – Как вы могли это допустить?

– Тут что-то затевается, – бормочет он себе под нос, однако я хорошо различаю слова.

Он глянул на меня, и на безупречно-гладком фасаде проступила трещина. В его глазах я заметила жалость, и меня это напугало.

– Прошу прощения, мисс Норт, похоже, враги судьи Кревана тоже хотят использовать вас как пешку в своей игре.

Значит, опасность грозит мне со всех сторон.

Когда я вернулась, заляпанная всем тем, не знаю чем, что бросали в меня на обратном пути, Кэррик сразу же вскочил на ноги. Он изумился при виде меня, как я сама изумилась, услышав, что меня возвращают в камеру. У меня все плывет перед глазами. Тина ведет меня в камеру, с родителями я уже попрощалась. Кэррик следует за мной по ту сторону стеклянной стены, шаг в шаг от двери до кровати. Впервые он сам пытается привлечь мое внимание. И хотя с той минуты, как я впервые его увидела, я этого и добивалась, теперь я не в силах оглянуться. Ему требуется объяснение. Все думали, что меня отпустят домой, думали, что я вывернусь. Кэррик считал, что уж он-то разбирается в правилах игры, и вдруг правила переменились. Ему позарез нужно знать, что происходит, ведь если меня осудят, его тем более.

Но я не в силах что-то объяснять. Мне бы самой кто объяснил. В полной прострации. Сажу на кровати, смотрю в пустоту, но все еще чувствую на себе его взгляд. Он стоит у перегородки, распластав ладони по стеклу, и чуть ли не приказывает мне поднять глаза. А мне нужен Арт, мне так нужен Арт, только он может все исправить, чтобы все снова стало

как было, нормально, прямо сейчас. Я легла, повернулась к Кэррику спиной и больше во всю ночь не шелохнулась: не хотела, чтобы он или кто другой видел мои слезы.

Ночь кошмаров, слышались вопли того мужчины из камеры Клеймения, виделись кровавые языки и Клейменные монстры, тянущие ко мне свои клешни через заграждение, пока я иду по двору суда. Я проснулась изнуренная и напуганная, не понимая толком, где нахожусь. Сегодня мне предстоит давать показания. Сегодня я повторю ложь, которой научил меня Боско. Настал День Именования.

Я пробудилась в пять утра, лежала тихо до полшестого, потом вскочила, расхаживала, словно животное в клетке, нетерпеливо дожидаясь, когда же начнется. Кэррик проснулся в шесть и лежал тихо, полусонно наблюдая за мной из-под одеяла. Потом он сел на кровати, спиной прислонился к стене, подтянул колени и уперся в них локтями, все так же лениво наблюдая, ему-то эта рутина давно знакома. Это меня еще больше обозлило. Деться мне от него некуда, разве что в крошечном туалете запереться, но там дольше необходимого не высидишь. Наверняка его нарочно сделали таким тесным.

В восемь за нами пришли Тина и Фунар и повели обоих в душевую. Я думала, Кэррик снова меня проигнорирует, как вчера, но он слегка мне кивнул, и взгляд его смягчился. Видимо, я выросла в его глазах именно потому, что меня не отпустили домой. Это я понимаю, я с самого начала поняла, что мы с ним заодно, с той минуты, как его на моих глазах привели в соседнюю камеру. Ну вот, ему понадобилось двенадцать часов, чтобы понять то же самое. Но и в эти часы, просыпаясь среди ночи в страхе и недоумении, я поглядывала на Кэррика, и мне становилось спокойнее. Только его присутствие меня ободряло, больше не помогало ничего. Не знаю, может быть, я просто намечтала себе, что этот крепыш – мой заступник. Странно, чтобы столь тесная связь установилась так быстро, но мне кажется, будто меня поместили в скороварку, и он тут со мной – единственный, кто понимает. Один и тот же опыт, к тому же мы сверстники – вот что укрепляет связь между нами.

Я приветливо улыбаюсь, он знаком пропускает меня вперед. Фунар негромко, по-ребячьи присвистывает, фью-фьють, и Тина велит ему заткнуться. Я улыбаюсь и торопливо оглядываюсь, чтобы уловить реакцию Кэррика. У него в глазах что-то промелькнуло – не улыбка, скорее вспышка света. Кажется, они зеленые. Мы встретились взглядами, забавляясь, как Тина срезала Фунара. Но я тут же отворачиваюсь, спеша следом

за Тиной. Чуть-чуть неловко ощущать, как он идет сзади, и хоть бы нас опять не повели на такой «урок», как вчера. Но, поскольку Тина тут, конечно же все обойдется, и я прикидываю, рассказать ли ей, что произошло вчера, пока она была наверху, или промолчать, как молчит Кэррик. Быть может, есть свои правила бравады. Если так, лучше брать пример с Кэррика.

Его повели налево, меня направо. Я переоделась во все чистое, и меня проводили обратно в камеру. К моему приходу Кэррик уже там, сидит за столом с унылым, плохо одетым мужиком. Волосы все еще мокрые, так и светятся, он свежевыбрит, в свежей футболке болотисто-зеленого цвета. Конечно, моя мама присоветовала бы что-нибудь другое, оттенок потеплее, чтобы подсветить глаза – какого же они все-таки цвета? – но мне и так нравится. Он и выглядит как солдат, он готовится к битве, не рассчитывая на пощаду, вот что я поняла. Я присматриваюсь к нему, пока он не смотрит, пытаюсь определить, какого цвета у него глаза. Не знаю, почему меня это так занимает. Наверное, потому, что у Арта они чистой небесной голубизны. Его глаза видишь прежде, чем разглядишь самого Арта, глаза я люблю в нем больше всего, а у Кэррика глаза кажутся черными, но ведь они не могут быть черными – наверное, так кажется, потому что зрачки все время гневно расширены.

У того мрачного мужика в камере Кэррика лицо красное, растерянное, а дышит он так, словно с легкими у него проблемы. Он перебирает бумаги, и они о чем-то напряженно беседуют, но слов не разобрать. Мужчина втолковывает что-то, взмок, нервничает, и у Кэррика опять сердитая гримаса на лице.

Дверь открывается. Тина пришла за мной.

– Кто это? – спрашиваю я.

– Его консультант.

Я замечаю, что она никогда не называет Кэррика по имени.

– А он же вроде бы взялся защищать себя сам.

– Да, но помощь ему все равно нужна. Заполнить бумаги и так далее. Пэдди ему все объяснит. К тебе тоже придет консультант, но у тебя есть мистер Берри.

У Пэдди такой вид, словно его вот-вот удар хватит, и я снова радуюсь, что мне достался мистер Берри, хотя в иной ситуации я бы не доверилась ему настолько, чтобы вручить ему свою жизнь.

– К тебе посетитель. Ждет в столовой.

Сердце подпрыгнуло. Конечно же Арт. О, как он мне нужен. Скорее вернуться бы на ту вершину, когда мои ноги обвились вокруг него, и я грудью слышала биение его сердца. Как только увижу его, успокоюсь,

снова стану человеком, а не плененным зверем.

В тот момент, когда мы проходим камеру Кэррика, что-то мелькает в воздухе, вспышка цвета. Слышать я ничего не слышу, ведь стекло звуконепроницаемое, но уголком глаза ловлю движение, приостанавливаюсь и вижу, как рушится поднос, чашки, блюдца, еда, все всмятку на полу. И разъяренное лицо Кэррика: он метнул поднос в меня, прямо мне в голову, лицо искажено агрессией, ненавистью.

Я замерла. Бросил в меня – что ж я ему такое сделала?

Смех Тины застал меня врасплох.

– Наверное, он только что узнал.

– Что узнал?

– Барк! Фунар! – зовет она. – Паршивая овца!

Фунар высунулся из комнаты стражей, что-то ворча.

– Он только что узнал, что разбирательство его дела откладывается, пока не закончат с твоим, – поясняет она. – Уже в третий раз. Сначала из-за доктора Блейка, потом из-за Джимми Чайлда и Анжелины Тиндер.

– Давно он тут?

– Недели три.

– Недели? – в ужасе переспрашиваю я. – И сколько же ему еще ждать?

– Пока с тобой не закончат. Он склонен к побегу и плохо справляется с гневом, такого до суда не отпустишь. От него одни неприятности. Поделом ему, признаться, – вел бы себя по-человечески, давно бы с ним разобрались. А теперь пошли, заодно и позавтракаешь. – Она ухватила меня под локоть и увлекла за собой.

Я еще раз оглянулась. Кэррик смотрел на меня жестким, холодным взглядом, руки в боки, подбородок вздернут, грудь вздымается после бурного приступа гнева. Тина считала его грубым животным, но я не рассердилась: просиди я пару недель в этом месте, тоже вела бы себя ничуть не лучше. Я попыталась взглядом извиниться, но как это сделать? Нужны слова, а мы с ним так ни разу и не поговорили. И я полуюду, полубегу прочь, увлекаемая Тиной, а он стоит неподвижно, уперев руки в бедра, и следит за мной до самой двери – наверное, молится, чтобы меня не приводили обратно. И глаза у него, наверное, все-таки черные.

Сердце на пороге столовой грохочет оглушающе. Тут все совсем не так, как у нас в камерах. Здесь цивилизация, и трудно поверить, что еще вчера я тоже разгуливала на свободе. Какие-то люди завтракают и общаются перед работой, темные костюмы, головы сближены, на каждом столе планшеты. Свободные люди, приходят и уходят когда им вздумается.

И Арт. Где-то здесь должен быть Арт. Желудок сжимается.

– Он там где-то, – указывает Тина и отступает. – Вернусь через полчаса, тебе нужно подготовиться к главному моменту.

Я с трудом сглатываю при мысли об этом моменте.

Брожу по столовой, высматривая Арта, до белизны светлые волосы, глаза цвета бирюзы – нет нигде. Все смотрят на меня, пока я пробираюсь между столиками. Дойдя до противоположной стены, я оглядываюсь в растерянности идвигаюсь в обратную сторону.

Кто-то хватается меня за руку, довольно грубо.

– Ой! – отшатываюсь я. Старая сморщенная рука, проступают вены. – Дедушка!

– Сядь! – говорит он резко, а лицо доброе.

Я торопливо обнимаю его и сажусь рядом, я счастлива его видеть, но как скрыть горе – я ведь ждала Арта. Арт не пришел. Потому что ему запретили или же сам не хочет?

Мы с дедушкой виделись очень мало с тех пор, как на последнем Дне Земли он поссорился с мамой. Родители приглашали его к себе и в этом году, но когда считали это уместным, совсем не так часто, как прежде, и все отношения теперь строятся на маминых условиях. Бабушка умерла восемь лет назад, и он живет один на молочной ферме.

Дед заговорщически оглядывается, и впервые мне это не кажется проявлением паранойи: на нас в самом деле все смотрят.

– Говорить будем как можно тише, – предупреждает он, придвигаясь лицом к моему лицу. – Ты это видела?

Он достал из куртки газету, сложенную продольно, и подтолкнул ко мне, поглядывая, не следит ли кто.

– Уж это они точно постарались от тебя скрыть.

Я разворачиваю газету и потрясенно вижу собственную фотографию во всю первую страницу, оставлено совсем немного места для броского заголовка, сама статья внутри. У меня челюсть отпала. Заголовок вопит: «ЛИЦО ПЕРЕМЕН?»

Дед подталкивает мне еще одну газету. Та же фотография и подпись: «НОРТ. НОВЫЙ ПОВОРОТ ДЕЛА ЗАКЛЕЙМЕННЫХ».

– Что это? Откуда эти газеты? – спрашиваю я. Никогда таких не видела.

– Тут ты их не увидишь, – шепчет он. – Другие газеты, не Кревана. Ему не все принадлежат, знаешь ли.

– Ему вообще никакие газеты не принадлежат. Владелица – его сестра Кэнди, – поправляю я деда, просматривая статьи.

– Номинально. Скоро поймешь, что Креван распоряжается в этих газетах больше любого другого. В них о тебе тоже много пишут, хотя и под другим углом. Сплошь о девице, которая спасла общество от Заклейменного. Ты стала героиней для обеих сторон. Осталось выяснить, на какой ты сама.

Теперь понятно, отчего так бушевала толпа во дворе суда. Я разозлила всех, все стороны, какие только есть. Никто не приходит во двор суда, чтобы поддержать обвиняемого.

Из-за дедушкиных теорий заговора мама и поссорилась с ним. Ладно бы он развивал их в тиши уединения, сам с собой на молочной ферме, но он, как она выражалась, нес их в наш дом, нес в наш дом угрозу. Тем более когда садился за стол с Боско. Тогда мне казались забавными реплики, которые он отпускал, но теперь я понимаю, чего мама боялась.

Моя фотография на первых страницах газет. Как это странно. И все, что они пишут обо мне, обсуждают, анализируют мой поступок, тогда как я, о которой они столько говорят, не успела толком и обдумать свои действия. Кому из них верить, кто правильно судит обо мне? Мне кажется, ни те ни другие не знают, кто я.

– Дедушка, ты говорил с Джунипер? Тебе что-нибудь известно? С ней все в порядке? Она отказалась выступить моим свидетелем. Она сердится на меня?

– Я ее не видел, но уверен, что она нисколько не сердится. Твоя мать не впустила меня в дом. Я пытался, но она считает, что я выжил из ума. А я собрал все это! Доказательства! – Из всех карманов он вытаскивает клочки бумаги, газетные вырезки, рукописные заметки. – Я давно собираю информацию. Твоя мать и слушать не хочет, но ты должна. Запомни два имени, Селестина, это очень важно: доктор Блейк и Рафаэль Ангело. Забудь мистера Берри, эти двое – вот кто поможет тебе. Нужно их найти...

– Дедушка, пожалуйста, перестань. – Я ласково накрываю его руку своей ладонью. – Все будет хорошо, – говорю я очень спокойно, хотя сама не вполне уверена. Вчерашняя сцена в камере Клеймения здорово меня напугала, и я понимаю, что это было предупреждение, но вот от кого? Однако я вовсе не собираюсь им пренебречь. – Боско мне поможет, – шепчу я совсем тихо. – Мы все обсудили. Осталось только сделать так, как велят он и мистер Берри, и все будет хорошо.

Все будет хорошо, но не для старика, шепчет мне совесть. Не для старика, ведь я обвиню его в нарушении правил, которые обязаны соблюдать Заклейменные. Этот старик, так похожий на моего деда, – какое зло я собираюсь причинить ему? Но эту мысль я задвигаю подальше,

не нужно думать, нужно выжить.

Дед фыркает:

– Селестина, нельзя полагаться на то, что пообещает тебе этот человек. Вчера ему планы спутали его же собственные помощники. Санчес и Джексон сыты по горло его манерами, двойными стандартами, в последнее время они очень недовольны его решениями. Они считают, он использует СМИ в своих интересах, уж не говоря о том, как он поступил с этой несчастной женщиной, женой главного редактора. Назревает война, Селестина, и все хотят тебя использовать. Не позволяй им.

– Боско не станет использовать меня, дед!

Он присматривается ко мне.

– Моя маленькая, ты думала, что поступаешь правильно?

Я потупилась. Потом взглянула ему в глаза и кивнула.

– Так чего же ты боишься?

– Клейма! Этой боли, шрамов, и потом вечные правила, комендантский час всю жизнь, стражи, я потеряю друзей, все будут смотреть на меня, смеяться надо мной. Будут принимать за одну из них. Вчера они подстроили так, чтобы я увидела человека в камере – дедушка, он так кричал, я все еще слышу его крик! – шепчу я со слезами.

– Ах, моя маленькая, – говорит он, сжимая мою руку. – Они проделывают свои фокусы, ты же понимаешь. Это манипуляции. Ради власти. Ради контроля. В таком обществе мы живем.

Опять теория заговора. Зря он с этим ко мне.

– Будешь жить со мной! – вдруг бодро говорит он. – Простая жизнь, но совершенно свободная, никто через плечо не заглядывает, никто не указывает, что делать, кого любить. Не нужно соблюдать ни комендантский час, ни диету. Будешь ложиться когда захочешь, вставать когда вздумается, есть что сама пожелаешь, гулять с тем парнем, который приглянется. Это тебе не город. Там свобода.

– В деревне тоже есть стражи, дед, – мягко возражаю я. Спасибо за такую заботу, но мне этот вариант никак не подходит. – Я не могу на это пойти. Я не могу стать Заклейменной. И как же Арт? Скажи, Арта ты видел? О нем в газетах писали? Я думала, он меня навестит, или весточку пришлет, или... – Я впиваюсь зубами в ноздрю.

Дедушка притих, смотрит на меня встревоженно.

– Понимаешь, – я заставляю себя вытащить палец изо рта. – Понимаешь, у нас с ним не просто так, по молодости, у нас все серьезно. Мы уже строим планы. Обсудили, чем займемся после школы, где будем учиться вместе. Я люблю его – по-настоящему. – Я таких слов еще и Арту

не говорила, но я скажу, дайте только выбраться отсюда, первым делом скажу, ведь я все сильнее это чувствую теперь, вдали от него, сильнее, чем когда мы были вместе.

Грустный он какой-то, мой дедушка. Снова лезет в карман, я подумала, опять за газетой, но на этот раз по столешнице ко мне скользнул конверт.

– От него. Я не хотел тебе передавать. Не твоего поля ягода эти люди, Селестина, эта семья. – Он качает головой. – Ты заслуживаешь лучшего. Но я не собираюсь разыгрывать из себя господ бога. Придется тебе самой принимать все решения. Сложные решения, девочка.

Я киваю, почти не разбирая его слов. Письмо! Хоть бы он ушел поскорее, я сразу разорву конверт, прочту каждое словечко от Арта.

– Но подумай, маленькая, подумай: неужели твой друг Боско позволит тебе на двадцать шагов приблизиться к Арту, когда ты выйдешь отсюда? Даже если выйдешь без Клейма? На твоём месте я бы как следует подумал. Ты приготовься. Все теперь будет по-другому, не так, как прежде.

Я уже думала, в самых потаенных уголках моего разума, но Арт – единственное, что держит меня на плаву, нельзя допустить мысль, что я могу его потерять, нельзя, или я сорвусь.

– Скажи сегодня в суде правду, Селестина, и если за это тебя заклеят, будешь носить Клеймо как орден чести. Прочти, что пишут в этих газетах! С тебя могут начаться перемены, ты сама уже это почувствовала. Ты доверилась интуиции, поступила так, как тебе казалось правильным, и многие люди готовы брать с тебя пример.

– Брать пример? – Глаза мои вскипают слезами. – Дедушка, в меня вчера плюнула старуха. Вполне приличная, приятная старая женщина.

– И что же в ней приятного? Те, кто стремится к переменам, готовы видеть в тебе героиню. Не допусти, чтобы Трибунал обмотал тебя своими кровавыми крыльями и снова сделал одной из них. Ты не такая. Прислушайся к себе, Селестина, скажи вслух то, что думаешь. Стань голосом тех, кого принуждают молчать.

Его глаза горят от восторга, они наполняются слезами, надеждой, он так хочет видеть во мне героиню.

– Я не такая, как ты или Джунипер, дедушка, – печально отвечаю я, чувствуя себя предательницей. – Никакая не героиня. Я следую правилам, люблю логику, стараюсь решать проблемы. Я не рвусь высказывать свое мнение о вещах, в которых не разбираюсь. Я не хочу выделяться, наоборот, хочу слиться с обществом. Не собираюсь превращаться в знамя ни для тех, ни для других, ни для кого.

– Уже, Селестина. Прилив уже начался, и выйдешь ли ты отсюда

с Клеймом или свободной, прежней ты не будешь никогда. За тобой следят все, и кем ты хочешь предстать перед миром? Самой собой или той, кем ты прикидываешься?

Привет, мой идеал!

Как ты там? Поверить не могу, что тебя не отпустили на ночь домой, но папа говорит, он делает все, что в его силах. Я хотел бы прийти на суд, но мне не позволили. Слишком много прессы и т. д. Ты же понимаешь. Но я все время сижу перед телевизором и смотрю на тебя. Круто выглядишь. Надеюсь, браслет на тебе, и помни: для меня ты всегда будешь идеалом. Слушайся папу и Берри-боя, и мы снова очутимся на нашей вершине, не успеешь и глазом моргнуть.

Я на твоей стороне.

Любовь навсегда.

Арт

P.S. Что сказал слон голому мужику? «Как это ты дышишь через такой маленький хобот?»

Хихикая, я сложила письмо в крошечный квадратик и спрятала в карман. Любовь навсегда! Любовь навсегда! Ничего, пусть не «я тебя люблю», но ведь почти то же самое. Правда ведь, почти?

И я не поглядываю больше на Кэррика, он лежит на кровати в соседней камере, спиной ко всему миру, ненавидит меня конечно же еще пуще, чем сегодня с утра. Слова Арта вернули мне надежду: когда я выйду, мы снова будем вместе. Я цепляюсь за эту надежду. Она словно крылья, она словно связь с реальным миром, а эта вся ерунда с Клеймом – недоразумение, которое быстро уладится. Я даже не заметила, как пришли мама и мистер Берри. Увидела их и поняла: время настало.

– Зеленое, – говорит мама, разворачивая самое красивое платье, какое я видела в жизни. – Цвет природы, юности, надежды, весны.

Не целиком зеленое: на этом платье изображен очень красивый пейзаж, тут и листья, и цветы, и экзотические птицы, сама природа, все, что есть в ней прекрасного.

– Но и цвет зависти, – напоминает мистер Берри, поправляя свой шелковый зеленый галстук. – И пусть все Заклейменные, сколько их есть в стране, завидуют! – с усмешкой добавляет он. – Настал твой день,

дорогая Селестина: ты уйдешь отсюда таким же незапятнанным совершенством, как пришла.

Глупые выкрутасы, думаю я. Такой, как была, я уже никогда не стану. Но, может быть, в одном он прав: меня начали судить, как только доставили сюда, и будут судить, когда я выйду. Правильно говорит дед: конца этому не предвидится.

Выходя из камеры, я все же оглянулась на Кэррика, не будет ли от него хоть какого-то знака. Он вскочил, оглядел мое платье сверху донизу. Словно раздел меня глазами, а я и шелохнуться не могла.

Потом он кивнул. Кивнул на прощание, на удачу, толком не поймешь, но без гнева, и я кивнула в ответ. И постаралась запомнить его лицо, ведь мы видимся в последний раз, дальше наши пути расходятся.

Папа, мама, я, мистер Берри, по обе стороны от нас Барк и Тина, мы остановились перед закрытыми двойными дверьми. Что-то там готовится, Барк и Тина прихватили с собой полицейские щиты, и мистер Берри занервничал, уже пятый раз выравнивает свой зеленый галстук. Всем что-то известно, только мне ничего не сказали. Двери распахнулись, и я увидела, что и толпа, и охрана со вчерашнего дня выросли по меньшей мере вдвое и столько же прибавилось корреспондентов. Толпа вытеснена за ограждение, на охране шлемы, в руках, обтянутых красными кожаными перчатками, красные щиты. Грохот толпы непереносим, отдельные выкрики не разобрать, но, если загнать гнев в сосуд и перекачивать, вот так это могло бы звучать, когда чуть приоткроешь крышку.

Банка неизвестно с чем вылетела нам под ноги, из нее идет пар, охрана поспешно подхватила ее, а мы ускорили шаг. Мама сегодня ни малейшего замешательства не обнаруживает, голова вздернута, подбородок задран, и, хотя мне-то хочется не отрывать взгляд от земли, она вынуждает меня брать с нее пример. Если внутри я слаба, постараюсь хотя бы выглядеть сильной, как она.

Одни кричат, проклинаят меня за то, что я достойна Клейма, другие за то, что дурно отношусь к Заклейменным. Одно у них общее – ненависть ко мне, все они будут рады, если меня осудят, и прижгут, и изгонят из общества. Прав бабушка, никто не окажет мне поддержку, они дают волю собственным чувствам, лупят меня, как боксерскую грушу. Не знаю, сумеют ли Боско и Пиа убедить читателей и зрителей в том, что я – героиня Трибунала. Судя по той реакции, которую я вижу, кто-то обречен на поражение, и это я.

Несмотря на охвативший меня ужас, я продолжаю оглядываться,

пытаюсь соотнести выкрики с лицами, чтобы не так страшно было. Вижу, как Пиа Ванг ведет репортаж с подиума: как всегда, безукоризненно одета, идеальная прическа, вблизи она еще больше похожа на фарфоровую куклу, чем на экране. Уже знакомая женщина с короткой стрижкой вновь уважительно кивает мне. Странного облика мужчина у самой баррикады посылает воздушный поцелуй. Что-то в его облике неуловимо знакомое, хотя я уверена, что никогда прежде его не встречала. Бородатый, с длинными хипповскими волосами, но с виду чересчур молод для столь буйной растительности. И детская шапочка, шерстяная, в виде головы слона. Большие слоновьи уши свисают ниже его мочек, а посреди лба торчит хобот. Нелепый наряд для взрослого человека, да и не по сезону, уже тепло. Проходя мимо, я присматриваюсь к слонголовному, он мне подмигивает, и я узнаю эти голубые глаза. Арт! Я же знала, что он найдет способ прийти! Я замираю на месте, но мама и мистер Берри тянут меня дальше. Я вспоминаю шуточку про слона из его записки. Так это был намек на слоновью шапочку, это он старается меня развеселить. Смеяться в моем положении все равно не тянет, но хоть приободрилась. Сдерживаю улыбку.

– Селестина! Я – Пиа Ванг из News-24! – кричит журналистка. На меня направлена камера, вспыхнул красный глазок. – Мы в прямом эфире, помаши рукой всем, кто думает о тебе.

– Улыбнись! – сквозь зубы командует мистер Берри, и я поднимаю голову к камере на подиуме и слегка машу рукой, чуть-чуть улыбаюсь. Так, чтобы не подумали, будто я от этого удовольствие получаю.

Как и вчера, из толпы много чего летит в нас, однако полицейские щиты почти все успевают отразить на лету. И все-таки платье мне запачкали, но на этот раз мама подготовилась, как только мы заходим внутрь, она достает салфетки, чистящее средство, и вот я снова без пятнышка, без изъяна. И все-таки мы все перенервничали. Мистер Берри попросил воды и старается отдышаться. Мама кинулась в туалет.

Папа отводит меня в сторону.

– Чем бы сегодня дело ни кончилось, помни, я люблю тебя, доченька. Я буду гордиться тобой, что бы ни произошло, – говорит он настойчиво.

– Хорошо, папа.

Он оглядывается по сторонам, напряженный, не может решить, добавить ли что-то еще.

– Ты лучше скажи, – тихо прошу я.

– Я все больше помалкиваю, твоя мама думает, что так правильнее, а мне все-таки кажется, правильнее сказать. Дело в том... Ты, пожалуйста, не думай, что из-за *меня* ты не можешь... не можешь сказать, что думаешь.

Ты меня поняла? – Он смотрит мне пристально в глаза, изнуренный, похоже, все эти дни не спит, глаза налились кровью. – Боб хотел отстоять свою позицию на работе, хотел высказать собственное мнение, и вот... он был за это наказан. Вместо него пострадала Ангелина. Это послужило предостережением для всех нас. Но я буду защищать тебя, что бы ни случилось. Мне наплевать, я готов запускать в эфир любые новости, как скажет Креван, это моя работа, и я пытаюсь уберечь Саммер, тебя, Джунипер, Эвана, но ты – не будь как я. Ты поступай так, как *ты* должна.

Сейчас? Он говорит мне это *сейчас*? Что Ангелина Тиндер заклеена потому, что Боб хотел высказать свое мнение? И как только папа это сказал, я поняла, что давно уже это знала, что в глубине души все поняла, но тоже боялась сказать.

Я сглатываю слюну, киваю, почти напуганная его пылающим взглядом, тем, как крепко он ухватил меня за руку. Я понимаю, папа хочет помочь, но я сбита с толку, недоумеваю: как бы он хотел, чтобы я поступила? Ведь мы все вроде бы решили лгать.

Чтобы избежать Клейма, придется подставить того старика из автобуса.

Чтобы не изменить себе, я должна принять Клеймо.

Мне всего семнадцать лет, и, хотя я отстаивала перед родителями свою самостоятельность, к таким решениям я еще не готова. Так я и вошла в зал суда – разум в смятении, крепко сколоченный план рассыпается. Я уже не понимаю, что хорошо, что плохо. Это я-то, всегда такая уверенная. Черное и белое расплываются грязным серым пятном.

Я озираюсь в поисках Арта: хотя мы только что расстались, он в своей шапочке-маске оставался снаружи, я надеялась, что он просочится и сюда вместе с публикой. Глянув в дальний конец зала, я с трудом поверила своим глазам: там стоял Кэррик, кепка низко надвинута на лоб, руки сложил на груди, плечи задрал, точно он страж у двери. Мы встретились взглядами, но не подали виду. Он даже и стоит сзади, среди Заклейменных, словно один из них. Я очень тронута, я чуть не плачу от того, что он пришел сюда. Сам ли он так решил или его заставили смотреть, как меня будут судить, ведь заставили же они нас слушать вопли того мужчины, когда ему выжигали Клеймо? А если заставили, то, значит, ему таким образом хотят преподать еще один урок. Либо он пришел поддержать меня, либо его мной запугивают.

Дедушка широко улыбается, показывает мне оба больших пальца. Рядом с ним сидит Джунипер – съежившаяся, в смертельном страхе. Она попыталась улыбнуться, и я обрадовалась, я больше не думаю,

что сестра, быть может, стыдится меня.

В начале суд заслушал первого свидетеля характера, Марлену, мы дружили с восьми лет. Она нервничала, но осталась мне верна, приводила примеры того, как я всегда старалась соблюдать правила даже рядом с людьми, которые их нарушали. Мне кажется, она хорошо меня подала: я и логичная, и преданная друзьям, веселая, но всегда поступаю правильно. Впервые за два дня я вновь узнаю себя в описании со стороны, и тем лучше, если для своего возраста я выгляжу малость занудой.

– Мисс Понта, считаете ли вы, что Селестина Норт порочна и заслуживает Клейма? – спрашивает Боско.

Марлена оглядывается на меня, смаргивает слезы и говорит убежденно:

– Нет, ни в коем случае!

– Благодарю вас, мисс Понта.

Отец высказался за них обоих, за себя и за маму, рассказал, как приводил меня еще маленькую к себе на работу и как меня силой выдворили из редакционной, потому что мне требовался идеал, и я указывала взрослым на малейшие ошибки и нестыковки.

– Селестина очень логична. Она – математик, у нее лучшие оценки в классе, она собирается учиться на математическом факультете, и декабрьские тесты показали, что она наберет проходной балл с большим запасом. Она очень талантливая девушка, такой дочерью можно только гордиться. И она любит, чтобы все вещи были на своих местах, она решает проблемы, задачи, применяя правила и теоремы. Правила для нее – главное.

Я улыбаюсь папе. Я снова себя узнаю.

Судья Санчес внимательно смотрит на отца, яркая помада отчетливо проступает у нее на губах, как-то подловато она глядит.

– Понятно, мистер Норт, но мы можем вспомнить слова Капланского о математиках: «Самый интересный момент для них не тот, когда удастся что-то доказать, а тот, когда удастся найти новые правила». Математика опирается на фундаментальные аксиомы, но применяются они самыми разными способами и порождают множество абстрактных теорий. У вашей дочери ум такого склада, мистер Норт? Склонный создавать новые теории, новые понятия, рисковать, действовать вопреки?

Отец раздумывает, присматриваясь ко мне.

– Нет, – говорит он и делает паузу. – Я бы не сказал, что Селестина склонна действовать вопреки. Нет, она всегда в согласии с собой.

Я понимаю, что он пытается мне сказать. В нынешних обстоятельствах

я тоже должна быть в согласии с собой. Я никогда не поступала вопреки своим убеждениям. Он советует мне слушаться сердца.

Судья Санчес улыбается, она услышала то же, что и я.

– А нынешние события, мистер Норт? – медоточиво уточняет она. – Детки, бывает, застают нас врасплох. И когда только успевают перемениться?

Отец смотрит на меня, смотрит так, словно видит впервые. Что-то он скажет?

Боско вмешивается, недовольный:

– Мистер Норт, судья Санчес хочет знать ваше мнение: характер вашей дочери Селестины Норт порочен?

Отец разворачивается к нему.

– Нет, сэр. Моя дочь ни в коем случае не порочна, – чеканит он, с трудом сдерживая гнев. Я вижу, он готов броситься на первого, кто подвернется, ударить его, завопить в голос.

– Благодарю вас, мистер Норт.

Затем для Фионы и Маргарет наступает вожделенный момент славы. Когда я слушаю их показания, мне кажется, они говорят о ком-то другом, не обо мне. Я так храбро поступить не смогла бы. И еще мне кажется, будто я слушаю клоунов, чья речь лишена логики. Что они твердят о правилах для Заклейменных и для нас, остальных? Я перестала видеть в этом смысл. Они только укрепляют меня в мысли, что я все сделала правильно: не сделала бы – была бы такой, как они.

Мистер Берри отнюдь не разыгрывает спектакль, как я ожидала, насмотревшись кино, он не пускает пыль в глаза, его речь не грохочет, проносясь по залу в вихре танца. Он держится очень просто, говорит прямо и потому вызывает доверие. Но он проворен и остер и улавливает смысл любой интонации, паузы, намек даже быстрее, мне кажется, чем Джунипер. Обе женщины поглядывают на него с сомнением, но не могут устоять, он так очарователен, так заинтересован, он не обличает их (пока что) во лжи. Пока что он делится с ними теорией, которую придумал Боско: я пыталась защитить пассажиров от заразы, которую распространял Заклейменный.

Они задумываются.

Толстуха, Маргарет, готова уступить, но Фиона с костылем непробиваема: не так все было.

– Мне наплевать, какое объяснение сочинила защита, – заявляет она. – Мне вы мозги не промоете. Я своими глазами видела, эта девчонка, – она тычет в меня палкой, – помогла тому старику с Клеймом сесть.

Услышав такое обвинение, публика взрывается, кто-то из прессы выбегает, чтобы сию минуту настрочить репортаж.

Боско сообщает, что камеры, включенные в автобусе во время той поездки, находятся в распоряжении Трибунала, но съемка оказалась неудачной и не принята в качестве улики. Уверена, Боско сумел как-то подтасовать дело в мою пользу, изъять губительные доказательства. Боско напоминает, что мы вынуждены полагаться на мнения свидетелей, а это не то же самое, что увидеть все своими глазами. Конечно же, если бы все увидели мои действия вживую, мне было бы хуже, а теперь каждый волен верить очевидцам или же нет. Спасибо ему за такую уловку.

Мне вдруг приходит в голову, что все поминают старика, а имени его я так и не узнала. Ни разу не спросила, и в суде его не назвали, словно это и не важно. Все обвинение связано с ним, а его попросту отменили в сторону, как ненужный мусор. Но я не хочу задавать этот вопрос мистеру Берри, а то покажется, что я жалею старика, сочувствую Заклейменному. Нельзя, чтобы мистер Берри усомнился во мне.

Но как только заседание прервалось на обед, я поспешно обернулась к деду, пока меня не увели.

– Можешь узнать о том старике? – шепнула я ему на ухо, и дедушка кивнул, лицо строгое. Я знала, что он меня не подведет.

Все занялись своими делами, журналисты вышли и готовят репортажи, нам, к счастью, можно подождать в помещении возле зала суда, а не идти обратно через двор, мимо разъяренной толпы.

Я сидела с родителями, Джунипер и мистером Берри в зале ожидания, жевала холодное мясо и крекеры, желудок сводило от голода, а есть не могла. И я радовалась, что все они со мной, но разговаривать тоже не могла. Как хорошо оказаться подальше от этого шума, назойливого внимания, не беспокоиться о том, как я выгляжу, как воспринимают любую деталь – выражение моего лица, реакции, гримасы, осанку, как я села, как прошла. Просто побыть собой.

Тина вошла в комнату и протянула мне конверт. Я догадалась: это от деда, он не подвел. Мама и мистер Берри, не зная, от кого письмо, смотрят на него, словно на гранату, – и, когда я вскрываю его, граната взрывается.

Вот что успел узнать дедушка: Клейтон Берн, тот старик из автобуса, был гендиректором издательства Beason Publishing. Он закончил престижный Университет Хамминга, написал диплом по английской литературе. С будущей женой познакомился еще во время учебы, в 26 лет они поженились, родили четверых детей. Издательство он возглавил, когда ему было 42 года, и его превозносили за талант руководителя, проницательность, способность вести компанию в будущее. Порой он шел на риск и всегда выигрывал, промахнулся лишь раз. Но из-за этой неудачи, из-за того, что он позволил себе рискнуть, его заставили уволиться, потом, в назидание всем сотрудникам компании, передали дело в Трибунал, и Трибунал вынес приговор. За неверные решения в бизнесе он получил Клеймо на виске, а за то, что лгал коллегам, пытался замести следы, прижгли и язык. Жена умерла два года назад, он болен, у него эмфизема. В тот день он вышел из дома без кислородного баллона.

И настал наконец мой черед. Зал был переполнен. Я снова увидела в дальнем конце Кэррика, руки все так же скрещены на груди, рядом с ним коротко стриженная женщина, которая приветствовала меня кивком во дворе суда. Джунипер устроилась в переднем ряду возле дедушки. Дедушка посмотрел на меня, и я кивнула ему: да, я получила конверт. По-прежнему нигде не видно Арта, но он, наверное, все еще там, во дворе, в слоновьей маске, и это лучше чем ничего.

– Мы знаем, что произошло в автобусе, – заговорила судья Санчес. – Мы выслушали эту историю многократно и могли бы потратить еще три дня, выслушивая показания остальных тридцати пассажиров, наблюдавших ту же самую сцену. Ваш адвокат мистер Берри любезно сообщил нам, что вы отказались от дальнейших слушаний и согласились с их показаниями. Трибунал ценит вашу готовность к сотрудничеству и желание сберечь наше время, так что мы со своей стороны не просим вас еще раз пересказывать эти события. Мы также видим, что единственное расхождение между показаниями свидетелей и вашей позицией состоит в том, что они полагают, будто вы пытались помочь старику, а вы утверждаете, что хотели от него избавиться. Кроме того, большинство свидетелей считает, что вы усадили его, а вы утверждаете, что он сел сам. Это так?

Я сделала глубокий вдох.

Вдруг в зале поднялся шум, крики протеста. Две женщины и двое мужчин вскочили, что-то выкрикивая, размахивая кулаками, тыча в меня пальцами. Они называли меня лгуньей. Они повторяли это снова и снова.

– Порядок в зале! – стучит молотком Боско. – Порядок!

– Замолчите, или вас выведут из зала, – повысила голос судья Санчес.

Трое замолчали и сели, но одна женщина не унимается:

– Наш отец ничего плохого не сделал. Он выполнял все правила. Ты лжешь, Селестина Норт! Стыдись! Как ты самой себе не противна!

Стражи прокладывает себе путь через толпу и хватают женщину, остальные трое вскакивают, пытаются отбить сестру.

Я чуть не крикнула детям Клейтона Берна: «Простите меня!» – но во рту пересохло, и сердце стучит как безумное.

– Это подлость, подлость! – кричит мне один из сыновей старика.

– Ведите себя потише, – повторяет судья Санчес. – Еще одно нарушение порядка, и вас выведут из зала суда.

Все четверо умолкают и садятся. Дочь плачет, остальные пытаются ее утешить.

Сердце дает странные перебои, не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть. Все смотрят на меня, судят, думают, кто же я такая. Нужно пройти через это и доказать, что я не заслуживаю Клейма, нужно сделать то, что сама я никак не могу одобрить. Как все запуталось.

– Итак, Селестина? – Мистер Берри не сводит с меня глаз.

А мой взгляд мечется по рядам, я мысленно перебираю всех тех, кого предаю своим ответом: дедушку, Джунипер, папу и даже Кэррика, там, у дверей, Кэррик тоже понял, что я солгала. И ту женщину с короткой стрижкой, она так уважительно кивнула мне и вчера и сегодня. Но там, за дверью, ждет Арт, он просил меня в точности выполнять все указания мистера Берри. А я сама? Если приму Клеймо, подведу меньше людей, чем если буду лгать.

– Дайте моей клиентке воды! – требует мистер Берри.

Мысли мечутся. Он сам наливает воду в стакан и подносит мне. Я отпиваю, но никак не могу ни на что решиться и вдруг вижу, что мистер Берри пытается на что-то обратить мое внимание. Оказывается, судьи обращаются ко мне, а я ничего не разобрала.

– Простите, не услышала, – говорю я, приходя в себя, возвращаясь в эту комнату.

– Я спросила, что на вас нашло, Селестина? Можете ответить? – Судья Санчес смотрит на меня поверх оправы очков, красной оправы под цвет помады.

Именно этот вопрос задавала мне мама, задавал дед, задавали все. Что на меня нашло? И я не находила ответа, но теперь я его нашла. Не тот ответ, который репетировал со мной мистер Берри, но мои губы отказываются выговорить другие слова.

– Он был похож на дедушку, – говорю я.

Из зала словно разом вышел весь воздух. Ни звука ниоткуда. Кэррик там, у двери, напряженно выпрямляется, наострил уши. Теперь я вижу его глаза, прежде их скрывала кепка. Он смотрит прямо на меня, и его взгляд почему-то придает мне сил.

– Этот старик, Клейтон Берн, – говорю я в микрофон. Впервые здесь прозвучало его имя. – Когда Клейтон Берн вошел в автобус, я сперва приняла его за своего дедушку. – Я вспоминаю, что я почувствовала, когда он закашлялся. – Он кашлял так, что я испугалась, как бы он не умер. Мне было все равно, Заклейменный он или нет, это был просто человек, старик, похожий на моего дедушку, и никто не пытался ему помочь. Так что если вы спрашиваете, что на меня нашло, то ответ... это было сострадание. И логика. Он не сам сел, я его усадила. И в тот момент, – я обращаюсь ко всем, я надеюсь, что они поймут, – в тот момент это казалось совершенно правильным.

Дикий шум. Неистовство. Безумие. Стук молотка. Стук, стук.

Я оглядываю зал и вижу, как все пришло в движение. Журналисты спешат к дверям наперегонки, кто раньше передаст новости, народ повскакал с мест, грозят мне кулаками, проклинают. Те, кто выступал в мою защиту, горько разочарованы, вот моя подруга Марлена прячет лицо, закрыла обеими руками: она поручилась за меня, а я сама себя разоблачила. Заклейменные в дальнем ряду заволновались, но и среди них многие сердятся на меня за то, что я так долго тянула, допустила, чтобы Клейтон Берн был оклеветан в суде. Мама плачет, папа ее утешает, притянул ее голову себе на грудь и слегка раскачивается, свободной рукой обнимая Джунипер, а та уставилась в пол и не поднимает глаз.

Посреди этого шквала безумия дедушка встает и с гордой улыбкой аплодирует мне. Я стараюсь смотреть только на него, на эту улыбку, пока мой разум, мое тело пытаются совладать с тем, что я натворила.

Судьи грохочут молотками, стараются перекричать публику, перекричать друг друга.

Заклейменные празднуют, словно это их победа. Обнимаются, тщательно следя, чтобы каждая пара была отделена, больше двух нельзя. Дети старика тоже обнимаются, плачут, ликуют: имя их отца не запятнано. Я и не надеялась, что они поблагодарят меня, ведь правду следовало

сказать гораздо раньше.

Вижу Кэррика в заднем ряду, он снял кепку, вскинул голову, стоит тихо, неподвижно, смотрит на меня, кивает, и посреди всего этого безумия он неподвижен, он старается поддержать меня. Я цепляюсь за него взглядом. Наконец-то не судит меня, наконец-то не смеется. Я и не догадывалась, как важно мне заслужить его уважение, но теперь я поняла это, хоть мы ни разу не обменялись и словом. Я знала, что он обо мне думает, и признавала его правоту. Теперь я понимаю это и, как бы ни страшило будущее, я довольна. Я спокойна.

Я все гляжу на Кэррика, даже когда Тина и Барк хватают меня и уводят. Я смотрю на него – молчаливого, сильного, неколебимого. Ведь его имя и значит «скала».

Тина и Барк вывели меня из зала заседания в ту комнату, где мы ждали окончания обеденного перерыва. Голова все еще кружится. Все расплывается, кто бы помог мне собрать мысли воедино, разобраться в том, что произошло. Что я наговорила?

Тина сжимает мою руку крепче прежнего, и лицо ее тоже напряжено.

– Тина? – Я слышу, как дрожит от страха мой голос. Куда-то запропали прежняя уверенность и бравада или как это назвать. Теперь я знаю: отважен тот, кто все время боится, на каждом шагу. Отвага – не окончательная победа над страхом, а ежеминутная борьба, борьба за каждое слово, которое нужно сказать. Борьба или танец, как угодно, отступить или не поддаться. Чтобы выиграть в этой борьбе с самой собой, нужна отвага, но отвага рождается из бездны страха.

Тина словно бы не слышит меня, отворачивается, но я вижу, как кривятся ее губы.

– Ты хоть понимаешь, что выставила меня душой? Я тебе верила. Я всем, кто спрашивал, говорила, какая ты хорошая.

– Тина, я... Тина, простите. Я же не знала...

– Кончено! – отрезала она.

Она проводила меня в комнату. Я оглянулась по сторонам, вдруг охваченная страхом, не понимая, что сейчас может произойти. Барк закрыл дверь. Щелкнул замок.

По коридору простучали чьи-то ботинки, приближаются к двери. Громкие, торопливые шаги. Один человек. Я стою посреди комнаты, собираюсь с духом.

– Откройте! – заорал Боско, и я подпрыгнула в испуге.

Дверь распахнулась, вспыхнул красный плащ. Это Боско – но не тот Боско, которого я знала прежде, его лицо подобно грому и молнии, красное, как его судейская мантия.

– Какого черта ты творишь? – орет он так, что уши закладывает, никто никогда на меня не кричал, я растерялась.

Тина испуганно глянула на него, затем на меня, и быстро, бесшумно закрыла дверь, оставив нас наедине.

– Боско, я...

– СУДЬЯ КРЕВАН! – орет он. – Ты обязана так обращаться ко мне – всегда, это понятно?

Я киваю, киваю.

Он вроде бы заметил, как на меня действует крик, и слегка поутих. Поубавил громкости в голосе.

– Селестина. Ты дала мне слово. Мы обсудили, как нужно себя вести. Я поручился за тебя – рискнул *карьерой*, – а ты меня предала.

– Я не... то есть... я не думала... – лепечу я, но он снова меня обрывает.

– Нет, ты не думала, вообще ни о чем, на хрен, не думала, – твердит он, расхаживая взад-вперед, погрузившись в какие-то невеселые мысли, хорошо хоть на миг его гнев на кого-то другого переключился. – Все с цепи сорвались. Публика, моя собственная пресса. Девчонка семнадцати лет, талантливая, образец и предмет зависти для сверстниц – ведь так они тебя подавали, так я тебя подавал, – он в ярости вращает глазами, – и что же? Заявляет в суде, что готова гордиться Клеймом? Ты хоть понимаешь, к чему это может привести? Насколько это опасно? Целое поколение утратит идеалы, снова станут допустимыми алчность, любые ошибки. – Он перестал расхаживать, придвигает ко мне лицо, и я дивлюсь, как могла считать его красивым, куда подевалась вся эта красота? – Ты так и не поняла, Селестина, что речь идет не о тебе, а о будущем страны? О воспитании надежных, морально здоровых, полностью компетентных, идеальных лидеров, которые будут принимать верные решения и поведут нас к процветанию. Этого ты так и не сумела понять?

Лицом к лицу он требует немедленного ответа, объяснений, а я и думать-то не могу.

– Я не позволю им превратить тебя в свое знамя. Я хотел, чтобы ты оставалась на нашей стороне.

– Я на вашей стороне, Бо... судья Креван, – поспешно поправляюсь я. – И напрасно вы беспокоитесь о том, что подумают люди. Никакой я не образец, я не могла бы никого увлечь за собой, даже если бы хотела. Я же хочу просто быть нормальной, хочу быть как все. Вернуться к друзьям, домой. Я не хочу, чтобы меня считали кем-то другим, кем я не могу быть, – со слезами продолжаю я. – Вы же знаете, как я люблю Арта. Я чувствую себя частью вашей семьи. Я бы никогда не сделала нарочно ничего во вред вам или ему. Мне очень жаль, что я вас подвела, очень жаль, что из-за меня вы оказались в неудобном положении, но я не могла так поступить со стариком. Не могла допустить, чтобы его наказали из-за меня.

– Кого наказали? – недоуменно переспросил он.

– Клейтона Берна. Старика с Клеймом.

– Тебе не сказали? Он умер, Селестина. Сегодня ночью умер в больнице. Я же говорил тебе: он не доживет до суда.

– Ох! – выдохнула я. Значит, все впустую?

– Не следовало пускать его родственников в суд, – продолжал он, снова пустившись расхаживать. – Я бы запретил. Это все, конечно, Санчес. Свою игру затеяла, а Джексон идет у нее на поводу. Давно уже под меня копает, но теперь ставки повысились. Это уже совсем другой уровень.

Пот проступил у него на лице, никогда раньше я не видела, чтобы он потел, даже в жаркий день, склоняясь над барбекю. Волосы, торчавшие после фена, прилипают к влажному лбу. Он снова остановился и уставился на меня в упор, лицо отчаянное.

– Ты готова покаяться, Селестина?

– Как?

– Мы еще можем это переломить. Трудно будет, но Пиа справится. Реалити-шоу, будет всюду тебя возить, покажет стране, что ты идеальна. И всему миру. Ты слышала, что некоторые страны подумывают ввести нашу систему? Давно уже присматриваются. Я мог бы стать президентом всемирного Трибунала. На неделе предстоит обсуждать это в Брюсселе. Худшего времени ты выбрать не могла. – Он снова смотрит на меня. Взгляд напряженный, отчаянный, дикий. Мне совсем страшно. Ничего от Арта я в нем больше не вижу. Не вижу в его лице того, кого люблю. – Ты готова покаяться?

– Я... Я... Я не смогу. – Не могу же я вернуться в зал суда и взять свои слова обратно? Это нелогично. Кто мне поверит?

Когда-то я смотрела Боско в рот. Мне казалось, он знает все, он идеален, и теперь я поражена тем, что вижу: паникующий, готовый на любые компромиссы человек, ему лишь бы сохранить ускользающую власть. Хватается за соломинки, такие тонкие, что они рассыпаются у него в руках, а меня он просто использует. Дедушка был прав.

– Не могу. Простите, – мягко повторяю я. – Можно, я сама объясню это Арту? Пожалуйста!

Его лицо каменеет, и я замираю в ожидании нового ора, но на этот раз он говорит так тихо, что приходится напрячь слух, и это намного хуже, он словно шипит.

– Рехнулась? Чтобы я позволил моему сыну еще раз в жизни с тобой заговорить? Даже если бы Трибунал оправдал тебя, я бы этого не допустил, а уж тем более теперь, когда ты доказала, что порочна. Ты порочна до мозга костей, Селестина Норт!

И с тем он развернулся и ушел, красный плащ развевался и полыхал

на ходу. Захлопнулась дверь.

Несколько минут спустя вернулась Тина, а вместо Барка – новая женщина-страж.

– Тебя ждут, – сообщила Тина. И, наверное, подумав о своей дочке, смягчила тон: – Это Джун.

– Барк пока что нагреет Клеймо, – вставила Джун, – чтоб оно наготове было, горяченькое, для твоей гладкой кожи.

Я в ужасе оглянулась на Тину, та с гневом посмотрела на Джун. Я так и замерла, идти дальше не могу, пришлось им меня волоочь.

– Давай же, шагай! – шепчет Тина.

Ноги подогнулись, я чуть не упала, Тина подхватила меня.

– Мы же не в камеру Клеймения, Селестина. Сперва они огласят приговор.

Я покорно отдаюсь им, меня ведут по лабиринту коридоров, я обвисаю, точно тряпичная кукла. Новая дверь. Может быть, через нее меня раньше и вывели, но я не помню, я была оглушена.

Тина глянула на меня:

– Готова?

– Нет.

Но дверь все равно распахнулась. Полный зал.

Первым я разглядела Кэррика, на том же месте в дальнем конце зала. При виде меня он выпрямился, подался вперед и словно бы идет вместе со мной. Теперь он меня уважает, в эту ночь он не повернется ко мне спиной.

В зале жарко и душно. Пахнет потом, пахнет возбуждением, моя жизнь превратилась в зрелище на потеху другим. Какая-то женщина протягивает соседу пачку конфет, и они суют их в рот, жуют, наблюдая за мной, ощупывая взглядами с головы до ног, точно я их видеть не могу.

Я сажусь возле мистера Берри.

– Что происходит? – спрашивая я его, а он пожимает плечами, такой же растерянный, как и я.

– Встаньте, Селестина Норт! – приказывает Креван.

Я встаю, ноги дрожат. Мама обеими руками хватается за папу. Дед стянул с головы кепку, стиснул ее так, что костяшки побелели.

Я стою в зале суда, одинокая, и понимаю вдруг, что так теперь будет всю жизнь, сколько бы лет я ни прожила: всегда буду одна, заклеймена навеки из-за одной-единственной ошибки.

Дверь распахивается, судьи разом поднимают головы.

– Не делайте этого! – кричит кто-то.

Арт. Я ищу его глазами.

– Арт! – говорю я в ужасе и слышу, как мой голос дрожит.

– Порядок в зале! – стучит молотком судья Креван.

– НЕ ДЕЛАЙТЕ ЭТОГО! – снова кричит Арт.

– Уведите его! – приказывает Креван, опуская глаза, нервно перебирая какие-то бумаги на столе.

Двое охранников хватают Арта под руки, а он кричит и отбивается. Они тащат его прочь. Я отворачиваюсь, снова обращаюсь лицом к судьям, глаза потупила.

– Я продолжу? – вкрадчиво предлагает судья Санчес. Голос медовый.

– Нет! – рявкает он. – Селестина Норт! – Он смотрит на меня, глаза дикие, налились кровью. Пощады не будет. – Ваше дерзкое поведение в суде означает, что вы вздумали сделаться знаменем для недовольных, а мы такое не поощряем. Тем более когда подобное поведение представляет угрозу для общества. Вы – яд, специально приготовленный, чтобы отравить наше прекрасное, процветающее общество. И пусть на вашем примере они кое-чему научатся, раз уж вы стали образцом.

Мы редко приговариваем более чем к одному Клейму, но, поскольку некоторые члены общества вздумали глазеть на вас с восторгом и обожанием, пусть им будут очевидны ваши изъяны. Следует также принять во внимание серьезность проступка – публичного, в присутствии многих. Это было не частное преступление, затрагивающее лишь несколько человек, а общественное, и его публичность растет. Вы ухитрились привлечь внимание всего мира, мисс Норт, и мы пошлем миру весточку. Сейчас я перечислю ваши Клейма.

Он выдерживает паузу, и весь зал замирает, упади булавка – все бы услышали.

– Вы обворовали общество, и Клеймо будет выжжено на вашей правой руке. Всякий раз, когда вы протянете руку порядочному члену общества, чтобы поздороваться, он распознает в вас воровку.

Зрители загалдели, думая, что на этом и все, но судья продолжил перечислять Клейма, и все смолкли.

– За ошибку в суждении – на правом виске.

Два Клейма! А он продолжал, словно не слыша испуганных вздохов:

– За сговор с Заклейменными, за то, что вы стали на их сторону и вышли из общества, – Клеймо на правой подошве. Пусть даже земля, которую вы попираете, знает, что вы порочны до мозга костей!

Он перешел к четвертому, и публика вновь взорвалась. Три Клейма –

и он не останавливается. Неслыханно! До сих пор за всю историю Трибунала только один человек был присужден к трем Клеймам.

– За измену Трибуналу, за измену обществу – Клеймо на груди, против сердца, чтобы каждый, кто доверится вам или вздумает вас полюбить, сразу увидел этот знак и понял, что вы не умеете хранить верность.

И наконец, за то, что вы солгали этому суду о своих действиях, вам прижгут язык, и каждый, с кем вы заговорите, кого поцелуете, будет знать, что слова ваши исходят с порочного языка, что вам нельзя верить – до последнего вашего вздоха!

Зал взорвался. Люди кричат, торжествуют: правосудие свершилось, общество извергло паршивую овцу. Кто-то кричит совсем другое, гневно кричит, упрекает судей в несправедливости. Теперь, когда приговор оглашен, у меня прибавилось сторонников, но не так уж много, да и какая мне от них польза? Слишком поздно. День Именования настал, и сбылись мои худшие страхи: Клеймо, и даже не одно – пять. Такого еще ни с кем не было.

Ноги подогнулись, мистер Берри вяло попытался ухватить меня за руку, но без особого энтузиазма, зато мгновенно подоспела и успела меня подхватить Тина. Джун завладела другой рукой, и меня потащили сквозь безумствующий зал к главному выходу, потом через двор, где в меня вновь плевали и чем-то швыряли. Дополнительный наряд стражей сдерживал напиравшую толпу, корреспонденты – и откуда их столько? – тыкали в лицо камерами, фотоаппаратами, вспышки слепили, и я за ними ничего не могла разглядеть. Мелькнул огромный экран на стене замка, и я поняла, что суд показывали в прямом эфире. По ту сторону ограды собралось невероятное множество людей, иные даже складные стулья расставили.

Я вернулась в камеру вся покрытая той мерзостью, которой в меня бросали и плевали, уши звенели от воплей, перед глазами все еще мерцали вспышки. Попыталась приспособиться к освещению внутри, но сразу не получилось. Споткнулась, чуть не упала, хорошо, Тина удержала. Они с Джун обменялись встревоженными взглядами, я это заметила. Обе вошли со мной в камеру, сели рядом, тоже нервничали.

И тоже все в этой гадости.

– Прошу прощения, – сказала я обеим.

Джун вроде бы удивилась, чего это я.

– Мы привычные, – заметила Тина, стряхивая с себя яичный желток. – Обычно поменьше бывает, это правда. И вообще, такого еще не случалось. Надо бы нам всем выпить чаю.

Джун кивнула и отправилась на кухню.

– Принесу тебе чистое, – поднялась и Тина. – А ты пока прочти все, что в папке.

Папка для Заклейменных, подготовка к тому будущему, которое мне предстоит.

Она вышла, и вернулся Кэррик в сопровождении Фунара – неся так, словно ему не терпелось оказаться в камере. На меня он глянул с тревогой. Глаза расширились – черные глаза, испуганные, потерянные. Он вошел в камеру и сразу к той стеклянной стене между нами. Мне припомнился первый день, когда он поворачивался ко мне спиной, а теперь он распластал по стеклу свою левую ладонь.

Я не сразу поняла, что это значит, но он не убирал руку, и постепенно до меня дошло. Я тоже подошла к стене и прижала к холодному стеклу правую ладонь, точно напротив его. Моя рука рядом с его – точно кукольная, а разделяющее нас стекло – единственное, что нас объединяло. Я уткнулась лбом в стекло, и его рука поднялась к моему лицу, потом отодвинулась. Он ударил по стене.

Долго ли мы так простояли? Не знаю. Потом я заплакала. Поговорить мы так и не поговорили.

«Чистое», за которым сбегала Тина, это кроваво-красная сорочка вроде больничной рубахи: сзади она подвязана, а спереди глубокий вырез, обнажающий грудь для Клейма. Одежда для камеры Клеймения. Я узнаю ее – такая была и на том мужчине, который кричал, когда его жгли раскаленным железом, а нас с Кэрриком заставили слушать.

Кэррик судорожно двигает челюстью, наблюдая, как я принимаю из рук Тины рубаху, глаза его разливаются глубокими лужицами нефти. Теперь он не отворачивается от меня, не смотрит саркастически и пренебрежительно. Он весь сосредоточен на мне, он преисполнен уважения. Нигде не скрыться от его взгляда. Я ушла переодеваться, а вернувшись, увидела, что его камера разгромлена в хлам, Барк повалил его на пол и еле удерживает. Так он отреагировал на мое несчастье, тем более что и ему ничего хорошего этот приговор не предвещает. Попрощаться нам не позволили, я даже не увидела его лица, Барк закрывал его своим коленом, прижимал щекой к полу, затылком ко мне. Все наше общение – без слов, да и зачем нам слова? Скоро и на него наденут такую же рубаху, и он пройдет тот же путь, что и я.

Перед Клеймением меня завели в небольшую камеру, и Тина вместе с Джун перечитали со мной все информационные брошюры: как проходит сам процесс, что я почувствую – вроде бы ничего, поскольку мне введут обезболивающее, – и как потом лечить ожоги. Мне всучили множество брошюр о дальнейшем лечении, работе с психологом, с телефонами горячих линий, и на каждой странице – изображение Клейма. Велели подписать какие-то бумаги, я приняла на себя полную ответственность за все, что со мной произойдет, не буду иметь претензий к Трибуналу в случае каких-то осложнений или если что-то пойдет не так во время Клеймения. Все обсуждается спокойно, по-медицински, словно я пришла к пластическому хирургу подправить нос.

Выйдя из этой предварительной камеры в длинный узкий коридор на подступах к камере Клеймения, я увидела Кэррика на той самой скамье, где мы сидели накануне. Фунар сторожит его, Фунар с подлой усмешечкой – рад и моей беде и тому, что Кэррика заставят все это видеть и слышать. Кэррик услышит, как я буду орать. Мои родные услышат. Я точно буду вопить.

Нет. Не допущу такого. Не позволю так себя унижить. Нет, я не буду

кричать.

Впервые я ощутила это в себе – вызов, нежелание покориться. Тогда, в автобусе, мною двигало сострадание, в суде я призналась из чувства вины, отнюдь не из бравады, но сейчас нахлынул гнев, и я готова бросить им вызов.

Мы встречаемся взглядами, Кэррик смотрит твердо, и его отвага передается мне.

– Я тебя отыщу, – вдруг говорит он сильным, глубоким голосом. Надо же, заговорил.

Я киваю с благодарностью, не решаясь ответить вслух. Он придал мне сил, чтобы войти в эту камеру без истерики: я не хочу поддаваться слабости у него на глазах. За стеклом уже сидят родители и дедушка, словно в кино пришли и ждут, когда пустят пленку, но на лицах у них отражается тот ужас, что у меня внутри. Они бы рады отвернуться и не видеть этого, но они сидят здесь, чтобы не оставлять меня одну. Но мне кажется, лучше бы я прошла через все это одна. Непривычная мысль, прежде я всегда радовалась, что у меня есть семья. Уже сказывается отлучение от общества, уже разделяет меня с родными: я всем чужая, я должна пройти этот путь в одиночестве.

И мистер Берри тоже тут, меня это смущает, хотя он, наверное, по казенной надобности. А за открытой дверью, чуть дальше, за углом – Кэррик. Это придает силы.

Тина усаживает меня в кресло. Вроде зубоврачебного, ничего такого уж необычного, только меня привязывают к нему – ремнями вокруг лодыжек, запястий, талии, плотно притягивают голову, чтобы я не дергалась и не лягалась, когда начнут прижигать. Нужно оставить на моем теле четкий отпечаток на все времена, такая вот горькая ирония: Клеймо должно быть идеальным. Тина затягивает ремни почти ласково, и даже Джун перестала ко мне цепляться – зачем, сейчас я получу, что заслужила, кару от лица всего общества.

Барк возится с оборудованием, тоже выполняет свой долг.

Механическое кресло откидывается. Бьет в глаза яркий потолочный свет. Кожу обдаёт жаром, я на сцене, у всех на глазах. Вот теперь.

– Лучше не смотри, – шепчет на ухо Тина, закрепляя ремень у меня на лбу. Так и так не посмотришь: головой не шелохнуть.

Сначала в правую руку вводят обезболивающее. Рука сразу же немеет. Барк берет в руки раскаленную кочергу, и я вижу ее во всех подробностях: круг с красной от жара буквой «П» на конце. Кто-то распластал мою правую ладонь, пальцы тоже привязали ремешками, ладонь удерживается

открытой, чтобы принять Клеймо. Все делается просто, проворно. Никаких современных штучек, обычная железная кочерга, Барк считает до трех:

– Раз, два... – и втыкает кочергу мне в руку.

Я подсакиваю, но не от боли. Так, сама не знаю, что почувствовала. Хуже всего запах паленой плоти, от него тошнит. Но кричать я не стану. Не стану.

– Вот ведро, если нужно. – Тина неотлучно рядом, точно акушерка во время родов.

Я пытаюсь покачать головой. Где-то внутри я слышу безутешный плач, вижу ожог на раскрытой ладони. Омерзительная язва на моей безупречной коже. И так еще четырежды. Больше всего я боюсь ожога языка. Его оставят напоследок, мне так сказали, потому что он хуже всего.

Вводят обезболивающее в стопу, она тоже мгновенно теряет чувствительность.

Барк приближается. Смотрит на мою обнаженную лодыжку и хмурится при виде браслета.

– Что это у тебя? – спрашивает он.

– Барк! – одергивает его Тина. – Я разрешила ей не снимать. Шевелись побыстрее.

– Нет, я... просто я... просто это я сделал. Для парнишки. Для его девушки. Он сказал, она идеальна... – И он вытаращился на меня. Дошло.

Я тоже вспоминаю: Арт, надевая на меня этот анklet, сказал, что его изготовил человек из замка. Барк изготовил для меня знак совершенства, а теперь этот же человек поставит на мне Клеймо. Он смотрит на меня и никак не может оторваться.

– Барк! – резко окликает его Джун.

На миг страж сделался человеком, он печально глядел мне в глаза, но Джун окликнула его, и он вышел из транса.

– Соберись! – мягко приказывает Тина, касаясь рукой моего плеча.

– Раз, два... Ожог.

Я вижу, как плачет мама, роняет промокшие салфетки, ее маска невозмутимой сдержанности треснула, разбита, в осколках. Отец вскочил на ноги, расхаживает из угла в угол. Страж внимательно следит за ним, готов вмешаться, если отец не совладает с собой. Я их не слышу, но они слышат каждый звук, так устроено для запугивания. Пусть слышат мои вопли и помнят: допусти промах, и с тобой случится то же самое.

Но я пока что не издала ни звука. И не дождусь.

Рука Барка мелькнула у меня перед глазами, на этот раз обезболивающее колот в грудь. И вновь онемение. И вновь приближается

раскаленная докрасна кочерга. Я чувствую ее жар. Чувствую, как крепко сжимает мне плечо Тина, и понимаю, что она вовсе не пытается меня поддержать, просто действует согласно процедуре – должна меня предупредить. Кажется, на этот раз я не выдержу. Невыносимая вонь. Вонь моей горячей плоти.

Порыв ветра. Джун распахнула окно или включила вентилятор, чтобы избавиться от запаха горящего мяса. Они тоже к такому не привыкли, судя по их растревоженным лицам. Обычно ставят одно Клеймо, редко два, за всю историю Трибунала лишь одного мужчину приговорили к трем, а пяти не было никогда. Я – единственный человек в мире, кому поставят пять Клейм. Голова кружится, хотя я и не шевелюсь. Закрываю глаза, зажмуриваюсь как можно крепче.

– Раз, два... Ожог.

Не могу дышать. Физически я ожог не почувствовала, но психологически – со всей силой. Грудь сдавило, я инстинктивно пытаюсь содрать с себя ремни, сражаюсь с ними, но по-прежнему не издаю ни звука. Этого я не допущу. Пол вздымается. Совсем уже близко. Сейчас ударит меня в лицо.

– Селестина? Селестина, ты как? – Голос Тины, но сосредоточить на ее лице взгляд я не могу, оно куда-то плывет. Она снова упоминает ведро, но я толком не пойму. Я все думаю, потом язык, у меня перед глазами язык Клейтона Берна, когда тот раскрыл рот и закашлялся, не хочу, не хочу, чтобы и мне прижгли.

Тина велит мне дышать глубже.

– Это уж слишком, – говорит Тина Барку, и тот, как ни странно, тоже взирает на меня с тревогой. – Надо сообщить им. Может быть, нужен перерыв. Закончим завтра.

– Ребята, нам всем нелегко, но тут без вариантов! – негромко возражает Джун. – Чем дольше мы тянем, тем ей же хуже делаем, давайте ее зря не мучить. И семья тут, – шепотом добавляет она. – Давайте уж кончать, ради всех нас.

Укол в висок. На этот раз все происходит быстрее.

Рука на моем плече. Отныне и навсегда, стоит кому-то сжать мне плечо, и все это вновь оживет в памяти.

– Раз, два... Ожог.

Давлюсь. Меня мутит. Воняет горелой плотью. Моей плотью.

Барк что-то бормочет.

– Господи боже! – вдруг восклицает Джун, резко переменив собственные планы. – Пора ведь заняться ранами. Мы слишком долго

возимся.

– Ты молодец, Селестина, – говорит Тина мне в ухо. – Настоящий маленький герой, потерпи еще чуть-чуть, ладно? Совсем недолго.

Я то ли смеюсь, то ли плачу.

Поднимаю глаза и вижу их всех – родители, дедушка, они все уже вскочили на ноги, выстроились вдоль стены. Лица искажены гневом. И мистер Берри возмущен. Расхаживает взад-вперед. С кем-то говорит по мобильному. Наверное, услышал разговор стражей и пытается что-то сделать. Дед спорит с охраной. Я и отсюда чувствую, как там сгущается напряжение. Делаю глубокие вздохи. Не закричу.

– Держи! – В поле зрения появляется рука Барка с бутылкой и соломинкой. Это трюк, это какой-то трюк. Тина направляет соломинку мне в рот, и я сосу воду, а думаю только о том, что мне прижгут язык. Настал черед языка. И вновь подступает тошнота. Вода выплескивается.

В комнате для зрителей словно ад разверзся. Я не слышу слов, но вижу, что с ними творится, чувствую их гнев, вижу лихорадочные, яростные жесты. Мой взгляд заметался из стороны в сторону, сосредоточиться не удастся. То я вспоминаю, где я нахожусь и почему, то снова забываю. Понимаю – и утрачиваю понимание. Думаю, что все по справедливости, – и тут же, что это не так. Раскаиваюсь в том, что сделала, и радуюсь этому. Хочу закричать, но не кричу.

Вдруг мои родные рассеиваются, как стайка птиц, в которую бросили камень, и я вижу перед собой судью Кревана все с той же мерзкой ухмылкой на лице. Должно быть, мистер Берри вызвал его, потребовал остановить негуманную процедуру. Слишком поздно – и все же теперь он явился в камеру Клеймения. Стоит прямо передо мной, заслонив растопыренной мантией моих близких.

– Что, Селестина, достаточно с тебя?

Рвется стон. Но плакать не стану. Только не перед ним.

Мне говорили, что введут обезболивающее, но израненное тело уже колот иголки. Когда заканчивается действие анестезии, сперва покалывает, а потом припечет. Только бы продлить действие обезболивающего! Сейчас я ни о чем другом думать не могу. Зря я так невнимательно пролистала брошюры: как быстро заканчивается анестезия?

– Я тебя предупреждал. Я говорил, что с тобой станется, а ты и слушать не захотела.

Красная мантия того же цвета, что язва на моей руке, и на подошве, на груди, на виске точно такие же раны. Моя кровь на его мантии. Это все он сделал со мной. Он. Он мне мерзок. Никогда не думала, что буду бояться

человека, но теперь я понимаю, что больше всего меня пугает в нем именно то, что он – человек. У него знакомое лицо, у нас с ним столько прекрасных общих воспоминаний – и он так поступил со мной. Теперь я до смерти его боюсь. Я вижу в нем зло.

– Ох, Селестина, да не смотри на меня так. Можно подумать, я что-то на этом выгадал. Арт сказал, что никогда в жизни больше не заговорит со мной. Он разбил мне сердце. Сперва я потерял Рут, а теперь и Арта. По твоей вине.

Молчи, приказываю я себе. Еще одно Клеймо – и все будет позади. Все будет кончено.

– Я пришел оказать тебе милость, Селестина. Покайся, признай вину, признай себя порочной – и я распоряжусь не клеймить тебе язык. Это самое скверное. Все так говорят.

Я пытаюсь покачать головой, но мешают ремни. Говорить с ним я не хочу. Я просто высунула язык, показывая, что готова принять Клеймо.

Все поражены. Дед взмахнул кулаком – не торжествуя, но в горьком гневе. Он хотел, чтобы я устояла. И раз уж я так далеко зашла, сдаваться теперь было бы нелогично. Никакой выгоды. Я чувствую, как слезы текут по щекам, но нет, я не плачу.

– Прижгите ей язык, – холодно распорядился судья и отступил на шаг. Мои родные отшатнулись от перегородки, не желая оставаться рядом с ним.

Они не могут успокоиться. Даже мистер Берри стучит в стекло, пытаясь привлечь внимание Кревана. Папа трясет стража, требует, чтобы тот вмешался, остановил это, в итоге они схватились прямо там, в камере. Никогда не видела отца в таком состоянии. Креван поворачивается и созерцает этот хаос.

– Выведите их отсюда! – вдруг кричит он.

В дверях возникает Фунар, по одному он выволакивает маму и дедушку. Мистер Берри следует за ними, на ходу что-то яростно втолковывая Фунару. Отец все еще дерется со стражем, врезал ему в челюсть, но тут Фунар вернулся – куда-то отвел остальных, в помещение для ожидания или даже в камеру, – он застал отца врасплох, вдвоем стражи скрутили отца и поволокли. Никого из зрителей не осталось.

– Господи! – шепчет где-то рядом со мной Джун.

– Ну же! – командует Креван.

Я тихонько ною, когда они раскрывают мне рот и вставляют кляп.

– Это недолго, лапочка, – говорит Тина, голос ее рвется от страха.

– Отойдите от нее! – гневно распоряжается судья.

– С вашего разрешения, сэр, я бы предпочла выполнять свои

обязанности и оставаться возле нее, – возражает Тина, хоть голос ее все еще дрожит.

– Прекрасно.

Укол в язык. Язык словно растет, распухает во рту. Я задыхаюсь.

– Раз, два... Ожог.

Я не кричу. Не могу – язык не повинуется, – и я пытаюсь топтать ногами, махать руками, но я крепко связана, не могу пошевелиться, только чувствую, как мое тело напрягается, словно пытаюсь разорвать ремни, и слышу какой-то звук, чуть позже соображаю, что он исходит из моих уст, – хуже всякого крика, гортанный звериный вой, стон, откуда-то глубоко изнутри, боль, какой я в жизни не ведала, даже не думала, что такая бывает. Все бы отдала, чтобы никогда больше не слышать подобный звук, но он будет возвращаться вновь и вновь в страшных снах.

– Покайся, Селестина! – кричит Креван.

Я не могу ответить, язык онемел, распух, стал гигантским, но я вижу, как недоволен судья. Не вышло по его. Я не следую его плану. Я должна была попросить прощения, и меня бы избавили от последнего Клейма. Я не стану просить у него прощения, никогда.

– Судья Креван, пора отвести ее в камеру, нужно заняться ожогами, – настойчиво говорит Тина. – Обычно все проходит гораздо быстрее. Нужно сейчас же начать лечить ожоги.

Ремень, удерживающий голову, расстегнули, я оторвала затылок от подголовника и посмотрела судье прямо в глаза.

– ПОКАЙСЯ! – громче прежнего возопил он.

Яростно качаю головой. Раз уж мы прошли весь этот путь. Поставлено последнее Клеймо. Что уж теперь признаваться в своих сожалениях, даже если я страшно жалею о том, что все это затеяла.

Освобождают мои руки, лодыжки. Торопятся и ради меня, и ради самих себя, мне кажется. Помогают мне встать, Тина поддерживает с одной стороны, Джун с другой. Барк начинает прибирать, прячет свое оборудование. Хотят поскорее меня увести. Я не могу сделать ни шага, к стопе все еще не вернулась чувствительность, да и ноги дрожат. Подкатывают мне кресло на колесиках.

– Прижгите ей спину! – распоряжается вдруг Креван.

Барк медленно оборачивается:

– Прошу прощения, сэр?

Тина и Джун замерли, глядят друг на друга во все глаза.

– Ты меня слышал.

– Сэр, она же сущее дитя, – шепчет Тина, и я слышу, как дрожит ее

голос, слезы уже близко.

– Шевелитесь!

– Сэр, мы никогда не ставили Клеймо на спине, – тревожится Барк.

– Потому что ни разу не попадался человек, испорченный до мозга костей, как эта девчонка. Поставьте. Клеймо. На позвоночник.

– Не могу, сэр. Извините, но сначала нужно спросить у...

– Я – глава Трибунала, и ты будешь делать, как я велю, или завтра сам предстанешь перед моим судом. Пытаешься помочь Заклейменной?

Барк оцепенел.

– Пытаешься ей помочь?

– Нет, сэр! Нет.

– Так вперед. Клеймо на спину.

– Обезболивающее закончилось.

– Обойдетесь без него.

– Сэр, закон предусматривает...

– Я – ЗАКОН! – кричит Креван. – Именем Трибунала.

– Нет! – пытаюсь вскрикнуть я, но не выходит: язык распух и от ожога, и от анестезии, чувствую вкус крови, как она затекает в глотку. Закашливаюсь. Кричать не могу, только подвывать, но звук до того омерзительный, что я предпочитаю закрыть рот. И я вижу злобу в глазах Кревана, вижу, как он наслаждается всем этим. Нет уж, дополнительного удовольствия я ему не доставлю.

Со мной сейчас это сделают – нужно подготовиться. Забыть о том насилии, что разыгралось в комнате для родственников, о несправедливости, которая творится здесь. Не подпускать к себе страх за родных, обрести внутри себя тишину.

Тина и Джун развязывают тесемки халата, обнажая спину.

– Детка дорогая, прости меня, – бормочет Джун, сжимая мне плечо. – Что же это, господи...

– Хватит болтать, – командует судья.

Тина ласково берет меня за руку – левую, нетронутую – и крепко, словно от этого зависит ее собственное спасение, сжимает. К судье Кревану она повернулась спиной, скрывая хлынувшие слезы.

Барк приближается с раскаленной кочергой, вид у него неуверенный.

– Ну же, – поторапливает его судья Креван и пристально глядит на меня. – Как только захочешь положить этому конец – просто скажи, что просишь прощения.

– Она же не может языком пошевелить, судья, – сквозь слезы возражает Тина. – Как же она это остановит?

– Остановит, если захочет, – негромко, размеренно отвечает он.
Хочет, чтобы я вскрикнула, чтобы я покаялась. Не будет этого.

Вдруг в комнату врывается Кэррик. В черных глазах стоят слезы – значит, он все слышал. Дышит он так, словно марафон пробежал, на лице кровь смешивается с потом, губа разбита, с нее кровь капает на футболку. За ним в дверях возник Фунар, нос свернут на сторону, едва стоит на ногах, сгибается пополам. Вслед за Кэрриком в камеру ворвался мистер Берри, телефон все еще у него в руках. Охранник, который прежде скрутил моего отца, тоже вбегает в камеру, бросается на Кэррика, но тот одним ударом его вырубает. Охранник падает на пол. Перед лицом превосходящих сил Фунар отступает, зажимая рукой нос, из которого хлынула кровь. Мистер Берри захлопнул дверь. Сейчас мне хорошо видно его лицо, возраст безжалостно проступил на нем. Он держит телефон высоко, снимая все, что происходит. Креван так и не заметил, что происходит у него за спиной. Ни Барк, ни Джун, ни Тина не сочли нужным его предупредить.

– Давай, – настойчиво повторяет он, аж пот на губе выступил. – Клеймо на спину!

Кэррик стоит у перегородки и напряженно смотрит на меня, удерживает мой взгляд. Ладонь положил на стекло, распластал ее, – и я отключаюсь от безумия, безумия вокруг и в моей голове, сосредоточиваюсь на тишине внутри Кэррика, на его ладони. Рука дружбы – он протягивал мне ее после суда. Он обещал найти меня потом. По крайней мере, один друг у меня есть. Я больше не сопротивляюсь. Замираю. Готова.

– Раз, два...

Раскаленное железо впивается в кожу, и я испускаю крик – мучительный, животный, душераздирающий, какой ни от кого в жизни не слышала. Крик разносится по коридорам замка, все его слышат, всем ведомо: Креван сломил «идеальную девочку» и поставил на ней Клеймо.

Первый день

Я дома, лежу в кровати, под спину подсунута дюжина подушек – дело рук моей мамы, которая то и дело возвращается, осматривает их, взбивает или, наоборот, уминает, словно лепит шедевр. Меня она вернуть к совершенству не может, так пусть хотя бы все вокруг будет идеально. Готовится к визиту семейного врача, доктора Смита. Осмотрев мои раны, он устраивается на стуле возле кровати и отвечает на мамины вопросы.

– Ожоги языка выглядят и заживают по-разному, в зависимости от степени поражения. При первой степени повреждается только внешняя оболочка языка, что приводит к опуханию и боли. Ожог второй степени более болезненный, поскольку поражен также и внутренний слой языка. Формируются волдыри – это мы сейчас и наблюдаем, язык сильно распух. При ожоге третьей степени страдают глубокие ткани. В таком случае мы видим белую или почерневшую, обгоревшую кожу, наблюдается онемение или сильная боль.

Или и то и другое одновременно.

Доктор Смит вздыхает, доброе дедовское лицо морщится.

– В замке ей оказали должную помощь, язык не инфицирован, волдыри постепенно сойдут. Вкусовые сосочки уничтожены...

– Она и есть-то ничего не ест, – вставляет мама.

– Естественно, после таких мучений. Аппетит постепенно восстановится, как и вкусовые сосочки – они регенерируют за две недели. Но острая боль, которую она сейчас испытывает, у некоторых пациентов приводит к депрессии или повышенной тревожности.

Да уж.

Мама сжимает губы, вздергивает подбородок. Они продолжают разговор, не обращая на меня внимания, словно меня тут и нет.

– Ожоги по большей части заживают за две недели, хотя иногда последствия наблюдаются и в течение шести недель.

Он печально покосился на меня, вспомнил о моем существовании.

– И вот еще что, – говорит он. – Шестой... шестое Клеймо. – Ему неловко даже упоминать об этом.

Мама вскидывается в панике. Доктор подбирает слова.

– Мы много лет знакомы, Саммер, – кротко говорит он. – Я лечил Селестину и всех детей от кори и ветрянки, делал им прививки и так далее.

Мне вы можете рассказать обо всем, Саммер.

Мама кивает, но я чувствую в ней страх. Ее вывели из комнаты для наблюдателей перед тем, как я получила два последних Клейма. Никого из моих родных там не было, а я не хочу обсуждать, что случилось. Не буду. Не знаю даже, рассказал ли ей что-нибудь мистер Берри. Мама была там до того, и она догадывается, на что способен озверевший Креван, но она уважает мое нежелание говорить, хотя папа, думаю, хотел бы знать подробности. Вопросы так и вертятся у него на кончике языка всякий раз, когда он навещает меня, и все же папа молчит. Возможно, винит себя за то, что побудил меня сказать правду и вот к чему это привело.

– Я зайду через несколько дней проверить повязки, но если что-то понадобится, сразу звоните.

Даже кивком я не ответила ему.

Ведь они все равно не обращают на меня внимания. Говорят обо мне так, словно меня тут и нет.

Нет меня.

Я закрываю глаза, и только что проглоченная таблетка уносит меня далеко-далеко.

Второй день

Стук в дверь, я закрываю глаза. Входит мама, я узнаю запах ее духов, идеальную, бесшумную походку, она проходит по комнате и садится, ничего не задев. Выждав, заговаривает со мной:

– Я же вижу, ты не спишь.

Все равно не открываю глаза.

– Приходила Тина. Тина из замка Хайленд. Спрашивала, как ты. Ей ведь нелегко было прийти к нам, тем более когда эти сторожат дом. Она понимает, что ты не захочешь ее видеть, она передала тебе подарок.

Я открываю глаза и вижу перед собой коробку с маленькими кексами. Розовые, лиловые, голубые, желтые. Такие вот пастельные оттенки мама подбирала мне для суда. Никогда больше не буду их носить.

– Она сказала, их испекла ее дочка. Съешь один на этой неделе, – говорит она, словно обещая неслыханное удовольствие.

Одно лакомство в неделю – все, что положено Заклейменным. Никаких излишеств, самая простая жизнь для полного очищения от порока. Основные продукты питания, без роскоши, без вкусовых добавок, только то, что сочтено необходимым для поддержания жизни. В конце каждого дня нас проверяют – каким образом, мне еще предстоит узнать.

– И вот еще она просила передать. – Мама вручает мне пакет.

Бумажный пакет из сувенирного магазина при замке. Чушь какая-то! Неужели Тина думает, что я буду рада безделушке на память о худшем испытании в моей жизни?

Коробочку из пакета мне и открывать-то не хотелось, но любопытство взяло верх. Внутри обнаружился стеклянный шар с миниатюрным замком. Я слегка встряхнула шар, и в нем закружила метель из ярко-красных блесков. Гадость какая. Даже мама смотрит на этот подарок с неудовольствием. Странная эта Тина, хотя, мне кажется, в такой форме она пытается проявить участие, может быть, даже извиниться. Или мне хочется так думать? Я убираю шар в коробку, коробку прячу в тумбочку у кровати. В жизни бы его не видеть.

Закрываю глаза.

Третий день

Явился посетитель. У моей постели сидит Ангелина Тиндер, с ног до головы в черном, никогда прежде она такое не носила. Выглядит как дама викторианских времен, оплакивающая усопшего супруга. Митенки скрывают Клеймо на ладони. Длинные пальцы пианистки на фоне лайковой кожи белы как снег. На улице ей запрещено надевать перчатки, но дома она может прятать рану, если ей вздумается. Однако она не у себя дома, так что она нарушает правило. Впрочем, не ради меня она надевает перчатки: от самой себя прячется. Сидит на стуле очень прямо, изредка поглядывает на меня, только чтобы убедиться, слушаю ли я.

Глаза Ангелины обведены красными кругами, словно она плакала, не переставая, с того дня, как получила Клеймо. И кончик носа красный. Такой бледной я ее еще не видела – наверное, никогда не выходит на солнышко.

– К тебе приставят стража, – говорит она. – Ту, которая была у меня. Старуха. Злобная старуха, следить будет неусыпно, больше ей заняться нечем. Она бы и добровольно в стражи пошла, даже без оплаты. Мэри Мэй. Она еще и «верующая христианка». Раньше такие ведьм на кострах сжигали. Она постарается подловить тебя, Селестина, будь к этому готова. – Снова быстрый взгляд, и снова она отворачивается. – Спуску не даст. Она считает тебя мерзкой. – Ангелина потянула носом воздух, точно и сама почуяла скверный запах. – Они ведь такие и есть. Порочные. Мы с тобой не такие, Селестина, и не позволяй им так о тебе думать. Но, бога ради, зачем ты полезла помогать этому старику? Зачем так говорила в суде? Эту запись все видели, сама понимаешь. Нет человека, кто не посмотрел бы запись из камер автобуса. – Наконец-то она смотрит

на меня, лицо ее подергивается от растерянности, а пожалуй, и отвращения.

Я не отвечаю. Не могу шевелить языком. Да и не хочу.

– Всегда возвращайся домой к половине одиннадцатого. Комендантский час с одиннадцати, но она будет караулить, а мало ли что может случиться. Задержка автобуса, какая-нибудь накладка. Они могут даже попытаться нарочно тебя подставить. Все время будут тебя испытывать. Один раз я опоздала к комендантскому часу. Больше со мной никогда такое не случится, можешь быть уверена. – Призадумалась и продолжала: – Она будет проверять каждый вечер, не ешь ли ты что-то сверх положенного. И придется проходить тест на детекторе лжи, чтобы подтвердить, что ты не нарушала никаких правил. Не могут же они все время держать тебя в поле зрения, так что полагаются на анализы и детектор, хотя, наверное, скоро в их лабораториях появится что-нибудь новое. Камеры нам в голову вставят и будут видеть все, что видим мы, подслушивать наши мысли. Потому что именно этого они и добиваются, понимаешь: знать все. Залезть под кожу каждому, залезть внутрь тебя.

Она снова дергает носом, чешет себе руку. Я слежу за ее пальцами – пальцы дрожат.

Она ловит мой взгляд.

– Так все время. Играть я не могу. Пальцы словно чужие.

Она замолкает, и я готовлюсь к следующему взрыву эмоций. Неотвратимому.

– Это ужасно, Селестина! Сегодня какая-то женщина посмотрела на меня так, словно я детоубийца. Лучше бы меня сразу казнили, чем жить так.

Хорошо, что я не могу шевелить языком. Все равно ответить ей нечего.

– Удачи тебе, Селестина.

Она встала и вышла из моей комнаты.

А потом вошла мама, обнадеженная:

– Тебе теперь лучше, дорогая?

Закрываю глаза, уплываю.

Четвертый день

Я проснулась. И снова, как в три первых дня, тут же постаралась загнать себя обратно в сон. Успела только осознать, что кошмар мне не приснился, все так и есть на самом деле, и сон – мое единственное спасение, повернулась на бок – спина очень болит, – пристроила голову так, чтобы не касаться виском подушки, а еще чтобы одеяло не задевало

рану на груди, и правую ладонь оставить сверху, раскрытой – впрочем, с тугим бинтом руку и не сожмешь. Только в такой позе я нахожу покой. Покой? Раньше я была точнее в употреблении слов.

Из комнаты я все три дня не отлучалась. С постели встаю только в туалет. Не видела никого, кроме доктора Смита и Ангелины Тиндер, родителей и сестры. Эвана ко мне не пускают, и это, я думаю, правильно. Мама возится со мной день и ночь, обрабатывает раны, меняет повязки, мажет всякими средствами, чтобы снять боль, не допустить заражения. Иногда, проснувшись ночью, я вижу на стуле у постели Джунипер, она сидит и смотрит куда-то в пространство, а когда я снова просыпаюсь, ее уже нет, так что, может быть, она мне всего лишь приснилась. Мы коротко поговорили, когда я вернулась домой из замка, но нам обеим было неловко. Я понимаю, что Джунипер не хотела мне зла и не имеет к этому отношения и не ее тут вина, и все же во мне кипит и булькает гнев. Она могла бы поддержать меня тогда, в автобусе, могла бы выступить в суде и сказать, что я не усаживала старика. Почему она не пришла в суд и не сказала? Теперь она чувствует себя виноватой, я это заметила сразу, как порог переступила, и обозлилась. Мне хотелось во всем винить ее. Ее, а не себя.

Меня глушат обезболивающим, вот и хорошо. Одурманенная, я словно расстаюсь с телом, выхожу из реальности, мое горе смягчается. Иногда я соображаю, что у нас под дверью собралась толпа, но я не смотрю в окно, и мы никогда не говорим об этом с родителями. Я угадываю, когда папа уезжает на работу и возвращается, не по гулу мотора, а потому что начинают работать камеры, толпа оживает, корреспонденты, тесня друг друга, выкрикивают вопросы. Кто-то добрее, кто-то отвратителен, набрасываются на него, когда он уезжает и когда приезжает домой. Ответов я не разбираю, если он вообще отвечает, но и мне хотелось бы знать, продолжает ли он любить Самую Порочную Личность в истории нашей страны.

– Мистер Норт, вы любите свою дочь?

– Мистер Норт, как вы можете ее любить? – кричит другой.

Но, значит, он думает, что меня все еще любят, пусть даже ему это и кажется странным. С ними ничего подобного случиться не может, с ними и с теми, кого они любят. Это невыносимо. Кто-то считает меня опасной для общества, но в глазах большинства я лишь забава. Я ведь слышу, как они смеются вслед моему отцу и возвращаются к своим делам, и все это для них развлечение. Моя жизнь – драма для зрителей.

Некоторые голоса я узнаю. Репортеры, собиратели сплетен,

телеведущие, такие знакомые голоса из прошлого. На этот раз они обсуждают меня, только это вовсе не похоже на меня, на ту девушку, которой я была, – какая-то сконструированная версия, ее я не могу признать. Анализируют, анатомируют мои поступки так пристально, как мне бы и в голову не пришло. Наплевать, я слишком слаба, чтобы волноваться по этому поводу, слишком растеряна, чтобы вслушиваться. Звук вливается в уши и мозг и сразу же выливается обратно. Лучше я посплю.

В комнате стоит телевизор, но я не включаю ни его, ни телефон. Это – утраченная часть меня, невидимая, а я-то даже не знала, как она важна. Я отреклась от нее и превратилась в ничто.

Пока что моя жизнь с Клеймом мало чем отличается от обычной. Я еще никуда не выходила, ничего не делала. Лежу в постели, и все же я не чувствую себя прежней. Дело не в шрамах и не в боли – я вся изменилась, до мозга костей. Чего судья Креван и добивался.

В дверь постучали, это мама. Я научилась узнавать родных с закрытыми глазами, они ведут себя по-разному. Отец очень осторожен, двигается неуверенно, как будто боится меня потревожить. Мама, наоборот, решительна, она приходит по делу и даже не ждет ответа на стук, входит сразу. Я повернулась на спину, чтобы видеть ее лицо, и это движение отозвалось болью.

– Твой отец придумал, как привозить гостей. Он затонировал окна джипа, теперь он может встречать гостей на станции и везти их прямо в гараж, никто и не разглядит.

А из гаража прямой ход на кухню, так что людям не придется проходить через двор.

– Если ты хочешь с кем-нибудь повидаться...

– Арт, – только и могу выговорить я. Чуть ли не первое слово за все эти дни. В других обстоятельствах это показалось бы мне романтическим.

Мама смотрит вниз, на свои сцепленные руки, и на ее лице отчетливо проступает ужас. Не следовало спрашивать о нем. Почему он до сих пор сам не пришел? Я ждала. Прислушивалась. Каждый раз, когда раздавался звонок в дверь, я надеялась, что это он – но нет.

– Никто не знает, куда он подевался, – признается наконец мама. – После суда он зашел домой, сложил вещи и ушел.

– Наверняка Креван знает, где он, – бормочу я, язык все еще плохо поддается мне, в горле пересохло, слова даются с трудом. Язык едва умещается во рту. Этот ожог будет заживать дольше других: пока еще сойдут волдыри и присохшие корки.

– Нет. С ума сходит, пытается его разыскать.

Я улыбаюсь. Хорошая новость.

Мама протягивает мне стакан воды с соломинкой.

– Люди стыдятся приходить ко мне? Поэтому они предпочтут пробираться через гараж?

– Нет. – Мама на секунду примолкла и продолжала: – Это для тебя. Чтобы ты могла уезжать и приезжать, а репортеры ничего не заметили.

– Я никуда не собираюсь.

– А в школу?

Я с изумлении уставилась на нее.

– Через две недели. Как поправишься. Вечно прятаться нельзя.

Как ни странно, про себя я так и надеялась: никогда не поправлюсь, никогда не придется выходить из дома.

– Да тебе и не позволят оставаться дома. Придется выйти к людям, Селестина.

Интересно, думаю я, как она применяет это правило к самой себе. У нее мешки под глазами, все это время она тоже не выходила, не ездила в любимую клинику на небольшую косметическую операцию, хотя ей, наверное, понадобится полностью переменить лицо после такой публичности. Как все это скажется на ее работе, не потеряла ли она часть заказчиков? Было бы наивно думать, что для нее все обойдется. По закону никто не должен подвергаться дискриминации из-за порочных родственников. Никто не несет ответственности за действия своих близких, и все же наниматель всегда найдет способ ущемить такого человека. Многим людям я испортила жизнь, вот и маме в том числе.

– К тебе приставили стражем Мэри Мэй. Она заходит каждый день, подробно объясняет, что тебе и нам разрешено, а что запрещено. Она очень... дотошна, – произносит мама, и я угадываю напряжение в ее голосе. Похоже, эта женщина и впрямь какое-то бедствие. – Она требовала ежедневного допуска в твою комнату, но пока мне удавалось ее удерживать. – Мамин взгляд полон решимости, и я понимаю, как нелегко ей дается борьба. – Через несколько дней тебе предстоит с ней познакомиться. Она разъяснит тебе правила и первые дни будет наблюдать за нами во время обеда: хочет убедиться, что мы все соблюдаем. Затем ты будешь видеться с ней ежедневно – каждый вечер она будет проводить два анализа.

– Ангелина мне говорила, – перебиваю я, не желая вновь выслушивать подробности о режиме и вторжении в мою жизнь.

– Сверх этого у нее никаких прав нет. – Мама пытается смягчить

мысль о ежевечерних проверках. – Тебе надо поесть, – говорит она, поглядывая на поднос с нетронутой едой. – Ты же ничего не ешь.

– Все равно вкуса не распробую.

– Доктор Смит говорит, что скоро вкусовые сосочки восстановятся.

– Вкус крови я чувствую, так что все в порядке. – Дурная шутка.

И кстати, не факт, что я различаю вкус крови. Язык весь в волдырях и ранках, и мне просто кажется, будто к слюне примешивается кровь, когда я глотаю.

Маму передергивает.

– Может, оно и к лучшему, если у меня вовсе пропадет вкус, учитывая, чем мне предстоит питаться до конца жизни.

– Здоровая диета, – бодрится мама. – Вероятно, нам всем следовало бы на такую перейти, но, к сожалению, не разрешается: семья не вправе есть так, как ты.

– Будешь оправдывать все, что бы они ни сделали?

– Я лишь стараюсь увидеть и светлую сторону, Селестина.

– Какую еще светлую сторону, на хрен?

– Следи за языком, – говорит она, подтыкая мне подушки. Судя по голосу, ей совершенно все равно, выражайся я хоть последними словами.

– Кстати, а ругаться Заклейменным не запрещено?

– Насколько я понимаю, уж на это они имеют полное право, – парирует она, и мы улыбаемся друг другу.

– Наконец-то, – шепчет она, обводя пальцем овал моего лица. – Узнаю мою храбрую девочку.

Вблизи я лучше вижу ее лицо.

– Ты-то как, мама? Вид у тебя усталый, – ласково говорю я.

– Все в порядке. – Но ее маска дала трещину. – Записалась убрать мешки под глазами. – И мы обе смеемся. Впервые она вслух признала, что подправляет свою внешность.

– А где Джунипер?

– Сейчас ее дома нет. – Снова напряглась.

– Она как-то странно со мной обходится.

– Дорогая, она боится. Думает, что ты на нее сердишься.

Я вспоминаю, как Джунипер печально поглядывала на меня, как ласково переспрашивала, чем помочь, – а я в ответ рычала. Я бы предпочла вернуться к нашим прежним пикировкам. Пусть злится на меня – только бы не жалела. Но когда я думаю о том, что в автобусе она не пришла мне на помощь и в суд не явилась поддержать, я не чувствую

ничего, кроме гнева, тут мама угадала. Неправильно с моей стороны, и все же что-то во мне так и полыхает.

– На Арта не сердишься? – спрашивает мама. Понятно, к чему она клонит: почему я обиделась на родную сестру, а на него нет? Вообще-то в глубине души я и об этом думаю: неужели он не мог сильнее постараться и все-таки спасти меня? Не мог договориться с отцом? Но я понимаю его. Ведь я и сама полностью доверяла судье Кревану, вот и Арт не ожидал, что отец так со мной обойдется.

– Как ты думаешь, он придет ко мне?

Мама сжимает губы, медлит – я понимаю, это отрицательный ответ.

– Уверена, ему нужно время обо всем этом подумать. Причем подальше от своего отца, – говорит она, и глаза ее полыхают гневом. – И все же, Селестина, – осторожно подбирает она слова, – не стоит надеяться, что он...

– Не надо, – обрываю я. – Это и так понятно.

Конечно, разумнее было бы не надеяться. Принять как факт, что Арт никогда не вернется ко мне. Это понятно. И все-таки я продолжаю надеяться, что снова все будет как прежде.

– Я понимаю, что ты не готова об этом говорить, но мы хотим обратиться к мистеру Берри в связи с дополнительным Клеймом.

– Нет, – перебиваю я, не давая ей закончить.

– Послушай, Селестина, этого ведь не было в приговоре. Это неслыханное безобразие. Мы должны обсудить с ним, что можно сделать...

– И что можно сделать? – сердито спорю я. – Они уберут это Клеймо? Креван передо мной извинится? Нет. Слыхано или не слыхано, однако это случилось. Креван так захотел, он творит что ему заблагорассудится и может сделать со мной что-нибудь похуже. Пожалуйста, не надо ничего делать.

Она поджала губы и кивнула.

– Я понимаю, Селестина. Твой папа – он хочет защитить тебя. Он готов бороться, биться за твои интересы. – Она мягко улыбнулась, ей мила его отвага. – Но я согласна: лучше нам помалкивать. Если мы обратимся к мистеру Берри, привлечем нежелательное внимание. Не знаю, известно ли ему о шестом Клейме или нет, но в твоём деле написано «пять», власти нас не извещали и не вносили изменений, в новостях ничего нет. Говорят только о пяти. Никто из журналистов не знает или, во всяком случае, не упоминает о шестом.

Пока. Это произнесенное слово повисло в воздухе. Почему-то я

чувствую облегчение. У меня и так больше Клейм, чем у кого-либо за всю историю, но пока еще не стало известно о дополнительном, унижительном Клейме. Вот уж не думала, что наступит момент, когда я была бы рада отделаться пятью.

Мистер Берри знает о шестом Клейме, все произошло на его глазах. Сказать об этом маме? Нет, не стоит. Не хочу вспоминать о том, что случилось в камере Клеймения. Хочу забыть обо всем. Хочу, но не могу. И Кэррик тоже знает.

Я словно вижу его ладонь, распластанную на стекле, слышу его голос: «Я тебя найду».

Хотела бы я, чтобы он нашел меня теперь, такую? Не уверена.

Я закрываю глаза, уплываю в сон.

День пятый

Мне снился кошмар. Джунипер сидела в моей комнате, на стуле, возле постели, молча смотрела на меня. Глаза наши встретились, и она улыбнулась – то была скверная, самодовольная улыбка. Я проснулась вся в поту, даже простыни намокли. Меня подташнивало. Я огляделась – Джунипер нет. В доме тихо. Полночь. Но я была уверена: кто-то побывал в моей комнате. Я почувствовала чужое присутствие. Я встала, тихонько приоткрыла дверь, прошла по коридору, прихрамывая, перенося вес с обожженной ноги. Прислушалась у двери Джунипер. Глухо. Медленно, осторожно я толкнула дверь. Хотела увидеть ее там, спящей. Но ее постель была пуста, она даже не ложилась спать в ту ночь.

День шестой

Первое знакомство с Мэри Мэй. Я думала, это устрашающая громада, а она больше смахивает на Мэри Поппинс. Я и раньше встречала женщин в таком наряде, но не знала, кто они и чем занимаются. Одевается она словно няня в старые времена: черное строгое платье с белой блузой под ним и черным галстуком. На галстук вышита красная буква «П». Черные чулки, черные башмаки. Поверх платья закутана в тяжелое черное пальто, застегнутое под горло, с высоким воротом и красными бархатными манжетами. Черная шляпа-цилиндр с красной тульей и опять же с «П» на лбу. Волосы аккуратно уложены, из-под шляпы высовывается пучок. Лицо строгое, ни грамма косметики. Возраст я угадываю с трудом, ей, наверное, за сорок или даже за пятьдесят – крошечная женщина-птичка. Столько слоев одежды, словно посреди зимы. И она тоже смотрит на меня, оглядывает с ног до головы, как я ее.

– Здравствуйте, – сказала я, не зная, следует ли подать ей руку. Судя по плотным черным кожаным перчаткам – ни в коем случае.

– Я – Мэри Мэй, твой надзиратель на ближайшее будущее. Тебе известны правила или нужно их разобрать?

Я качаю головой.

– Вербальная коммуникация! – рявкает она.

– Нет, то есть да, – заикаюсь я. – Я понимаю правила.

Я нервничаю, боюсь ошибиться, боюсь новых наказаний. Понятия не имею, что тут хорошо, что плохо, как следует вести себя в новом мире. Правила я прочла, мне их растолковали, но реальность совсем другая. Вся моя семья собралась за столом и следит за этим разговором. В комнате сгущается напряжение. Нельзя допустить промах. С меня и так хватит.

Она довольна: сумела меня сбить. Я вижу искру улыбки в ее глазах.

Впервые после возвращения я сажусь за общий стол. Обычный семейный обед. Мэри Мэй устроилась в углу, не снимая ни шляпы, ни пальто, ни перчаток. Приятное общество – словно сама Смерть явилась к нам. Мама включила музыку: уж очень тихо было за столом. Джунипер уткнулась взглядом в тарелку, вскидывает на меня глаза, когда думает, будто я ее не вижу. Она боится, и это меня ужасно злит. А Эван таращится на меня во все глаза, как будто я могу этого не заметить.

– Что она ест? – спрашивает он, с отвращением косясь на еду в моей тарелке.

– Это каша, – говорит мама. – Тыквенные семечки. И лосось.

– Похоже на собачий корм.

Да и пахнет как собачий корм.

Остальные едят курицу с рисом, курица на вид пересушена, а рис влажный и липкий. Неужели мама нарочно испортила еду? Она еще и капусту потушила, а я этот гарнир терпеть не могу. Старается, как может, облегчить мне вхождение в новую жизнь. Приготовила для всех самую простую еду, и все же мне бы хотелось есть то же, что и они. Не потому, что их тарелки выглядят аппетитнее, да я и не голодна, но потому, что было бы нормально есть вместе со всеми, а теперь мне это навеки запрещено. Я хочу то, чего мне нельзя. И вновь удивляюсь, откуда во мне это взялось. Я никогда не подвергала сомнению правила, я все соблюдала, я была на стороне закона, а теперь я по другую сторону, и все вызывает у меня сомнение и протест. Наверное, именно так проживала каждый свой день Джунипер. Я оглядываюсь на сестру: опустив голову, она возится с едой. И снова шевельнулось раздражение: чего не ест? Ведь ей-то можно. Обладает полным правом есть эту курицу и едва к ней прикоснулась. И тут

Джунипер поднимает глаза, улавливает гримасу на моем лице и снова отворачивается.

А Эван так и продолжает таращиться. То на перевязанную руку, то на примочку на виске, даже на мою грудь.

– Ма-ам, па-ап, – заныл он вдруг. – Чего она на меня смотрит?

– Заткнись, Эван! – шипит Джунипер.

– Она имеет полное право смотреть на тебя, – рычит папа. – Она – твоя сестра.

Эван молча жует, дуется.

– Ты можешь разговаривать со мной, Эван. Это не запрещено, – негромко говорю я, стараясь обращаться с ним поласковее. Мой маленький братик. Не хочу, чтобы он меня боялся.

Он дернулся, напуганный даже тем, что я с ним заговорила.

– Передай, пожалуйста, соль, – прошу я.

Соль стоит возле Эвана. Он замирает.

– Помогать запрещено. Ма-ам, па-ап, – снова ноет он, теперь уж вовсе запуганный. Оглядывается на Мэри Мэй – та сидит в углу комнаты, наблюдает, блокнот и карандаш наготове.

Сердце молотом грохочет в груди. Меня словно ударили со всей силы, воздух вышел из легких. Это из-за меня личико малыша искажено от испуга.

– Господи боже! – орет Джунипер, хватая соль и с грохотом ставя ее передо мной. – Передать соль – не значит помогать.

И все молча продолжают есть.

Я смотрю на них: едят механически, опустив головы, быстро суют еду в рот. А Джунипер и вовсе не ест. Да и никто из них не голоден, разве что Эван, и все-таки они подносят ко рту вилку за вилкой, и я понимаю: ради меня. И мне хочется, чтобы и Джунипер ела вместе со всеми, какое странное чувство, я готова силой впихнуть в нее эту курятину. И вдруг что-то лопается, я не могу больше терпеть эту злость, эту ненависть против собственной сестры. Она ни в чем не виновата, но почему-то я гневаюсь только на нее.

Встаю. Беру со стола тарелку, несу к помойному ведру, возле которого сидит Мэри Мэй. Нажимаю ногой педаль, крышка поднимается, и я швыряю туда тарелку вместе с содержимым. Тарелка с грохотом разбивается на дне. Мэри Мэй даже не шелохнулась. Я протягиваю ей палец для анализа. Покончим с этим, и я вернусь в постель. Она колет палец, промокает каплю крови полоской теста и помещает ее в прибор, надетый на ее руку словно часы. Прибор выдает результаты анализа

и скрипит: «Чисто».

Затем она надевает мне на палец устройство, похожее на оксиметр, – проводом оно соединяется с тем же датчиком у нее на руке – и задает вопрос:

– Селестина Норт, соблюдала ли ты сегодня все правила для Заклейменных?

– Да! – Сердце дико частит.

Я знаю, что ничего не нарушила, ну а вдруг этот прибор скажет, что нарушила? Вдруг они меня нарочно подставят? Надежны ли эти тесты? Как им доверять, ведь они все под управлением Трибунала: возьмут и скажут, что я лгу, даже если я говорю правду, – мое слово против слова судьи.

«Часы» снова скрипят «Чисто», и она снимает с меня прибор.

Не оглядываясь на родных – слишком я унижена и подавлена, – я бреду наверх. Мне бы поспать.

Но сон так и не пришел. Обезболивающие перестали действовать, я уже не так далеко от самой себя, не такая затуманенная, как хотелось бы. Слышно, как уходит Мэри Мэй, удостоверившись, что я не собираюсь нарушать комендантский час. Я сижу у окна и смотрю через дорогу на дом, где жил Арт. Огромный, внушительный дом, самый большой в нашем тупичке, пожалуй, настоящий особняк. Он замыкает переулок и смотрит на всех сверху вниз. Архитектор – родной брат Кревана, тот, кто владеет футбольным клубом, и они хотели, чтобы ключевые сотрудники их газет и телевидения поселились рядом. Держать нас под контролем. Как же я раньше не додумалась? Боб, папа, судья Креван – всегда вместе в День Земли, а мне это казалось так славно, по-соседски. Теперь-то я понимаю: власть и контроль. По ту сторону улицы все окна черны, дома никого нет. В последние дни вроде бы никто не входил и не выходил, кроме Хилари, их домработницы. Понятно, что Арт не может навеститься, тут полно журналистов и фотографов, а он прячется от своего отца, но вообще-то какая беда приключилась бы, если бы он пришел ко мне? Законом это не запрещено. Да, проявил бы неуважение к отцу, но они же и так в ссоре. Или хотя бы позвонил, написал, послал эсэмэску. Смог же он передать письмо в замок! Какой-то знак любви, памяти, заботы обо мне. Хоть какой-то. Любой.

Мне кажется, посещение Заклейменных не рассматривается как помощь, хотя одно его прикосновение было бы для меня не то что помощью – спасением. Конечно, вслух я готова твердить, что у нас с Артом нет и не может быть будущего, но в глубине души все еще таится надежда.

Все у нас получится, просто он должен порвать с отцом раз и навсегда, и мы с ним вдвоем сможем противостоять всему миру, если понадобится.

Я прокручиваю записную книжку до его имени и нажимаю кнопку мобильного телефона. Знаю, что сейчас будет: то же, что и во все прошлые разы с первого дня, когда я вернулась домой. Включится автоответчик. Но по крайней мере я послушаю его голос – веселый, с нотками смеха, я увижу его фотографию, дерзкий и бойкий взгляд, – а потом положу трубку.

Снизу доносятся голоса: Эвану еще раз строго объясняют все правила.

Я притворяюсь, будто уснула. Мама и папа зашли поцеловать меня на ночь. Потом ушли к себе. Тихие голоса в их спальне. Дальше – тишина.

А потом – то самое, чего я дожидаясь. Джунипер потихоньку крадется вон из дома.

Я стою голышом перед зеркалом, сняв повязки. Ужасно, смотреть на себя не могу. Слезы так и текут при виде этих шрамов. Они завладели моим телом, теперь я принадлежу им. Вырвать бы эти Клейма из своей кожи. Я отворачиваюсь от зеркала. Никогда больше не стану на себя смотреть. Никому не покажусь обнаженной. Ни друзьям. Ни мужчине. Никому.

К школе все относится по-разному. Джунипер всегда нервничает из-за школы. Это я помню. Она думает о школе с той минуты, как ложится вечером в постель, и до той минуты, когда возвращается из школы домой. Ей не по себе, ее все стесняет, она не знает, как себя вести, ей не терпится покончить со школой и заняться тем, что для нее намного важнее. Все беспокоит ее: домашнее задание, страх ответить неправильно, экзамены, как одеться. Тревожится она не потому, что ленива, не старается или глупа – нет, она умная, она все время трудится, только и говорит, что об учебе, или занята учебой, она без конца примеряет одежды, выкладывает их на кровать, передумывает, начинает сначала. У нее есть одна близкая подруга, они, словно приклеившись, ходят вместе по коридорам школы, голова к голове, самодостаточны, и больше никто им не нужен, никого не подпустят, обе хотят поскорее закончить школу, разделаться с этим.

А для меня школа – мой мир. Мне нравится ходить в школу. Там я чувствую себя вполне довольной и спокойной. Охотно жду следующего дня. Школа меня вовсе не пугает. Занимаюсь много, но не до стресса, не до срыва. Учителя хорошо ко мне относятся, как и я к ним. Никому не доставляю хлопот и огорчений. Друзей у меня – большая компания. Нас шестеро, три девочки и трое парней, в том числе мы с Артом и Марлена, которая свидетельствовала в мою пользу на суде. Нам вместе весело. Мы не ботаны и не придурки. Может быть, нас в школе будут вспоминать, а может быть, и нет. Мы просто такие, какие есть.

Но впервые в жизни я чувствую то, что Джунипер переживала каждое утро: долго, мучительно соображаю, что надеть. Каждая вещичка в моем гардеробе – символ беззаботности, ее купила и носила девчонка, легко сливавшаяся с классом, такая, как все, ей нечего было скрывать. Я – совсем другой человек.

Кручу так и эдак три костюма, которые сложила для меня мама. Ни в одном из них не спрячешься.

Согласно правилам, выходя из дома я не имею права прикрывать висок и ладонь. Клейма должны быть на виду. Подошву же в любом случае не видно. Однако дома я теперь подбираю наряд очень тщательно. Правый висок удастся закрыть косичками, под длинным рукавом спрятать Клеймо на правой ладони, в вырезе не должен виднеться шрам на груди. Подошву и спину никто не увидит, пока я не разденусь на пляже или в школьном бассейне, вот только в босоножках не прогуляешься. Я составила список, какие места мне хотелось бы спрятать. Я преисполнилась ненависти к своему телу.

Прохожу по коридору к комнате Джунипер.

Стучусь в ее дверь.

– Входи! – удивленно отзывается она. Вид у нее изнуренный, куда ж это она ходит по ночам? Но в последнее время между нами черная кошка пробежала, я даже не решаюсь задать сестре такой вопрос. Да и стоит ли? Все равно солжет.

– Нет ли для меня какой-нибудь одежды? – прошу я, все еще чувствуя, как язык с трудом помещается во рту. И слова я выговариваю, наверное, как моя подружка Лайза после того, как проткнула себе язык сережкой. Но все-таки речь стала намного отчетливее, чем неделю назад, тогда я едва могла шевельнуть языком.

– Что-то из моего? – недоумевает она.

– У меня нет ничего подходящего.

– А! Ладно. Хорошо. Ну, ты же заходи. – Она шире открывает дверь, а там словно бомба взорвалась – всюду разбросаны ее одежды. – Я тоже никак не могу выбрать.

Мне хочется прикрикнуть на нее – мне бы ее проблемы, – но я молчу. Проглатываю слова, которые вертятся на языке. Обшариваю взглядом этот хаос. Я знаю, что мне нужно, и сразу же это нахожу.

– Спасибо, – говорю я, задом выбираясь из комнаты.

– Уверена? – спрашивает она, присматриваясь. – У меня есть другое, что тебе может больше понравиться.

– Нет, в самый раз, спасибо.

Я возвращаюсь в комнату, меряю позаимствованное. Снова смотрю в зеркало и плачу. Черный хлопковый верх с длинными рукавами, высоким воротом. Черные джинсы в обтяжку. Черные бутсы. Вылитая Джунипер.

Но это еще не все.

На правую руку – повязку с красной буквой «П». Один конец липкий,

чтобы прочно закреплять повязку на одежде. Она должна прилегать к телу.
Как вторая кожа.

В кабинете директора Гамильтона жалюзи опущены: поблизости у входа в среднюю школу имени Грейс О'Мэлли^[1] окопались журналисты. Кто-то из сотрудников слил информацию: сегодня мой первый день в школе. Они тыкали камерами в затонированные окна папиного джипа с такой силой, что я боялась, стекла побьют. Джип еле полз, папа едва различал дорогу, а я сидела в машине, испуганная до обморока, чуть ли не задыхаясь от клаустрофобии: все эти взгляды, и каждый мой жест, даже если просто сижу в машине и ничего не делаю, подхватят, изучат, прокомментируют. Джунипер смотрела прямо перед собой, не дрогнула, не поморщилась, как будто и не видела ничего. Похоже, и директору Гамильтону тоже изрядно жизнь отравили. На лице у него проступила сыпь, спускается по тощей шее за воротник. И сосуды на носу-картошке полопались.

Никогда прежде я не имела случая беседовать с директором Гамильтоном, никогда не давала повода вызывать меня к нему в кабинет, но сегодня в мою честь созвали целое собрание. Тут и учительница математики мисс Докери, и преподаватель обществознания мистер Браун. Мисс Докери мимолетно улыбнулась мне, когда я вошла и села, мистер Браун даже не оглянулся. Меня так и подмывает наброситься на них, завопить диким, нечеловеческим голосом, притвориться, будто я могу напустить на всех проклятие Заклейменных. Вот бы они перепугались.

Мистер Гамильтон, совершенно затравленный, пытается открыть собрание, а телефон у него все звонит и звонит.

– Сьюзен, я же просил пока не пропускать звонки. – Молчит, слушает. – Нет, я не собираюсь проводить пресс-конференцию. Нет. Мы это уже обсуждали с родительским комитетом и с попечителями. – Тяжелый вздох. – Нет, и заявления для журналистов я делать не буду. – Отключил телефон.

– Мистер Гамильтон, – приступает к делу отец, – я понимаю, как вам сейчас нелегко. Нам всем непросто, и мы все хотели бы избежать лишних неприятностей. В школе, насколько я понимаю, есть другой вход, Селестина могла бы им пользоваться. Приходить в школу и уходить, не подвергаясь такому обращению, как сегодня. Это ведь не замок Хайленд, приговор уже произнесен, и с ней не должны так обращаться в ее родной школе.

– Да, мистер Норт, лично я с вами согласен...

Мистер Браун готов поспорить, но директор взглядом велит ему умолкнуть.

– Я придерживаюсь мнения, что ко всем ученикам следует относиться одинаково. Философия равенства – я старался внушить ее всем учителям.

Мистер Браун вновь возражает, но ему никто не давал слова.

– Об этом мы еще поговорим, – обрывает его мистер Гамильтон. – Что касается отдельного входа, я и сам об этом думал, однако я получил предписание от... – Он поворачивает конверт и читает надпись, – от Мэри Мэй, стража, которая ставит меня в известность, как я могу поступать и чего делать не могу в своей собственной школе. – Похоже, его это не порадовало. – К сожалению, предоставление Селестине отдельного входа, который облегчил бы ей доступ в школу и из школы, будет рассматривается как помощь Заклейменной.

– Да она же ваша ученица, черт побери! – Папа яростно стучит кулаком по столу.

Мистер Гамильтон дает ему время успокоиться.

– Совершенно верно. К сожалению, я получил такие инструкции, и я не могу подвергать коллег и школу еще большим неприятностям.

– Мы не сможем каждый день привозить Селестину в школу и забирать ее, – уже мягче говорит папа. – И что же ей делать? Самостоятельно ездить в автобусе она не может. Если поедет на велосипеде – окажется у всех на виду. Водительских прав она пока не получила. Мне страшно отпускать ее одну, эти фотографии налетают так, что могут подвергнуть ее опасности. Ситуация требует особых мер. Речь идет об опасности для жизни.

Ничего нового в этом нет, и все же папа словно бы подтверждает реальность моих тайных страхов.

– Поверьте, я понимаю. – Директор с тревогой оглянулся на меня. – Может быть, нам лучше обсудить это потом, когда Селестина уйдет на урок?

– Я хочу остаться, речь идет обо мне, – упираюсь я. На самом деле, я вовсе *не* хочу, но я вынуждена выслушать все до конца.

– Прекрасно. Итак, я хотел обсудить вариант домашнего обучения.

– То есть как? – возмущенно переспрашивает отец.

– До выпускных экзаменов осталось несколько месяцев. Это недолго. По оценкам она у нас одна из лучших, не хотелось бы, чтобы ее результаты в итоге снизились. Мы все это подробно обсудили с родительским комитетом. Некоторые – не все, но некоторые – обеспокоены репутацией школы. Присутствие в классе Заклейменной может негативно сказаться

на репутации школы.

– Вы не можете на этом основании дискриминировать мою дочь. Она имеет право учиться здесь.

– Разумеется. Но число заявок на сентябрь уже снизилось после этого... этого события. Родители встревожены. Ученики тоже беспокоятся: если будет замарано доброе имя школы, у них будут проблемы с поступлением в университет, потом с работой. Я просто передаю вам то, о чем шла речь на собрании, – поспешно добавляет он, видя, что отец вот-вот взорвется. – Я обязан позаботиться о репутации школы.

– Лучше бы позаботились о том, чтобы воспитать из учеников приличных людей!

– Основная проблема: группа преподавателей, которую представляет мистер Браун, заявила, что не желает учить Селестину. Это их решение, и оно не совпадает с моим, но я должен считаться со своими коллегами и представить вам факты как есть, – мрачно продолжает он. – Уверен, вы сами признаете: домашнее обучение – лучше, чем исключение из школы.

Вот тут мне поплохело, и я почему-то снова вспомнила о Кэррике – всякий раз думаю о нем, сталкиваясь с очередными проблемами жизни Заклейменной. Хотелось бы знать, как он. Не пойму: если о нем не сообщают в новостях – это хороший знак или дурной?

– Мисс Докери, преподаватель математики, любезно согласилась заниматься с Селестиной на дому.

Она резко выпрямляется, когда внимание переключается на нее. Я смотрю на свою учительницу, недоумеваю: это доброе дело или злое? Она хочет помочь мне или же старается не допустить меня в свой класс? Слезы колют глаза. Я сползаю все ниже, ниже. Всякий раз, когда кажется, будто я достигла дна, распахивается новый провал.

– Мне кажется, вам следует обдумать преимущества домашнего обучения, – говорит математичка. – Дома никто не отвлекает, она сосредоточится на подготовке к экзамену. Чем скорее она приступит к домашним занятиям, тем лучше для нее и для всех.

Собрание перерастает в ожесточенный спор, в итоге все остаются при своем мнении, и решено посмотреть, как будет разворачиваться ситуация. Мистер Браун со мной заниматься не будет, отказались и преподаватели французского и географии, так что пока мистер Гамильтон придумает, как их заменить, эти уроки мне предстоит проводить в библиотеке. В одном, по крайней мере, все заодно: через несколько дней интерес ко мне стихнет, журналисты разойдутся – странно, что до сих пор

этого не случилось. Такое впечатление, что эту историю все еще активно обсуждают, находя все новые аспекты. Я понятия не имею, что обо мне говорят и пишут: я за прессой и телевидением не слежу, а родители ничего не рассказывают, не пускают этот ажиотаж за порог. Дом превратился в безопасный кокон, где я проживаю свое новое бытие день изо дня, и нам нет дела до других людей. Это необходимо: только так я сумею сжиться с новым существованием, а уж потом выслушаю превратные версии, которые носятся в мире. Но прошли две недели, а слухи все еще не затихли, и мне уже любопытно, что же такое обо мне говорят.

Из-за этого затянувшегося собрания я опоздала на английский. Когда я вошла в класс, все головы повернулись в мою сторону. Одноклассники таращатся, как будто впервые меня видят. Место Арта рядом с моим пустует, он так и не выглянул из своего убежища, где бы он там ни прятался. Слезы подступают к глазам, я поспешно их смахиваю, чувствуя на себе взгляды со всех сторон. На этом уроке я сидела одна и на всех следующих – тоже. Марлена отвела меня в сторону – убедившись сначала, что никто не заметит, как она общается со мной, – и принялась слезливо жаловаться, как я ее подвела, она за меня головой ручалась, а я – предательница. Во что превратилась ее жизнь с того дня, как она выступила свидетельницей защиты, это просто невыносимо, все присматриваются к ней с подозрением, словно она пыталась помочь Заклейменным. Однажды за ней целый день ходил по пятам фотограф. Ей за себя страшно и хотелось бы надеяться, что беда не стряется с ней оттого лишь, что она попыталась дать мне положительную характеристику. Я старалась утешить ее как могла – ей ведь тоже несладко. На том мы расстались, понимая, что впредь она будет держаться от меня подальше. Она так и не спросила, каково приходится мне.

Следующий урок – биология, учительница не желает меня видеть. Только я села за парту, она зыркнула на меня и вышла из класса, а вернулась лишь десять минут спустя с мистером Брауном и директором Гамильтоном, у которого был окончательно затравленный вид. Директор попросил меня выйти с ним в коридор.

– Селестина, – заговорил он, вытирая пухлые потные руки о полы пиджака. – На этом уроке у тебя будет физкультура. – Он посмотрел мне прямо в глаза и добавил: – Извини.

Знал бы он, как много значат для меня его извинения!

– Я думала, я проведу этот урок в библиотеке.

– Следующий. Я не могу разрешить тебе сидеть в библиотеке весь день.

Вот оно что. Учителя мрут как мухи.

Слезы подступили к глазам.

– У меня и формы с собой нет.

– Возьмешь казенную. Нечего на меня так смотреть, хоть ребята между собой и сплетничают, на самом деле форму регулярно отдают в чистку. Скажи Сьюзен, чтобы выдала тебе ключ от шкафчика.

Урок физкультуры состоит из 20 минут плавания и 20 минут в спортзале. В купальник я облачаться не собиралась: своего нет, а школьный – лучше умереть. И не потому, что мне его уродский фасон не нравится, а потому что в новом своем существовании я не хочу выставлять на обозрение свои шрамы. И мочить их тоже нельзя. Прошло всего две недели, они хорошо заживают, но я не стану плюхаться ни в горячую, ни в холодную воду. Честно говоря, вода, скорее всего, не причинит мне боль, да я бы и стерпела, просто не хочу, чтобы меня разглядывали. Пока что мое новое тело видели только те, кто его заклеил, мои родные и Кэррик. Больше я никому не позволю на меня глазеть. Не знаю, как будет с Артом. Смогу ли я когда-нибудь допустить, чтобы он увидел меня, дотронулся?

Вслед за другими ребятами я выхожу к бассейну. Они все переоделись, мальчишки и девчонки хихикают друг над другом, обычное дело, когда школьники видят друг друга почти голыми. Я собираюсь устроиться на бортике и подождать до конца занятия.

– Селестина, в чем дело? – рявкнул наш тренер мистер Фаррел.

– Я сегодня не могу плавать, сэр.

– Почему? – Он направился ко мне, многочисленные свистки сверкают на груди, словно он один из стражей. Ребята пересмеиваются.

– Шрамы, сэр. Их нельзя мочить, – понизив голос, поясняю я.

Тут он сообразил, кто я, вернее – кто я такая, и отшатнулся.

– Тогда пусть принесет справку от врача, – выкрикивает одна из девиц, Наташа. – Если справки нет, пусть ныряет!

И она якобы невинно улыбается парню рядом. Логан. Мы с ним в одном классе по химии, но ни разу даже словом не обменялись.

– Справка от врача есть?

– Нет, сэр.

– Раз нет справки, переодевайся и в воду.

– Я не знала, что сегодня будет физкультура. По расписанию у меня биология.

– Так почему ты не на уроке?

– Потому что мисс Барнс выгнала меня из своего класса.

- И я выгоню, если ты сейчас не пойдешь плавать.
- Но я не могу, сэр.
- Душ принимаешь?
- Да.
- Значит, и плавать можешь. Вперед.

Так, не прошло и полдня после того, как я обещала директору Гамильтону не причинять дальнейших неприятностей, и я снова оказалась в его кабинете. Доктор Смит прислал по электронной почте медицинское заключение: хлорированная вода бассейна вредна для шрамов, однако слишком поздно, все плохое уже стряслось.

У меня поджилки тряслись, когда я к ланчу явилась в столовую. Болтовня смолкла, опять все головы повернулись в мою сторону, все смотрят, все судят. Колин, дочь Ангелины Тиндер, сидела одна, я собрала с духом и подошла к ней. Остановилась у ее столика, но она так и не глянула на меня. Знаю, каково это: ждешь, пока опять кто-нибудь скажет или сделает что-то, отчего твое сердце вновь разобьется, стараешься хотя бы не смотреть, не видеть заранее, как с тобой это проделают.

– Привет, – сказала я.

Она посмотрела на меня с удивлением.

– Как мама? – выговорила я.

Она прищурила глаза, потом вдруг расхохоталась.

– Ого!

– Что – ого?

– Ты совсем отчаялась? А что же тогда, две недели назад? Тогда ты меня не спрашивала, как мама. Тогда ты со мной и поздороваться не желала, эгоистка!

Куда подевалась тихая, застенчивая Колин? Передо мной злобная, мстительная, взрослая женщина. Я не узнаю девочку, с которой мы вместе из года в год отмечали День Земли и какие-то семейные праздники, счастливые, беззаботные, и в страшном сне не видели, во что превратится наша жизнь. И она справедливо обличает меня: в тот день, после ареста ее мамы, я не решилась поздороваться. Побоялась. А потом взяла и сделала худшую ошибку в своей жизни. Я заслужила такую отповедь от нее.

Несколько ребят подошли к столу и сели рядом с Колин. Логан – тот парень из бассейна, он, что редкость, смотрел на меня приветливо. Наташа и еще один парень, Гэвин.

– Она к тебе лезет, Колин? – спросила Наташа.

Колин сперва запнулась, потом нагло глянула на меня, и я поспешила

отойти: только бурной сцены мне тут не доставало, за соседними столиками уже смолкли, выжидая.

– Надо бы завести специальный стол для Заклейменных, – громко заявила Наташа, сверкая лукавыми темными глазами.

Опустив голову, я выбралась из столовой. Глаза горели, но, как и там, в камере Клеймения, я хотела скрыть от всех свои слезы.

После второго столь же ужасного дня в школе я вернулась домой и застала маму, одетую с ног до головы как само совершенство, сияющие здоровьем светлые волосы свободными прядями разметались по плечам, на лице любезнейшая улыбка. Пахло пирогом или другим каким печевом. Мама точно сошла с портрета идеальной домохозяйки 1950-х, и я сразу поняла: что-то стряслось. Спрашивать, как прошел день, она не стала, и на том спасибо, не то бы я сразу расплакалась.

– Пиа Ванг хочет поговорить с тобой, – предупредила мама.

Джунипер удивленно поглядела на нас обеих, потом сообразила, что разговор будет приватным и, разобидевшись, зашагала наверх, а войдя в свою комнату, на весь дом грохнула дверь. Клейма, как ни странно, сблизил меня с родителями, у нас появилось множество поводов для разговоров только вдвоем, и я понимаю: сестра словно исключена из семейной жизни и негодует.

– Она здесь? Дома? – прошептала я, оглядываясь по сторонам в поисках Пиа.

Мама торопливо кивнула и, отведя меня в сторону, шепнула:

– Она в библиотеке.

– Явилась вот так, без приглашения?

– Да. Вернее, не совсем. Она каждый день звонила, хотела взять интервью, но я откладывала изо дня в день, говорила, что тебе надо... поправиться. А теперь, раз ты снова ходишь в школу, я не могу больше ей отказывать.

– Я не хочу говорить с ней, – прошипела я.

– Это приказ Трибунала, – тихо предупредила мама. – По-видимому, это часть наказания. Каждый Заклейменный обязан после суда дать интервью Пиа, если она того потребует. А если бы я ее непустила...

– Тебя бы осудили за помощь Заклейменной.

– Ты моя дочь! – чуть не плача, вскрикнула она.

– Ладно, мама. Ничего. Я с ней поговорю.

– А что ты ей скажешь? – занервничала она. – Надо бы позвонить мистеру Берри.

– Мне его наставления не требуются. Он велит мне лгать, а я не стану.

Всем весом опираться на заклеянную ногу все еще было больновато, но перед Пиа я хромать не желала. Она ждала меня

в библиотеке. Набрав в грудь побольше воздуха, я вошла в комнату. Сказала маме, что вполне справляюсь и сама. Я предпочитала говорить с Пиа наедине, а не поглядывать все время на маму, гадая, правильно ли я говорю. Все равно я не собиралась сказать ничего особенного. Односложные ответы – и точка, пусть лезет вон из кожи, сочиняя интервью с Заклейменной.

В натуре Пиа оказалась еще миниатюрнее, чем на экране телевизора. Крошечная куколка, легкий ветерок с ног сшибет. Но я знала, что это не так, с ней и урагану не справиться. Кожа нежная, словно кожица персика, одежда тонкая, изысканная, шелковая блузка цвета слоновой кости, нашиты изящные цветы из органзы, прямая кружевная юбка. От нее даже пахнет персиками, вся такая тонная и прекрасная, а взгляд – жесткий. Нет, не холодный, но настороже. Все видит, ко всему готова. Не глаза, а усиленный объектив видеокамеры.

– Пиа Ванг, – вежливо представилась она, протягивая руку.

Я помедлила, не зная, как поступить. Бинт с обожженной руки уже сняли, в школе я не имею права заматывать ее даже тонкой марлей, а то решат, что я прячу Клеймо. Но пока никто не пожимал мне руку. И я не могу поднять свою безжизненно повисшую кисть. Пиа бросила взгляд на мою руку и улыбнулась.

– А, ну да, – пробормотала она и опустила руку. Спорю на что угодно: она прекрасно соображала, что к чему.

Я и раньше ей не доверяла, а теперь и вовсе. Если она таким способом пыталась поставить меня на место, обломать – зря старалась. Сама же и обломается, я ей с репортажем помогать не стану.

– Рада встрече, – сказала она. – Устроимся здесь?

Два кресла стояли у высокого окна с видом на очаровательный маленький сад: когда маме кажется, будто она потребила за день слишком много калорий, она выходит покопаться в клумбе. Но сейчас жалюзи плотно закрыты, охраняя наш покой.

Пиа жестом указывает мне кресло, как будто это я у нее в гостях.

– Я давно уже добиваюсь этой встречи, – с широкой усмешкой говорит она. – Ты у нас сенсация, Селестина. Семнадцатилетняя подружка – бывшая – Арта Кревана получила пять Клейм. Превзошла всех Заклейменных в истории Трибунала. Интервью с тобой станет главной моей передачей в этом году.

– Замечательно, что моя биография кажется вам настолько увлекательной.

Ее улыбка слегка подувала.

– Очевидно, так кажется не только мне. – Она подразумевает корреспондентов у нас под окном. – Как тебе известно, по правилам Трибунала я имею доступ к любому Заклейменному. Интервью будет показано по телевидению, в интернет-новостях, опубликовано в журналах.

– Во всех принадлежащих Кревану СМИ.

После небольшой паузы она кивнула:

– Да. И я предлагаю начать с интервью, а потом мы сделаем кое-что новенькое: телесериал. Мы будем следовать за тобой по пятам, брать у тебя интервью и снимать, как ты живешь теперь.

– Реалити-шоу?

– Можно сказать и так, но я предпочла бы назвать это документальным сериалом.

– Потому что вы такая крутая журналистка и тэ дэ.

Опять небольшая пауза, она переваривает нанесенное оскорбление:

– Мне интересны люди. Разные. Хочу понять, что ими движет. И вот с тобой... – Она окинула меня быстрым взглядом, – с тобой я никак не могу разобраться. Я бы хотела понять.

– Но я не хочу, чтобы за мной ходил по пятам оператор. Мой отец работает на телевидении, я отлично знаю: вы сможете сделать из меня все, что вздумается. Если я обязана дать интервью для газеты, берите, но на том и остановимся.

Она явно разочарована, однако заставить меня не в ее власти.

– Хорошо, но это будет не один разговор, а несколько. Я собираюсь докопаться до сути, Селестина. Хочу знать тебя как можно ближе, хочу понять тебя по-настоящему.

Я невольно рассмеялась.

– Я тебя повеселила?

– Вы работаете на Кревана. Я что, дура – верить, будто вы хотите меня понять? Что вы обо мне хоть одним добрым словом отзоветесь? Да вы напечатаете в статье то, что вам нужно, а не что я вам скажу.

– Ты – интересный случай, Селестина.

– Я человек, а не случай.

– Отличница, принята в семье судьи Кревана, во всех отношениях идеал. Как с тобой такое могло случиться? Люди ждут подробностей.

– Со мной «такое случилось», с Ангелиной Тиндер «случилось». Занятно, правда? Двое Заклейменных на одной улице с разницей в день. Вот так совпадение.

Что-то мелькнуло в ее глазах. Что-то, чего я раньше не видела. Как будто сомнение, но потом она возобновила привычную игру.

– Эвтаназия в нашем обществе не одобряется, – напоминает она, отстаивая тем самым приговор, вынесенный Трибуналом Ангелине Тиндер.

– И сочувствие не одобряется. Я помогла больному старику сесть.

Ох ты! Сама подсказала ей заголовок. Вижу, она счастлива.

– Ну конечно же, Селестина, – заворковала она, подаваясь ближе ко мне, – именно такие высказывания и привлекают внимание публики. Ты так своеобразно формулируешь, а ведь еще и школу не закончила.

– Я вовсе не пытаюсь что-то из себя строить.

На миг она смутилась, потом оглянулась по сторонам, и тон ее вдруг сменился, как будто она собиралась сказать что-то недозволенное. Я тоже напряглась, пытаюсь разгадать ее приемчики.

– Эниа Слипвелл присутствовала на суде. Ни одного дня не пропустила.

Я жду продолжения. Понятия не имею, о чем она толкует.

– Ты же знаешь, кто это, – снисходительно добавляет Пиа.

– Нет, – вздыхаю я. Я и правда понятия не имею. Та старуха, которая в меня плюнула? Или молодая женщина – она швырнула в меня капустный кочан? Или та леди в третьем ряду, которая сжевала целую пачку конфет, пока мне выносили приговор?

Пиа хмурится:

– О ней сейчас все время говорят в новостях, а ты ничего не слышала?

– Я больше не смотрю телевизор.

– Трудно поверить, когда там только о тебе и речь.

– Так зачем же мне-то смотреть? Я и так про себя все знаю.

Она слегка улыбнулась.

– Родители ничего не обсуждают с тобой? Что происходит, о чем сейчас говорят?

– Мне все равно, что обо мне говорят. Я не хочу это знать. Все равно не могу тут ничего ни поправить, ни изменить.

Снова этот растерянный взгляд, потом она смотрит на дверь, словно проверяя, надежно ли она закрыта.

– То есть ты в самом деле... ты ничего не знаешь? Эниа Слипвелл – это партия Жизни. Ты же знаешь о них. На последних выборах они получили довольно много мест в парламенте. Быстро растущая партия оппозиции.

Я качаю головой:

– Политикой я не интересуюсь. Мне семнадцать лет, никто из моих друзей этим себе голову не забивает. Мы же еще даже не участвуем в голосовании.

Она удивленно таращится на меня, так, словно бы ушам своим поверить не может, все пытается меня разгадать.

– Что ж, зато политика заинтересовалась тобой, Селестина.

Я оглянулась через плечо – просто чтобы подразнить интервьюершу. Вместо односложных ответов я теперь пустила в ход сарказм, и это, пожалуй, веселее.

– Значит, ты не сотрудничаешь с Эниа Слипвелл? Ты с ней не встречалась? Раньше, до этого инцидента в автобусе?

– Что? Нет! – отвечаю я.

– Кое-кто думает, что ты возомнила себя героиней, – продолжает она. – Что ты все еще геройствуешь, считаешь себя выше прочих. Думаешь, что твой поступок был бескорыстным и потому ты не такая, как другие Заклейменные, особенная. И я тоже считаю, что ты хотела выделиться, отличаться, тебе наскучило быть среднестатистической нормальной девочкой, занудой отличницей, покорной всем правилам.

Я кусаю губы, чтобы не рывкнуть в ответ, ведь она только этого и добивается.

– Ты считаешь себя героиней, Селестина?

Я тяжело вздохнула:

– Будь я героиней, старик остался бы жив. Никто и не вспоминает о том, что старик-то умер. Он умер, потому что никто во всем автобусе ему не помог. Я – героиня? Нет, я тоже ничего не смогла сделать.

Она хмурится, озадаченная:

– Но тебе удалось поднять эту проблему на общенациональном уровне. Теперь все обсуждают правило «Не помогать Заклейменному», и многие требуют, чтобы оно было отменено.

Вот неожиданность. А если правило отменят – то и я уже не буду Заклейменной? Как они отменят мои шрамы? Этого они сделать не смогут. Никогда.

Она глянула на часы, потом снова на меня:

– Когда мы сможем продолжить разговор?

Я пожимаю плечами:

– Каждый день примерно в это время я возвращаюсь из школы. Никаких планов у меня нет.

– У такой популярной девушки? Наверняка тебя повсюду приглашают. Я слышала, тебе предложили сниматься в рекламе.

– Парфюм Заклейменных?! – фыркнула я. – Кто станет его покупать, и мне-то это зачем? Вы так ничего во мне и не поняли, а туда же.

– Сегодня я хотела только познакомиться. Завтра подробнее

поговорим, – оживленно защебетала она, собирая свою сумку. – Раз ты не зануда старшеклассница, которой надоела обыденная жизнь, раз ты сделала это не ради того, чтобы привлечь к себе внимание, так расскажи мне все своими словами, чтобы я не выдумывала. – На этот раз она протянула мне левую руку, и я нехотя протянула в ответ ту руку, на которой не было Клейма.

Я так и осталась сидеть в кресле, все еще кипяťясь, перебирая в уме только что закончившийся разговор.

– Кстати, Клейм у меня вовсе не пять.

Она замерла в дверях, потом осторожно развернулась на персикового цвета каблуках:

– Ты о чем?

– Вы сказали, что у меня больше всего Клейм за всю историю Трибунала – пять. Но Креван поставил мне еще и шестое.

Я знаю, в СМИ ничего не было о шестом Клейме. Интересно почему. Я-то думала, Креван поспешит разгласить об этом всему свету. Но если он не хотел, чтобы даже Пиа об этом знала, он и опубликовать это ей не позволит. С одной стороны, меня устраивало, что Пиа ничего не знает, но в то же время я хотела дать ей понять, как мало ей известно, даже основных фактов обо мне она так и не собрала. Она попыталась сбить с меня спесь, как только я вошла в библиотеку, – ну что ж, а я собою с нее спесь на прощание. Креван лгал ей – ее крепкий маленький мирок пошатнется от этой мысли. Мне хотелось увидеть выражение ее лица, когда она поймет это. Просто ради собственного удовольствия хотелось.

– Что ты сказала? – переспросила она в ужасе, хладнокровие с нее как рукой сняло. – Он же сам произнес приговор: пять Клейм.

Я прикидывала в уме, продолжать свой рассказ или нет. Все равно рано или поздно это станет известно, так лучше от меня, из первых рук, и если даже Пиа это опубликует, я же ни словом не погрешила против истины и Кревану не в чем будет меня обвинить. Прислушиваясь к стуку своего сердца, я громко произнесла:

– Он пришел в камеру Клеймения. Требовал, чтобы я покалась. Я не стала. И тогда он приказал поставить шестое Клеймо. На спину, там, где крестец. Без анестезии. Сказал, что я порочна до мозга костей.

– Он... приказал? – Она почти задохлась. – Но это же не допускается... то есть такого не было...

Она понимает, что вступать в подробное обсуждение нельзя. Сомневаться в правильности действий судьи Кревана? Да еще перед Заклейменной? Пиа отнюдь не дура.

– Поговорите об этом с вашим другом Креваном. – И я ушла, а она так и осталась стоять в дверях, ошарашенная.

Впервые за всю неделю я улыбалась. При такой великой моей потере выигрыш не мог быть особенно значимым, но все же порой и мне удавалось победить, и нужно различать эти радости, когда они случаются, эти проблески света и надежды во тьме.

Вернувшись к себе в комнату, я застала там Мэри Мэй, она обыскивала прикроватную тумбочку. Я с недоумением огляделась: шкаф распахнут, одежда сорвана с плечиков и брошена на пол, на полках все перевернуто и так и оставлено в беспорядке, а надсмотрщица, сидя на моей постели, читала мой дневник – развернула у себя на коленях и листала страницы моих личных записей. Вот тут я чуть не заплакала. Я не вела записи с того дня, времени не было, а прежняя жизнь казалась теперь словно бы чужой, но все же это были мои мысли, пусть глупые, вздорные, незначительные, но когда я о них писала, они были мне дороги. Это была моя *тайна*, а она сидит тут и ворует мои секреты.

Я открыла рот, готовая протестовать, но она лишь подняла затянутую в перчатку руку, приказывая мне заткнуться, и перевернула очередную страницу. Наконец она захлопнула дневник и впилась в меня таким взглядом, словно видела насквозь.

– По правилам твое личное имущество подвергается регулярным обыскам – в любое время и без предупреждения. Если ты собираешься и впредь вести дневник и рассуждать о том, не слишком ли у тебя жирные бедра и будешь ли ты хороша в постели... – Она фыркнула, а я почувствовала, как вспыхнуло жаром мое лицо, – то будь добра передавать мне дневник на прочтение каждую пятницу. Это ясно?

Я сглотнула ком. Кивнула.

Она подхватила сувенирный шар с замком Хайленд – тоже из моей тумбочки – и хорошенько его встряхнула.

– Для освежения памяти? – снова фыркнула и небрежно сунула мне его в руки, выходя, красные блески посыпались на пол, словно капли крови. Слово предостережение.

Я бросилась к тумбочке, засунула шар поглубже в ящик. Век бы его не видать. Схватила дневник и принялась вырывать из него страницу за страницей, судорожно всхлипывая. Выдрала все до единой, весь пол был ими устлан.

В дверях появилась мама, с ужасом поглядела на меня.

– Она читала мой дневник! – только и могла я сказать.

Мама села рядом со мной на пол, поглядела на эти страницы, а потом

стала подбирать их и рвать в клочья, и лицо у нее было уже не такое спокойное, как обычно, на глазах слезы. Этот ее поступок значил для меня больше, чем любые слова. Я тоже взялась за дело, мы разрывали на мелкие кусочки исписанные моим почерком страницы, все эти восклицательные знаки, звездочки и сердечки вокруг имени Арта, все эти глупые заметки и слова, исходившие из самого сердца, и мои девичьи тревоги, и шутки, над которыми я хихикала, и мои глубоко личные мысли – все то, что прежде было моим, и только моим. Я тщательно проследила, чтобы каждое сердце было разорвано.

Ангелина Тиндер права: они хотят забраться к нам в голову. Но я их в свою голову больше не пущу.

Мы с Джунипер почти что не разговаривали.

Она чувствовала себя и виноватой, и обиженной. Я была зла и, должна признаться, не без удовольствия вымещала на сестре свою боль. Слишком много у меня оставалось времени на размышления, анализ, препарирование, и постоянно всплывал в памяти тот момент в автобусе, который я мысленно пыталась прожить иначе, словно таким образом могла повлиять и на последствия в реальности. Но каждый раз, когда я возвращалась в тот автобус, я вновь заставляла там Джунипер – ни во что не вмещающуюся. Джунипер, у которой обычно рот не закрывался, не нашла ни слова в мою защиту, не заступилась в автобусе, не свидетельствовала на суде, а главное, теперь у меня на глазах она продолжала жить нормальной жизнью, как хотела бы и я, – вот что всего больнее ранило.

Я видела, моя манера молчать сводила ее с ума. Беззвучно она кричала мне – я чувствовала, – что ни в чем не виновата. Твердила, что и так страдает от своей вины, зачем же ее усугублять. А я на безмолвный вопль отвечала молчанием. Ведь прежде я делала в точности то, что велели, я, а не она. Почему же она вдруг сделалась мной, а я – ею? Что за безумный поворот событий? Я надевала ее одежду, ко мне перешла ее неуверенность в себе, а она вдруг затаилась, прикусила язык – она, никогда не умевшая промолчать, – и украдкой покидает дом по ночам, с кем-то встречается, а я теперь из дома ни ногой. Моя вина, что все мы настолько изменились и так обходимся друг с другом, моя вина, однако и подавить в себе обиду я не могу.

Острее всего я тоскую по Арту, сердце мое разбито, он так мне нужен. Не понимаю, почему он не писал мне, почему не позвонил, почему не позвал. Если он вправду сбежал из дома, вырвался из-под отеческого надзора, то он свободен и может прийти ко мне. Уже начинает казаться, будто сам Арт решил держаться от меня подальше, а не отец ему это приказал. Вот что больнее всякого Клейма.

После столкновения с Колин я больше не заглядывала в школьную столовую. Сидела в библиотеке и читала книги, сворачивалась на бобовом пуфе в углу и пряталась в чужих тревогах и триумфах. Прежде на художественную литературу у меня не хватало времени. Меня притягивала реальность. Математика. Задачи и решения. То, что

действительно имело значение. Но теперь я поняла, почему люди читают книги, растворяясь в чужой жизни: порой я читала какую-нибудь строчку и вдруг резко распрямлялась, как подброшенная, ведь это было то самое, что я сама недавно пережила, да так и не выговорила. Мне хотелось как-то проникнуть на страницу и сказать этому персонажу, что я его понимаю, что он не одинок, это нормально, человек вправе переживать именно такие чувства. А потом звенел звонок, я закрывала книгу и возвращалась в реальный мир.

В тот день я слишком устала и не могла сосредоточиться на чтении – не выпалась ночью. Я сама будила себя, потому что сны все время превращались в кошмары из камеры Клеймения. В последнее время главным героем моих снов стал Кэррик, и я видела, как вместо меня в ту камеру ведут Кэррика, его прижигают каленым железом. Где-то он теперь? Он обещал разыскать меня. Когда? Я часто думала о нем, так часто, что вот он уже и в ночные кошмары проник. Поиск в интернете на «Кэррик Заклейменный» пока ничего не дал. Фамилии его я не знала. Вообще ничего не знала о нем: откуда он, что натворил. Я не знала, осудили его или нет, хотя подозревала, что и ему вынесен обвинительный приговор. Тревожилась, не накажут ли его и за то, что он ворвался ко мне в камеру Клеймения, и молилась, чтобы и у него нашелся такой утешитель, каким он сам был для меня. Я написала его имя в блокноте и принялась обводить красными чернилами снова и снова, так что буквы чуть ли не выпрыгивали со страницы. Это помогло мне сосредоточиться.

Вдруг в библиотеке послышался какой-то шум. Это Логан.

– Привет! – весело окликнул он меня. – Тебя-то мне и надо.

– Меня? – изумилась я.

Он подскочил вплотную и вручил мне конверт. Обычно он вполне уверен в себе, но тут вдруг застеснялся.

– Приглашение на мое восемнадцатилетие. В эту пятницу.

– Спасибо! – улыбнулась я, сердце так и подпрыгнуло.

– Все инструкции внутри. Придешь? – Он посмотрел мне прямо в глаза.

Я покрутила конверт в руках, что-то меня смущало, тревожило.

– Э... А почему?

– Что почему? – рассмеялся он.

– Почему ты меня пригласил?

– Весь класс приглашен. Не могли же мы тебя обойти.

– Не уверена, что ребята будут мне рады.

– Я буду рад, – решительно возразил он. – Так ты придешь?

– О'кей. То есть да, спасибо. – Я почувствовала, как по лицу расплывается улыбка, и не могла ее сдержать. Как только Логан вышел из библиотеки, я в восторге завизжала, затопала ногами. Глядишь, все не так уж и плохо. Глядишь, и наладится.

Снова какой-то звук в библиотеке.

– Логан! – окликнула я. – Это ты?

Я прошла до конца книжного ряда, свернула за стеллажи налево. Вдруг с другой стороны меня кто-то схватил и потащил за угол, в соседний проход. Я чуть не заорала, но тут увидела перед собой Арта.

– Тсс! – шепнул он, приложив палец к моим губам, и увлек меня в дальний конец библиотеки, за полки, в самый темный уголок.

Сердце громко стучало, я поверить не могла, что это происходит наяву. И дурацкая улыбка все еще не сошла с моего лица.

Мы стояли так близко, он вжимал меня в стеллаж. Парочка книг соскользнула с полки за моей спиной. У Арта усталый вид, волосы утратили блеск, какие-то неопрятные стали и уже не выются – не кудри, а патлы. Темные, черные круги под глазами, словно он которую неделю не спит, и лукавая усмешка покинула глаза, они потускнели. Я присматриваюсь к нему, а он ко мне. Изучает мой висок, тот, где Клеймо, морщится, словно чувствует мою боль, тянется пальцами к рубцу от ожога, но не прикасается к нему, пальцы замирают в сантиметре от виска, спускаются ниже, ласкают мое лицо, по щеке к губам, Арт смотрит на мой рот, смотрит пристально, и я понимаю: он пытается представить себе Клеймо на языке.

– Я все та же, – шепчу я.

– Я знаю, знаю, я только...

– Все хорошо.

Повисло молчание, внезапно я лишилась слов. Все это время мечтала поцеловать его, а теперь это почему-то кажется неправильным, все стало по-другому, он другой, и к тому же у меня столько вопросов, и в первую очередь – где, черт побери, он прятался все это время?

– Кто такой Логан? – опережает он меня с вопросом. – Ты его звала.

– Это просто – да не важно, никто. Арт, где же ты был?

– А это что? – Он смотрит на конверт, который я все еще верчу в руках, читает надпись.

– Логан Трилби? – жесткое, гневное выражение проступает на его лице.

– Он просто пригласил меня вместе со всеми, – тихо говорю я. – Как ты сюда попал?

Его лицо слегка прояснилось, но бодрость так и не вернулась к нему.

– Сколько раз меня тут усаживали за уроки, пришлось найти потайной ход.

– Я так за тебя беспокоилась. Не знала, что происходит. И сейчас не знаю, что происходит. Где ты прятался все это время? Почти три недели прошло.

– Этого я тебе сказать не могу.

– Почему не можешь?

Он огляделся по сторонам, словно параноик:

– Потому что тебя спросят, а я не хочу, чтобы ты лгала, снова нажила себе неприятности.

– Еще большие, чем сейчас?

Но никто из нас не засмеялся.

– Пожалуйста, расскажи.

– Не могу. Тебя выследят. Ты все время под надзором.

Он подался ко мне, поцелует наконец-то, подумала я, и смотрела только на его губы, ждала, когда они соприкоснутся с моими, но он снова отклонился.

– Я по тебе тосковал, – пробормотал он.

– И я тоже. – Слезы кололи глаза, стало жалко себя. – Мне казалось, ты меня бросил, совсем одну.

– Прости, мне главное – убраться от него подальше, – сказал он и в волнении отошел еще на шаг от меня. – Я запутался, никак не мог во всем этом разобраться. И на тебя злился, Селестина. – Он потряс головой. – Ведь у нас все было идеально.

От растерянности я и слов не могла подобрать. Его отец сделал со мной такое – а он сердится на меня?

– И я не мог даже смотреть на него, помня, что он с тобой сотворил. Пять Клейм! Пять! Он хотел сломать не только тебя, но и меня.

О шестом Клейме он не знал. Я не могла признаться, он и так был в ярости. Я бы хотела протянуть руку и приласкать его, но почему-то и этого не могла.

– И с тобой я быть не могу, зная, что сделал с тобой мой отец, – продолжал он, отходя все дальше. – Я зажат между вами, как бы я ни поступил – все плохо.

– Арт, послушай! – заговорила я, чувствуя, как поднимается изнутри паника. Я не могу потерять его. Без него я останусь ни с чем.

– Нет, это ты послушай. То, как ты поступила в автобусе, было правильно, но плохо для нас обоих. Будь ты эгоисткой вроде меня, ты бы

этого не сделала. Будь я силен духом, как ты, я бы встал рядом с тобой. А я смотрел со стороны и молчал. Я допустил, чтобы ту, кого я любил, уволокли в тюрьму.

Любил? Любил? А любит ли сейчас? Порадоваться бы признанию – но радость убита сомнением, живо ли это чувство и поныне.

– Это не твоя вина, Арт. Ты не виноват ни в чем. Я не могу тебя потерять. И как же школа? Университет? – жалобно молю я. – Мы осуществим наши планы, а потом уедем вместе, ты и я, подальше от всех. У нас есть время, нужно продумать план.

– Куда, Селестина? Уедем куда? – спросил он, и я вновь услышала, как он сердится на меня. – Ты теперь не можешь выехать из страны. И в другой город переехать можешь только с разрешения стражей. Любой Заклейменный всегда под надзором. О каждом чихе им отчитываться. Переедешь – к тебе приставят новую инспекторшу. И он об этом узнает. Он всегда будет знать, где мы. От него мы никогда не избавимся, он превратит нашу жизнь в ад.

– Мы справимся! – упорствую я, цепляясь за Арта, пытаюсь его остановить.

Мне бы достаточно просто быть с ним, пусть мне и придется подчиняться всем правилам жизни Заклейменных, а он свободен. Кровать ничего хуже нам уже не сумеет сделать.

Но кое-что из сказанного Артом меня поразило. Верно ведь, к каждому Заклейменному приставлен надзиратель, каждый Заклейменный состоит на учете, его местопребывание всегда известно. Я-то пытаюсь найти Кэррика, а у него тоже есть надзиратель, его адрес зарегистрирован. Сердце застучало от возбуждения.

– Арт, сможешь найти одного человека?

– Кого?

– Заклейменного. Молодого парня по имени Кэррик.

– Кто это? – сощурился он.

– Кэррик. Фамилии не знаю. Сидел в соседней камере. Он мне нужен.

Желваки гуляют по щекам Арта:

– Да-а? Близкий друг? Еще один вроде Логана?

– Арт! – в изумлении восклицаю я.

– Прости, Селестина. Я уже не знаю, кто ты. Приходится задавать вопросы.

– Ты прекрасно знаешь, кто я! – Я глотаю слезы.

Он снова присматривается. Вздыхает, закрывает глаза, стресс обволакивает его, гнет к земле. Где же он спрячется? Одежда пропахла

землей.

– Кэррик помог мне. Я была там одна, и он одинок, и он поддерживал меня. Я хотела его поблагодарить. Хотела спросить... как он с этим живет. Насколько похоже то, что происходит с ним и со мной. Хорошо бы поговорить с тем, кто понимает...

– А я не понимаю? Оставь! – Он двинулся прочь. – А ты – ты понимаешь, как трудно мне было прийти сюда? Отец всюду расставил своих людей, меня ищут. Знаешь, чем я рискую? Чем рискую ради тебя, только ради тебя? И вот я пытаюсь тебе рассказать, а ты перебиваешь и просишь найти какого-то парня с Клеймом из соседней камеры! На чей-то день рождения собралась как ни в чем не бывало. Ну, я очень рад, что у тебя все в порядке! – усмехается он и с грохотом шагает прочь по проходу между полками.

Сначала я растерялась, потом бросилась следом, понимая, что так я его потеряю. Но пока добежала до конца книжного ряда, Арт уже скрылся, ни следа. Я проверила каждый закуток. Нет, пропал. Пробежала по всем рядам, голова у меня кружилась, я не понимала, как это он так исчез. Наконец я наткнулась на узкую металлическую дверь, с виду служебную. Потянула за ручку, уверенная, что дверь не поддастся, но она распахнулась, и я попала в кладовку, где мистер Мюррей, школьный сторож, держит свои инструменты и всякое оборудование. Он как раз возился с огромными коробками, плющил их, утрамбовывал на полу.

Он даже головы не поднял:

– Вернись в библиотечный зал.

– Что? Я ищу...

– Знаю, кого ты ищешь. Вернись на свое место.

Он поднял голову, в глазах его я увидела предостережение, попятилась, но из-за высокого ящика с мусором уже выскочил фотограф и принялся щелкать, слепя меня вспышкой.

Мистер Мюррей заорал на него, потребовал остановиться, ссылаясь на какие-то законы, акты и права, но фотограф и бровью не повел, знай себе жал на кнопку. Когда он опустил камеру, я увидела широчайшую усмешку на его лице – вот повезло-то папарацци. От растерянности я не могла сдвинуться с места, но при виде этой усмешки опомнилась, кинулась обратно в библиотеку и захлопнула за собой металлическую дверь. Вновь очутилась в тишине библиотеки, и только сердце стучало оглушительно. Должно быть, каждая книга слышала этот стук.

Тут-то я и задумалась: как вообще оказался здесь фотограф? Что он успел увидеть? Видел Арта, когда тот входил и выходил? А потом увидел

меня? Никаких правил я не нарушила, но запаниковала, потому что кое-кто очень хотел найти Арта – почти так же сильно хотел, как я, – и этот кое-кто на все пойдет, чтобы выяснить, где его сын.

Теперь Креван примется за меня.

Когда ты в последний раз видела Арта Кревана? – спросила меня Пиа под конец этого ужасного дня.

Я снова сидела в библиотеке, в библиотеке своего дома, измученная мыслью, что потеряла Арта, и мне совершенно не хотелось разговаривать с репортершей и приходилось держаться настороже, отражать ее вопросы, и в любой момент, казалось, Креван со своими подручными мог ворваться в дом и увести меня на допрос, чтобы вызнать, где прячется Арт.

Устала я и от этой встречи-расставания с Артом, и от недостатка сна, от постоянно возобновляемого кошмара: все виделось, как ставят Клеймо Кэррику. Совсем мне было фигово. Все хорошее из меня ушло, осталась пустая оболочка, а в ней – только страх. Но ее вопрос об Арте привел меня в чувство. Пиа заметила, как я напряглась, а я еще и обозлилась сама на себя: что ж меня так легко прочитает!

– Всем известно, что произошло в день приговора. Арт был в суде, там было полно репортеров. Все, что вас интересует, можете посмотреть по телевизору.

– Я не об этом спрашиваю. – Кошка она, вот кто. Ноги тесно сжаты под слишком узкой прямой юбкой, кожа так и блестит, шуршит. Она подалась вперед, на губах – лукавая улыбка. – Я уже дважды ловила тебя на лжи, Селестина. Во-первых, – отсчитывает она пальчиками с персиковым лаком на ногтях, – ты виделась с Артом сегодня. В школьной библиотеке. Я видела снимки, как он входит в библиотеку, и я знаю, что вы там виделись. Но это может остаться нашим секретом, если ты будешь честно сотрудничать и дашь мне подробное интервью.

Сердце замерло.

– Во-вторых, шестое Клеймо: никаких доказательств, ни документов, ни записей. Я проверила твоё дело.

Она откинулась на спинку кресла, наслаждаясь моей растерянностью.

– Признаться, ты напугала меня, Селестина. Полагаю, именно этого ты и добивалась. Хотела, чтобы я пустилась обличать судью Кревана, писала об этом, подняла шум. Опасная это затея, Селестина, от подобных слухов несладко пришлось бы Кревану и всему Трибуналу, обо мне уж не говоря. Я не позволю тебе так меня использовать.

Я вижу, как она сердита, ей кажется, что я хотела ее использовать, обмануть. Фотографии Арта – улика против меня. И какая-то часть моего

разума, никогда прежде не умевшего мыслить подобными категориями, вдруг подключается, и я начинаю быстро соображать, планировать, строить интригу. Я же не знала, что шестое Клеймо способно причинить Кревану столько неприятностей, ниспровергнуть даже Трибунал. Каким образом? Знала бы, не выпалила бы так опрометчиво. Нужно было это тщательно обдумать. Так у меня есть оружие?

– Пытаешься отомстить Кревану, Селестина? И Арта используешь в своих целях? Настроила его против отца? Эния Слипвелл – твоя соучастница, вы вместе решили подставить судью? Что вы затеваете, Селестина? Не отпирайся, всем известно – что-то вы затеваете.

Она страшно довольна собой: как же, разоблачила мой замысел. Ждет, что я сломаюсь, заплачу, признаюсь во всем. А я запрокинула голову и засмеялась. Она подала мне идею.

Растерявшись, она заерзала в кресле, поправила юбку, ей сделалось не по себе.

– Пари держу, самого судью о шестом Клейме вы не спрашивали! – говорю я.

– Разумеется, нет, – возмущается она.

– Разумеется, нет. Потому что боитесь. Потому что знаете: он маньяк.

– Ничего подобного, судья Креван – вовсе не маньяк. – Она четко выговаривает каждое слово, как будто нас кто-то подслушивает: боится, что я ее подставлю. – И я не боюсь его... просто не хочу лезть к нему с подобным вздором. Для начала нужны доказательства. Я спросила твою мать о шестом Клейме, – снова эта лукавая усмешка, – и она отказалась подтвердить твои слова. Не признала, что у тебя есть шестое Клеймо. Она даже не присутствовала, когда тебе ставили пятое. Никого из них там не было, Селестина. Всю семью удалили за неподобающее поведение. Это есть в отчетах.

Отчеты лгут.

Понятно, почему мама с такой тревогой встретила меня сегодня после школы. Я-то думала – оттого, что снова без предупреждения явилась Пиа, но оказывается, она еще и про шестое Клеймо спросила. Мама испугалась, что Пиа про все напишет, но мама не знает того, что я сейчас угадала: никогда Пиа не напишет о шестом Клейме, Креван ей не разрешит, потому что он совершил нечто недозволенное.

– Кто писал отчеты?

– Дежурные стражи.

Тина, Джун, Барк, Фунар. Все солгали, прикрывая Кревана.

– Значит, мой хитроумный план не сработает: доказательств нет.

– Ни малейших! – ухмыляется она.

Обдумываю ее слова. Вновь переживаю тот момент, ту боль, ту силу, которую я почувствовала в себе, когда отказалась уступить Кревану, покаяться. Самый мучительный в моей жизни момент – и все же миг, когда я собралась с духом и мужеством. Вспоминаю и Кэррика, его распластанную по стеклу ладонь. А еще там был мистер Берри, он высоко поднял свой телефон, снимая на камеру все происходящее. Раньше я не понимала, как это важно, но теперь вижу: мы располагаем всеми доказательствами, вот только журналистке я ничего об этом не скажу. Для начала нужно заполучить эту съемку. Доказательство – сила. Вероятно, потому мистер Берри и оставил видеозапись у себя, ради каких-то собственных интересов.

– Я могу прямо сейчас предъявить вам доказательство, если угодно.

Она покосилась по сторонам, как будто ожидая, что из угла выскочит притаившийся свидетель.

– Но сначала обещайте мне полное сотрудничество, – говорю я, перехватывая инициативу. – Я знаю, вы не станете писать о том, как я сегодня встретила с Артом, не станете публиковать фотографии. Вы же блефуете, и я это прекрасно понимаю: если Креван выяснит, что вы знали, где побывал сегодня его сын, а ему не сказали, неприятностей не оберетесь. Вы знали, где его драгоценный сыночек, и позволили ему уйти? Вам же известно, что он повсюду ищет Арта. А я могу прямо сейчас перейти дорогу – вон его дом – и все ему рассказать.

Сработало. Она действительно боится судьи.

– Ладно, – говорит она, сглатывая. – Я все забуду. Где твоё доказательство?

Делает вид, будто не верит мне, однако я чувствую ее страх. Она боится, что мои слова о шестом Клейме окажутся правдой, боится, что глава Трибунала сам окажется с изъясном, боится, что все, во что она верила, – ложь.

Я встала, подошла к Пиа вплотную, и она вжалась в кресло, вцепилась руками в подлокотники, приготовилась. Я повернулась спиной, приподняла футболку, чуть приспустила брюки, обнажая крестец. Лица Пиа я теперь не видела, но ее вздох расслышала очень хорошо. Клеймо на спине выглядит хуже всех. Я дергалась, когда меня прижигали, боль без анестезии была ужасной, и, как ни смешно, буква «П», знак моего несовершенства, сама от совершенства далека, расплылась, красная вздувшаяся кожа и больше ничего. Я опустила футболку, но в кресло не вернулась. Направилась к двери.

– Спасибо за интересный разговор, Пиа.

Нет, ей не удалось меня подловить, наоборот: это она подала мне идею. Если шестое Клеймо дает мне власть совладать с Креваном, так я этим воспользуюсь. И мы с Артом снова будем вместе. Но понадобятся доказательства, понадобится помощь. Мне нужно видео, которое записал мистер Берри, и еще одно: я не могу больше ждать, когда же Кэррик меня найдет, я должна сама его отыскать.

С той встречи в библиотеке от Арта ничего не слышно. Я вновь и вновь мысленно возвращаюсь к тому дню и пытаюсь себя убедить, что о Кэррике говорить в самом деле не стоило. Идиотизм, право! Не заговори я о нем, все бы у нас с Артом было хорошо. Но в глубине души я знаю – не было бы. Я не могу подыгрывать настроениям Арта лишь ради того, чтобы его удержать. Все изменилось, в библиотеке уже все было по-другому, он даже не смог меня поцеловать. Только одно я знаю теперь точно: если вчера я думала отыскать Кэррика, чтобы поблагодарить его, сегодня я начинаю его искать, потому что без него мой план не осуществить. Он так же сильно хочет обличить и ниспровергнуть Кревана, как я. Одной не справиться.

Последний урок у меня французский, учительница отказалась впускать меня в класс, так что я опять буду сидеть в библиотеке. Отличная возможность отправиться куда вздумаю, никто и не узнает. В школьном коридоре я нагоняю Джунипер. Вокруг все расступаются, обходят меня за милю.

– Придурки, – бормочет Джунипер.
 – Скажи маме, у меня дела, пусть не ждет. Поезжайте домой без меня.
 – Как это? Она перепугается. Куда ты собралась?
 – Все в порядке, так ей и скажи. Просто мне нужна самостоятельность, нужно научиться справляться с моей новой жизнью, бла-бла-бла. На это она купится.

Джунипер щурится подозрительно:

– Что ты затеваешь, Селестина?

Между нами что-то вроде перемирия, и обе стороны относятся друг к другу с недоверием.

– Скажи маме, что я встречаюсь с Пиа Ванг.

– А на самом деле?

Я закатила глаза и отошла. Ей одной, что ли, можно тайком встречаться неизвестно с кем?

План был таков: отметить у Сьюзен, школьного секретаря, ставшей чуть ли не моим куратором на тех уроках, на которых меня не пускали в класс, войти в библиотеку и скрыться через «потайной ход». Я толкнула эту дверь, но она не поддавалась. Я колотила ее кулаками, пинала ногами –

почему все, все против меня?

В отчаянии я уселась на пол у самой двери и заплакала, но тут дверь распахнулась, и я упала в проход. Там стоял мистер Мюррей. Я кое-как поднялась на ноги.

– Я не помог тебе, – только и сказал он, повернулся спиной и занялся своим делом.

Я не сделала ни шагу дальше. Как ни рвалась я воспользоваться этой минутой, чтобы поискать Кэррика, подводить мистера Мюррея я не могла. Он работал у нас в школе уже тогда, когда я пришла в первый класс – наверное, был тут задолго до того.

– Закон запрещает помогать мне, – напомнила я, проверяя его решимость, давая ему последний шанс закрыть дверь перед моим носом.

– Мне не запрещает, – возразил он, по-прежнему не глядя на меня, шаркая грязными ботинками по полу. – Там, на подошве, у меня Клеймо, а закон не запрещает Заклейменным помогать друг другу.

– Что? – Я уставилась на его ноги, а он продолжал счищать с башмаков грязь.

– Придется поверить на слово.

– Но... но вы же не носите повязку.

– Вот именно, потому никто и не знает. И никто за мной не следит. – Наконец-то он посмотрел мне в глаза.

– Никогда о таком не слыхала.

– Найдутся щелочки, в которые можно просочиться, уйти. Тебе, конечно, труднее, ты «знаменитость». И все же ищи такие возможности. Те не всегда выигрывают, запомни. Будь настороже.

Я киваю, оглушенная.

– Спасибо.

Я ринулась прочь, проскочила насквозь через жидкую рожицу у школы, чтобы не столкнуться с «прессой». Я решила не ехать на автобусе, там бы меня заметили, а одолжила велосипед в городском прокате: у нас тридцать станций проката, в любой можно взять велосипед, доехать до нужного района и там оставить велосипед на удобной для тебя станции. Поскольку все туристы устремляются в замок Хайленд, да и служащих там немало, поблизости находится крупнейшая станция проката. Я проехала по мосту, протискиваясь между туристами. В гору ехать было трудно, я слезла и повела велосипед по Хай-роуд. Когда я ставила велосипед и закрывала замок, с площади у здания суда донеслись вопли, и мне вспомнился тот день – я напугалась до смерти, замерла, не сразу сообразила, что на этот раз не мой черед. Кого-то другого вели на суд.

В этой суматохе на меня никто не обращал внимания. Я купила в лавочке сувениров кепку, надела так, чтобы не закрыть Клеймо на виске и, если попадусь, не навлечь на себя лишнее обвинение, и пробилась сквозь толпу. Успела вовремя: увидела, как мужчина и женщина, держась за руки, идут из Часовой башни в суд. Женщина безудержно плачет, хватаясь за своего спутника, по обе стороны от них шагают стражи. Незнакомые – вот и хорошо, значит, пока заседает суд, я смогу пройти в Часовую башню и потолковать с Тиной. Будем надеяться, я не зря рискнула, она даст мне адрес Кэррика.

Толпа усердствует отнюдь не так, как в день, когда мне был вынесен приговор. Я глянула туда, где обычно стоит Пиа, – тут как тут, в прямом эфире, делится с миллионной аудиторией своими предвзятыми мыслями о новых невинных жертвах.

– Выродки! – вопит стоящая рядом со мной баба и густо харкает в тот момент, когда пара проходит мимо. Комок слюны летит и падает на ногу той женщине. Я непроизвольно вздрагиваю, а женщина под крики толпы ускоряет шаг, еще теснее прижимается к своему спутнику, пытаясь укрыться под его рукой.

– Видали ее рожу? – Баба хохочет, и некоторые зрители вторят ей.

– В рожу бы ей плюнуть! – злобно подхватывает мужчина.

– Что они сделали? – спрашиваю я.

– Газет, что ли, не читала? – удивляется баба. – О них же пишут во всех новостях.

Я качаю головой. Видно, ей в удовольствие изложить всю историю, словно отвращение к «выродкам» – главный стимул ее жизни.

– Они с мужем забрали умирающего сына из больницы – забрали без разрешения, им, видите ли, не понравилось лечение. Полетели с ним на край света, несколько недель прятались, как только бедолага сразу не умер. Доставили его в Испанию, чтобы попробовать другое лечение. – Она закатила глаза под самый лоб. – Им что, наши больницы плохи? С господом богом решили поспорить?

– И что же? Лечение помогло? – спросила я.

– Сегодня утром они вернулись. Их схватили прямо в самолете. Малыш снова в больнице. Он в порядке. Ему позволят лечиться тем, испанским методом. В Испании их тоже допрашивала полиция, но отпустила. Закон они не нарушили, но поступили дурно. А если бы парнишка не выдержал дорогу?

Я покачала головой, и такой ответ их устроил, хотя я вовсе не согласна с этой бабой, я чувствую: я полностью, абсолютно против любого решения

Трибунала. Тут баба опустила глаза и увидела повязку у меня на рукаве. Лицо ее скривилось от отвращения, она разинула рот, но прежде, чем она успела предупредить стоящих рядом, кто затесался среди них, я протолкалась сквозь толпу и поспешила в Часовую башню.

Регистраторша поздоровалась со мной.

– Мне нужно поговорить с Тиной, она служит в страже, – сказала я.

– Боюсь, не получится, – ответила она.

Я сняла кепку, чтобы она видела, кто я.

– Мы с ней знакомы. Я сидела тут в камере две недели назад. Мне нужно кое о чем ее спросить.

– Я знаю, кто вы, – вежливо ответила регистраторша, ее не напугало ни мое лицо, ни повязка – она такое каждый день видит. – Но Тина здесь больше не работает.

– Ох! – Сердце упало, но я, не сдаваясь, ищу другой путь. – А Барк?

– И он, к сожалению, тоже.

Теперь сердце и вовсе куда-то провалилось.

– А Джун?

Регистраторша молча качает головой.

– Фунар? – уже безо всякой надежды спрашиваю я. Вряд ли он захочет разговаривать со мной, однако я хоть попытаюсь.

– И он тоже больше не работает здесь.

– Что? Ну ладно. – Я изо всех сил пытаюсь решить эту задачу. – Еще один страж, имени я не знаю. У него рыжие волосы.

– Тони, – тихо подсказывает она. – Он тоже здесь больше не работает.

Я в ужасе уставилась на нее. Что тут еще скажешь?

Вижу, что и регистраторше не по себе. Она покосилась в угол – там камера наблюдения.

– У вас есть еще какие-то вопросы? – все так же любезно спросила она.

– Мне нужен мистер Берри, – сказала я резко и настойчиво. Поскольку все стражи, кто мог свидетельствовать о шестом Клейме, пропали, а Кэррика найти так и не удалось, нужно срочно обратиться к мистеру Берри. Пусть сейчас же отдаст мне ту видеозапись.

Регистраторша явно довольна, что хоть чем-то может мне помочь.

– Мистера Берри мы тут последнее время не видели, кажется, он в отпуске. Сейчас проверю, не вернулся ли. – Она набрала его номер, но, послушав гудки, положила трубку – еще одно разочарование.

– К сожалению, в кабинете его нет. Хотите что-то ему передать?

– Передайте, пожалуйста, что я прошу позвонить. Срочно.

– Хорошо.

– Нет ли у вас телефона Тины? Адреса электронной почты? Хотя что-то? Мне нужно задать ей всего лишь один вопрос. Я не собираюсь досаждать ей, вы можете об этом не беспокоиться.

Она прикусила губу.

– Вообще-то не полагается...

Но я вижу, ее тоже что-то смущает.

– Минуточку. – Она вышла в заднюю комнату, а я осталась ждать, пытаюсь осмыслить, как это все стражи разом уволились.

Глянула на часы, машинально побарабанила пальцами по стойке. Скоро мама приедет за Джунипер и перепугается, узнав, что я не еду с ней вместе домой. Этот риск нужно как-то оправдать. Дверь распахнулась. Я ожидала увидеть регистраторшу, а вышел Креван. Кровь молотом ударила в виски. Я не встречалась с судьей после той сцены в камере Клеймения, и сейчас вспомнилось все: тот безумный взгляд и крик, когда он велел мне покаяться, и невыносимая боль шестого, без анестезии, ожога. Он в красной мантии, снарядился в суд. Я с трудом перевожу дух. Судья Креван наводит на меня страх. Это больше не отец Арта, это кто-то другой, злобный и страшный, я понимаю, почему Арт не может с ним жить. И я тоже не могу стоять с ним рядом, меня всю трясет.

Из-за его спины выглядывает регистраторша, лицо ее залито багровой краской. Она держит какой-то клочок бумаги, я догадываюсь: это адрес Тины, он нужен мне позарез. Если сейчас не получу его, в другой раз она мне уже его не даст. Но Креван пристально смотрит на меня, на нее, и, если он вырвет листок из ее рук, все пропало.

– Селестина! – произносит он, раздувая ноздри, словно почуял скверный запах. Он смотрит на меня с такой ненавистью – никто на меня так не смотрел даже в эти дни. – Что ты тут делаешь?

– Что я тут делаю? – переспрашиваю я и слышу, как дрожит мой голос.

Мой страх лишь придает ему силы, судья смотрит на меня с интересом, чуть ли не развлекаясь.

– Я... я... – Ни одной мысли в голове, не могу даже солгать, выдумать сколько-нибудь правдоподобный предлог, какая же я дура, сама влезла в новую историю. Голова плывет – а что, если удариться в бегство? Он погонится за мной?

– Вот ты где, – раздается сзади голос Пиа Ванг, деловой, без эмоций. – Я тебя искала. Я освободилась, идем.

Только этого не хватало! Пиа и Креван одновременно.

Она выходит из-за моей спины, смотрит прямо в глаза Кревану.

– Судья Креван, добрый день. Мы с Селестиной как раз собираемся приступить к очередной порции интервью. Ты же ко мне приехала? – подсказывает она.

Я таращусь в изумлении. Пиа пытается меня выручить? Я киваю.

Регистраторша комкает листок. Ничего не вышло.

– Тогда пошли. За углом есть кафе, – распоряжается Пиа. – Рада была видеть вас, судья, – уверенно кивает она ему на прощание и ведет меня прочь.

На подгибающихся ногах, не оглядываясь – а то еще Креван затребует меня обратно, – я выхожу вместе с Пиа. Вокруг замка и на самой его территории множество узких дорожек, мощенных старинным камнем. Пиа повела меня по одному из таких проходов в крошечное кафе, пять тесно сдвинутых столиков. Она заранее знала, что тут никого не будет. Прыщавый подросток за стойкой налил нам кофе, присел на высокий барный стул и уткнулся в свой телефон. Даже если он слышит каждое слово нашей беседы, ему, очевидно, все равно.

Пока мы устроились, я успела взять себя в руки.

– Что ты тут делала? – спросила Пиа.

– Вас искала, – саркастически ответила я. – И нашла!

Она смотрит на меня подозрительно, однако лучше придерживаться этой версии, иначе она станет докапываться до истинных причин моего появления, а я не собираюсь признаваться в том, что ищу Кэррика.

– Я подумала насчет того доказательства, – говорит она, поглядывая на подростка за стойкой, потом на меня.

– Ага.

– Не пойдет. Ты могла сама это сделать.

Я чуть кофе не подавилась, и Пиа сама сообразила, какую сказала чушь.

– Или кто-то другой мог это сделать. Нет никаких доказательств, что это сделал... он.

– Да что это с вами? Вы правда думаете, что я сама прижгла себя каленым железом – без анестезии? – Слова эти вырвались чересчур громко, но эта женщина – как с ней разговаривать? Мы дружно обернулись на подростка, но он и глаз не поднял от телефона.

– Нет ни одного человека, кто мог бы подтвердить, – повторяет она. – Твоих родных и мистера Берри вывели еще перед пятым Клеймом. В комнате для зрителей никого не было. В отчетах ни слова.

О Кэррике и о том, что мистер Берри вернулся, она не знает. Конечно, Фунар промолчал о том, что они оба ухитрились прорваться и видели все,

ведь это он допустил прокол.

– Вы говорили со стражами? – спрашиваю я.

– Нет, но я видела отчеты, написанные стражами.

– Разумеется, но вы с ними *говорили*?

– Нет.

– Занятно. – Я допила кофе и поднялась. Храбрость отчасти вернулась ко мне, но как же я молилась о том, чтобы не наткнуться снова на судью Кревана! Ясное дело, теперь он что захочет, то со мной и сделает. – Мне пора домой, чтобы мама не волновалась. А вам бы следовало поговорить со стражами, вдруг они вам расскажут что-то, чего не было в отчетах. Тина, Джун, Барк, Фунар и Тони. Спросите у регистраторши.

Она достала ручку и записала все имена. Я видела ее поспешность и поверила, что Пиа в самом деле хочет докопаться до правды. Если я их не отыщу, это сделает она. И все же едва ли она опубликует всю правду, когда – и если – докопается до нее.

– Спасибо за кофе, – сказала я, надела кепку, поправила повязку с буквой «П» и отправилась обратно. По пути трижды оставила сообщение на автоответчике мистера Берри с просьбой перезвонить мне.

Я хочу успеть еще в одно место, прежде чем вернуться домой.

Помимо прочих ограничений, Заклейменных не дозволено хоронить вместе с близкими, для них выделено специальное кладбище. Мол, нельзя же вынуждать честных граждан, соблюдающих общественную мораль и нормы нравственности, покоиться вовеки бок о бок с пороком. Я поехала на единственное в нашем городе кладбище Заклейменных, окруженное ярко-красной оградой.

В конторе кладбища имеется список покойников и перечень их провинностей. Все та же концепция: Клеймо сопутствует тебе и в смерти, от него не уйдешь. Но мне не пришлось обращаться в контору и рыться в журналах, могила Клейтона Берна бросалась в глаза. Она выглядела как место упокоения мученика: десятки свежих букетов, ароматические свечи, дары человеку, погибшему столь трагически. Его могила стала местом паломничества для Заклейменных, они стекались сюда в надежде, что смерть Клейтона что-то изменит, общество повернется к ним лицом. Я поняла это, прочитав оставленные на могиле карточки и записки. Приходили и другие – те, для кого его смерть стала подтверждением, что мы все обречены и надежды нет. Они клали черные розы и ставили черные свечи на другой половине участка. Я смотрела на свежие яркие цветы и на черные, на знаки отчаяния и на знаки надежды, и не могла решить, на чьей я стороне.

Я присела возле могилы и зажгла две свечи, и черную, и белую. И я заплакала о его злосчастье и о моем.

Я открыла дверь своего дома и застала корреспондентов врасплох. Один фотограф так и замер, не донеся бутерброд до рта. Впервые я вышла через эту дверь, а так и уходила и приходила через гараж, а там напрямик в машину. Даже после визита на могилу Клейтона я позвонила маме и попросила забрать меня. Она была вне себя от тревоги и гнева, но, когда приехала за мной на кладбище, повела себя мягко и сочувственно: она понимала, что мне эта вылазка была необходима. Я продолжала прятаться от осаждавшей наш дом прессы. Хотя я пробиралась через гараж, это не мешало операторам тыкать камерами нам в окна, но хотя бы не прямо мне под юбку в тот момент, когда я вылезала из машины, – маму и Джунипер они изо всех сил пытались застать в тот момент, когда оголится нога или колени чересчур широко разойдутся.

Маму почти каждый день показывали в интернет-новостях. Смотреть на нее – одно удовольствие, разваливаться она себе не позволяет, так что новостники приходят снова и снова, каждый день по косточкам разбирают ее гардероб, под каждой фотографией подпись: Саммер Норт «демонстрирует» свои длинные ноги, «демонстрирует» свое изящное тело. Конечно, для медийщиков «демонстрирует» и даже «выставляет напоказ» – всего лишь синонимы «у нее есть». Они рассуждают о ее «облегающей» и «обтягивающей» одежде, но стоит ей надеть свободный брючный костюм, как они пишут, что она «закуталась», словно ей стыдно.

Изумленная пауза, журналисты таращатся на меня, а я воспользовалась преимуществом внезапности и зашагала по подъездной дорожке. Наконец они вспомнили, зачем собрались перед нашим домом, схватили камеры и микрофоны и ринулись в погоню. Я успела перейти на другую сторону, но тут они меня настигли, окружили, не поймешь, куда ступить, вспышки слепят глаза, дорогу мне преградили. Они тычут в меня камерами, толкаясь, распахивая друг друга, чтобы подобраться поближе. Мне приходится протискиваться между ними, делая вид, будто их нет. Кто-то кричит: «Не напирайте на нее», а какой-то мужчина просит, чтобы я послала ему воздушный поцелуй. Я стараюсь не реагировать, знаю, что они караулят каждое мое движение. Я упираюсь взглядом себе под ноги, понимая, что, если передо мной кто-нибудь споткнется, упаду и я. Я прохожу в сад Тиндеров мимо таблички «Продается», и корреспонденты вынуждены отстать: это частная территория. Я прохожу по дорожке прямо

к дому и звоню в дверь.

Мне открыл Боб Тиндер. За считанные недели он сильно постарел. Седой. Измученный. Глянув на толпу журналистов у ворот, он поспешно впустил меня в дом. Я прямо-таки слышу, как они разочарованно вздыхают, когда за мной закрывается дверь.

– Селестина, – сказал он. Вовсе не рад видеть меня, тем более когда я привела к его дверям эту свору. – Колин дома нет.

– Я не к ней. – Он, видимо, и не помнит, что мы с ней никогда особо не дружили. – Я на урок музыки.

Он нахмурился.

– Четверг, – напоминаю я. – По четвергам у меня урок.

– Она не... – Он сглатывает с трудом. – Она не играла с тех пор, как...

– Пора.

– Ей кажется, что ей повредили руку. Что она не сможет больше играть.

– Вы скажете ей, что я пришла?

Он обдумывает мою просьбу.

– Подожди в музыкальной гостиной.

Я прошла по коридору и свернула налево в музыкальную гостиную. Здесь я не бывала с тех пор, как моя жизнь переменилась. А комната все такая же – и все-таки и здесь все кажется по-другому. Я вошла. Села у пианино и стала ждать.

Я подняла крышку и пробежалась пальцами по клавишам. Ждать пришлось долго. Голоса Боба и Ангелины доносились из коридора то громче, то тише. Она не желала выходить ко мне. Я придумала, как ее выманить.

Для начала я сыграла последнюю вещь, которой она успела меня научить, мою любимую, «Тюремный ноктюрн». Вышло намного лучше, чем получалось раньше. И ведь я играла по памяти. Прежде я не особо любила занятия музыкой, в детстве они отвлекали меня от прогулок с друзьями, а с возрастом я бы предпочла расслабиться перед телевизором или сходить куда-нибудь. И вообще музыка была обузой, на вечеринках меня вечно просили сыграть, а мне это было в напряг, поскольку я перфекционистка – или была ею – и весь вечер не знала покоя, покуда не отыграю как следует свой номер. Стоило допустить ошибку, и неделю потом она терзала меня. Пианино было доукой, я играла только ради других. На занятиях старалась для Ангелины, а к ней ходила по желанию родителей. Практиковалась дома, чтобы их не огорчать, на вечерах выкладывалась для гостей и никогда не играла только для себя.

Возможности такой не было. А теперь все изменилось. Я играла для себя. Играла намного лучше, чем прежде, полностью растворилась в игре, и пальцы сами собой скользили по клавишам.

В детстве я думала, будто бегство – это вскочить и бежать, физически бежать, как подростки в кино: вопль ярости, громко хлопает дверь, – и побежал. Потом я узнала, что многие беглецы физически остаются на одном месте. Мама – она всегда пряталась за очередной маской, за очередной коррекцией лица. Папа уходит в себя прямо за общим столом. Эван ложится на пол и целиком сосредоточивается на машинках и вертолетах. Джунипер втыкает в уши наушники, включает оглушительную музыку и поворачивается спиной ко всему миру. Но я так не умела. А теперь научилась. Мысленно я бегу, бегу, бегу в пустоте и не вижу ей края, но я свободна. Открыв глаза, я увидела Ангелину Тиндер – она стояла в дверях, вся в черном с ног на головы, ярко выделяясь на фоне свежевыбеленных стен. Она стояла в дверях и слушала, и я продолжала играть. Потом она подошла ко мне – очень медленно. Я почувствовала ее присутствие рядом, позади меня, и наконец она села возле пианино. Я не смотрела на нее, боясь спугнуть. Боб тоже появился в дверях, он улыбался – счастливый и в то же время печальный. Потом он тихонько затворил дверь, оставив нас наедине.

Закончив, я посмотрела на Ангелину. В музыкальной гостиной было тихо, совсем тихо. По лицу моей учительницы струились слезы.

– Теперь вы, – шепнула я.

Она покачала головой.

Я опустила взгляд на ее руки – все в тех же черных митенках. Руки были туго сцеплены у нее на коленях. Я осторожно протянула руку, завладела ее ладонью. Ангелина не протестовала, смотрела с отстраненным интересом, как будто ее руки ей не принадлежали. Тогда я медленно, бережно опустила ее руку на клавиши, разогнула пальцы. Я потянулась за другой ее рукой и проделала то же самое, уже увереннее: положила ее ладонь на клавиши, распрямила пальцы.

Она сидела перед инструментом с идеальной осанкой, как всегда. Она и этот инструмент подходили друг другу больше, чем любая перчатка – заклеянной руке. Пальцы ее медленно задвигались по клавишам. Пока еще не нажимая, пока еще беззвучно, главное – она снова притронулась к ним. Она улыбнулась.

– Играйте! – шепнула я, подбадривая.

Она изящно приподняла руки, и я замерла, затаила дыхание, гадая, что же она выберет, и вдруг она с силой ударила по клавишам. Вверх

и вниз, удар за ударом, бам-бам-бам, словно за инструмент пустили расшалившегося ребенка. Сперва я так и подскочила, потом снова замерла, уставилась на Ангелину, пережидая этот приступ безумия. Конечно же безумия: достаточно взглянуть на ее лицо. Гнев, ненависть, тоска пытаются прорваться, но глаза – дикие, безумные, пустые. Этот грохот сводит с ума, одни и те же ноты сталкиваются бессмысленно, вновь и вновь.

Я беспомощно оглядываюсь по сторонам, не зная, как поступить.

– Ангелина! – ласково обращаюсь я к ней, однако в этом шуме она едва ли может расслышать слова, и я возвышаю голос: – Ангелина, пожалуйста, перестаньте!

Она и ухом не ведет, продолжает терзать пианино, продвигаясь от басов к высоким нотам, вырывая чудовищные, изуверские звуки из того самого инструмента, который прежде так дивно пел под ее руками. Неужели сейчас, когда ее разум искажен, это кажется ей музыкой? Неужели ей слышится Моцарт там, где я слышу лишь иступление? Она грохочет, словно не замечая меня, задевая меня локтем, только что не сбрасывая со стула. Я поднялась и отошла в сторону, пытаюсь сообразить, не пора ли звать на помощь, может, это у нее приступ какой-то?

Дверь распахнулась.

– Что происходит? – спросил Боб.

Она и не него не обратила внимания, полностью растворившись в своей музыке, на лице ее бродит улыбка – не сказать чтобы счастья, но безумного удовлетворения.

Боб стоит в ужасе, смотрит на свою жену и не узнает.

– Что *она* тут делает? – вопрошает Колин, внезапно появившись на пороге. – Что это такое? – Она заглядывает в гостиную и видит свою мать. Челюсть у нее на миг отвисает. Потом она кричит мне, перекрывая шум: – Что ты с ней сделала?

– Я? – в растерянности переспрашиваю я. – Ничего. Я ничего не...

– Что ты сделала с моей мамой? – гневно орет она, подойдя ко мне вплотную.

Я попятилась.

– Ничего. Я ничего не делала...

Но Колин не слушает.

– Убирайся из нашего дома! – надсаживается она.

Я оглядываюсь на Боба, единственного нормального человека, в последней надежде, что он вернет происходящему логику, но Бобу не до меня. Он подошел к жене, стоит над ней, руки его порхают возле, не касаясь ее тела, он словно боится дотронуться до нее.

Колин зажимает уши руками, она больше не в силах это терпеть – не только грохот клавиш, но и все то, что она слышит в своей голове, свой собственный голос, свои крики, свою муку.

– Убирайся! – твердит она мне, лицо перекошено отвращением.

Я двинулась к дверям. Напоследок еще раз глянула на Ангелину – она все еще молотила по клавишам, совсем другая женщина, не та, которую я знала: Клеймо и все, что ему сопутствовало, свело ее с ума. Вдруг она сняла с клавиш левую руку, и, продолжая молотить правой, левой потянулась к крышке. Я думала, она остановится наконец, о чем и просил ее Боб, и слишком поздно поняла, что сейчас произойдет.

– Нет! – крикнула я.

Муж с дочерью оглянулись на меня и пропустили миг, когда она с силой опустила крышку себе на руку. На ту самую руку с Клеймом.

Одного раза ей показалось мало. Рыдая от боли, она повторяла эту попытку снова и снова:

– Это не моя рука! Не мои пальцы!

Боб и Колин вместе едва сумели с ней справиться. Но непоправимое уже свершилось: она перебила себе пальцы.

Охваченная ужасом, я еле доползла до двери. А за дверью – снова репортеры. Я не успела натянуть маску на лицо. Забыла.

– Что произошло, Селестина?

– Ты планируешь переворот?

– Собираешь армию Заклейменных?

– Ангелина Тиндер – твоя сообщница?

– Ты в самом деле намерена организовать партию Заклейменных?

Я кое-как растолкала их и побрела домой.

Там у двери меня дожидалась Мэри Мэй. Ее фотографировать запрещено, а все-таки «пресса» обрадовалась при виде ее: почуяла, что я опять что-то натворила, снова попала в беду. Нынче будет о чем написать в новостях. Вот только я после этой сцены в доме Тиндеров едва ли еще на что-то гожусь. Мэри Мэй отступила в сторону, позволив мне пройти.

Джунипер и мама тревожно ждали меня на кухне. Эван тут же удрал наверх: по-прежнему боится остаться в одной комнате со мной.

– Что ты сделала? – тихо спросила мама.

– Ничего! – в унисон ответили мы с Джунипер, впервые за все это время поглядели друг на друга и улыбнулись.

Но Джунипер тут же сама встревожилась и зашептала:

– А вчера? Что ты делала вчера?

Я с трудом сглотнула. Вчера я столкнулась с Креваном: неужели он

выяснил, что я разыскиваю уволенных стражей и мистера Берри? И если так, какое меня за это ждет наказание? Мэри Мэй в черно-красном пальто строевым шагом вошла в кухню, направилась прямо ко мне. Я так боялась, что речь пойдет о моем вчерашнем визите в замок и попытке отыскать стражей, что, когда она вынула газету и шмякнула ее на кухонный столик, почувствовала облегчение.

Зато теперь ясно, что Пиа доверять нельзя. Накатала нелепую статью, мол, в школе мне устроили комфортную жизнь, позволили пропускать уроки и уваливать от бассейна. Лишь бы надавить на директора и заставить его отчислить меня. Если его обвинят в помощи Заклейменной, да просто если он хоть чем-то облегчит мое положение, родители со свету его сживут. К статье – фотография. Девушка, похожая на меня, крадучись выходит из школы. Африканские косички падают на висок, скрывая, в нарушение правил, – если предположить, что это я, – Клеймо.

– Это не я, – говорю я уверенно.

Мы все сгрудились вокруг.

– Это я, – сказала Джунипер.

– Вам известны правила! – предостерегла ее Мэри Мэй. – Если вздумаете лгать и покрывать сестрицу, сами будете наказаны или сядете в тюрьму.

– Я не лгу! – вспыхивает Джунипер. Узнаю ее горячность. Вернулась прежняя Джунипер.

– В статье написано, что это Селестина, – говорит Мэри Мэй, слегка озадаченная, и снова складывает газету. – Это явное нарушение правил, Селестина, и ты будешь за это наказана.

– Позвоните в газету, пусть напечатают опровержение! – поспешно вступается мама. – Это, несомненно, ошибка. Я своих дочерей еще не разучилась различать: на фотографии не Селестина.

Но Мэри Мэй и слушать не желает.

– Ты проведешь под домашним арестом полную неделю, начиная с понедельника. После школы немедленно возвращаешься домой и больше не выходишь. – Она заполнила бумагу с предписанием, положила ее поверх газеты и вышла.

– Ненавижу ее! – шепчу я, глядя, как отъезжает автомобиль моей домомучительницы.

Мама шикает на меня, словно Мэри Мэй и с такого расстояния услышит.

– Просто дура в клоунском костюме! – фыркает Джунипер.

– Нет, нет, нет! – Мама хватается за плечи, смотрит ей прямо

в глаза. Потом, сообразив, что этой вспышкой ярости напугала нас обеих, мама вздыхает, усаживает нас обеих за кухонный столик и говорит: – Девочки, будьте благоразумны. Вы считаете ее злобной придирой, но Мэри Мэй ценят чуть ли не выше всех стражей, и знаете почему?

– Почему? – не утерпела Джунипер.

– Она донесла на свою сестру, как только был создан Трибунал. Семья отвернулась от нее, и она сдала их всех. Отца, сестер и брата – какие-то нарушения в семейном бизнесе. Все до одного были арестованы, осуждены и заклеены.

– Как! – задыхаюсь я. – Своих же родных?

– Вы видите женщину в клоунском костюме, а она смертельно опасна. Не хотелось бы выяснять, как далеко она способна зайти.

Я сглатываю, киваю. Может, мне еще и радоваться надо, легко отделалась. Неделя домашнего ареста – не самое страшное наказание, к тому же начинается она с понедельника, а значит, завтра я еще попаду на день рождения к Логану. Этого праздника я жду с нетерпением. Вот только искать Кэррика я тогда уже не смогу, а надо во что бы то ни стало найти его прежде, чем еще кто-нибудь исчезнет по воле судьи Кревана.

– Так вы поговорили со стражами? – спросила я Пиа, впиваясь зубами в яблоко.

Откликнувшись на мой настойчивый призыв, Пиа примчалась к нам в пятницу спозаранку. Я слышала в доме движение, все собирались – кто в школу, кто на работу, одна я никуда не спешила: директор позвонил и предупредил, что из-за реакции на статью Пиа Ванг мне придется сидеть дома, пока он не придумает какое-то решение. Они своего добились, они использовали эту статью, чтобы выжить меня из школы, – уверена, это придумал Креван. Меня убирают из школы, и теперь Арт вернется. Вот только его надо сначала найти.

Пиа в кои-то веки одета неформально: джинсы, туфли-лодочки, хлопчатобумажная футболка – непривычно видеть ее такой. Почти что похожа на человека.

– Я попросила связать меня с Тиной, Джун, Барком, Фунаром и Тони, со всеми, кого ты назвала, – ответила она.

– Отлично! – воскликнула я. – Значит, они смогут подтвердить мои показания?

– Их там нет, – тихо ответила она. – Все уволились из замка. Но ты это и так знаешь. Ты вчера ездила в замок, чтобы поговорить с ними.

Я пожимаю плечами, снова кусая яблоко.

– Может, да, а может, нет. Сами понимаете, каково мне теперь: не осталось никаких доказательств, что Креван приказал поставить шестое Клеймо.

Она вздрагивает, когда я произношу эти слова вот так, вслух и довольно громко.

– Моих родных выгнали заранее, стражей уволили, мистер Берри вдруг отправился в незапланированный отпуск и не появлялся в Трибунале уже две недели, на звонки не отвечает. Все куда-то пропали. Похоже, кто-то очень не хочет, чтобы кто-нибудь из присутствовавших на Клеймении заговорил. Прямо заговор какой-то. Ой, что я говорю! – Я преувеличенно вздыхаю, насмехаясь.

Все это Пиа явно неприятно, она застыла в кресле, сидит очень тихо и размышляет. Можно подумать, мне это нравится, однако я лучше владею своими чувствами. Ведь получается, Креван в самом деле старается скрыть, что он со мной сделал, он убирает свидетелей, и я отнюдь

не в безопасности.

– Никаких записей в личных делах стражей, – говорит вдруг Пиа. – У них нет ни провинностей, ни нареканий. Ни намека, что их собирались уволить. Бюджет не сокращали. Их контракты не истекли. И вдруг, внезапно, они ушли. Пятеро в один день. На следующий день после Клеймения. Насколько я понимаю, сейчас они нигде не работают. Я позвонила Тине домой. Она не взяла трубку. У нее есть дочь, может быть, она что-то знает. Завтра я поеду к ней.

– Выходит, вы мне поверили? – с тревогой уточняю я.

– Нет, я вовсе не говорю, будто поверила! – поспешно возражает она. – То есть... не знаю, но я должна все проверить, прежде чем... Ведь это очень серьезное обвинение, и если он в самом деле так поступил, то...

– То что?

– Ну, тогда... – вздыхает она. – Тогда многое окажется под вопросом.

– *Сама система* окажется под вопросом, – говорю я.

– Несправедливое обращение в камере Клеймения еще не доказывает, что ты не заслужила Клейма, Селестина.

Я молча вытаращила глаза. Ее не переспоришь.

– Но это означает, что *он сам* заслуживает Клейма. А что произойдет, если во главе Трибунала окажется порочный человек?

Она притихла. Потом сменила тему:

– Я слышала, тебя не пускают в школу.

Я почувствовала прилив гнева.

– Из-за вашей статьи с фотографией *моей сестры*.

По ее виноватому лицу я поняла, что статья была заказной. Но я увидела кое-что еще: кажется – вот уж не подумала бы – эта женщина не вовсе лишена совести.

– Разве дома не лучше? – спросила она. – В школе ты была единственной с Клеймом, это ведь тяжело.

– Пытаетесь убедить себя, будто оказали мне услугу? Не старайтесь, это неправда. Я хочу учиться в школе. Это мое право.

Она растеряна, снова пытается что-то сообразить:

– Каково человеку с Клеймом в школе? Единственной ученице с Клеймом?

В этом вопросе я не вижу подвоха: никогда прежде она не спрашивала, каково мне, что я чувствую, ведь читателям газет не рассказывают о чувствах Заклейменных, а если что-то об этом и пишут, то лишь ради устрашения.

Я вздыхаю:

– Не знаю, как переживают это люди постарше, но подростки хотят быть хорошими, как все. Никто не хочет выделяться, уж я точно этого не хотела. Да и чем можно выделиться? Лишь быть самим собой. Каждый старается показать, что все у него круто, а на самом деле никто и понятия не имеет, что к чему. Не знаю, может быть, у взрослых по-другому.

Пиа улыбнулась:

– Нет, по правде говоря, у взрослых так же. Журналисту приходится нелегко, – добавила она, и я ответила ей подозрительным взглядом. – Нет, в самом деле. Совсем не все удастся опубликовать в том виде, в каком хотелось бы. И собственный голос не всегда тебе принадлежит.

Она так и не извинилась за статью, с помощью которой меня выдавили из школы, но эти слова уже довольно близко напоминали извинение. Сегодня она написала о том, как Ангелина Тиндер «подготовила» меня к роли Заклейменной, и закончила статью вопросом, кто еще учился у этой женщины играть на пианино. Она несколько раз процитировала мои слова из предыдущих наших разговоров, повернув и исказив их таким образом, чтобы придать им нужный для этой статьи смысл. Статью украшают фотография Ангелины до суда и моя перепуганная физиономия в тот момент, когда я выходила из ее дома. Заголовок: «Заклейменная учительница музыки вербует новичков».

Я присмотрелась к Пиа и поняла, что она никак не может решить, публиковать ли ей статью о шестом Клейме. Пойти против Кревана или не рисковать.

– А вы скажите, что все должно быть напечатано так, как написано.

– Это не так-то просто.

– Еще как просто.

– Меня не послушают.

– Тогда уходите. Найдите себе другую работу.

– Мир устроен сложнее, чем тебе кажется, Селестина.

Я только плечами пожала.

– Бросить прекрасно оплачиваемую работу, где я пусть не всегда и не все могу рассказать так, как хотела бы, но все же многое удастся? У меня собственная колонка, свое шоу. И кто будет кормить обоих моих детей?

– Вы кормите их ложью?

Это ее задело, она снова замолчала.

– Сегодня я поеду к Тине, попробую ее расспросить. Можем ли мы с тобой встретиться ближе к вечеру?

– Меня дома не будет.

Взглядом она потребовала пояснений, и я добавила:

– Иду на день рождения. К парню из школы.

– Как хорошо! – сказала Пиа.

Не знай я ее, поверила бы, что она за меня рада. Но я не могу доверять ей. Может быть, она помогает Кревану выяснить мои планы? Разыщет стражей и научит их врать? Запугает: они, мол, пытаются помочь Заклейменной? А если я скажу ей, что мистер Берри снимал в камере Клеймения, она отыщет запись и уничтожит? Нет, я не стану ей доверять. Слишком близка она к Кревану и пока что ничем не заслужила мое доверие. Ни о Кэррике, ни о мистере Берри я не скажу ей ни слова.

И постараюсь найти их прежде, чем она доберется до них.

– Так к кому ты идешь на вечеринку? – спросила Джунипер за завтраком (Пиа наконец ушла).

– К Логану Трилби.

Она так и замерла с хлопьями во рту – со сладкими хлопьями, которые ей никто не мешает есть, это я теперь жую овсянку.

– Логан – конченный засранец.

– Ко мне он был добр.

Джунипер все еще хмурилась:

– И что же он празднует?

– Восемнадцатилетие.

– Но ему уже девятнадцать, я точно знаю. Он остался на второй год, этот придурок.

– Нет, восемнадцать. – Я помахала у нее перед носом открыткой с приглашением.

Она все так же хмуро ее прочла.

– Ну ладно. – Вернула мне открытку, мы обе выдержали паузу. – Почему же я ничего об этом не слышала?

Хотя в последние недели между нами не все было гладко, Джунипер моя сестра, и я вполне способна ей посочувствовать. Это и хорошо. Значит, я не утратила человеческие качества.

– Во всяком случае, они стараются поддержать меня. С чего бы тебе обижаться? – мягко произнесла я.

Она расхохоталась:

– Думаешь, я тебе позавидовала? Вот уж нет, можешь мне поверить. Ступай на свою вечеринку. Но странно, что я не слышала об этом, – и я бы на твоём месте не расслаблялась.

– Потому что я Заклейменная? – Гнев полыхнул во мне, я и так переполнена гневом, дай только повод, и он прорвется. – Думаешь, если меня кто и пригласит, то лишь ради какой-то пакости?

– Я ничего не говорила о «пакости», – слабо отбивалась Джунипер.

– А ты-то сегодня куда? – спросила я, чувствуя, как стучит и колотится во мне гнев. – Опять тайком выберешься из дома, как проделываешь каждую ночь?

Джунипер вытаращилась на меня с непрожеванными хлопьями во рту. Потом она принялась медленно жевать, чтобы выиграть время и обдумать

ответ.

Конечно, я не вправе поднимать этот вопрос за общим столом, во всеуслышание, но Джунипер явно что-то скрывает, а меня разобидел ее отзыв о Логане. Наконец-то у меня завелись друзья, а она поспешила испортить мне праздник. Сердце громко стучит, я слежу, как она лакомится сладкими хлопьями, и злюсь все сильнее.

– О чем ты вообще?

– За последние две недели я много раз заходила к тебе к комнате после полуночи, и тебя там не было.

Она хохочет, будто услышала какую-то глупость, этого еще не хватало! Меня теперь за сумасшедшую будут считать? Нет уж, после того как Ангелина Тиндер сорвалась с катушек прямо у меня на глазах, я бы предпочла избежать подобной участи. Мэри Мэй подняла глаза от бумаг. Мама и папа явно прислушиваются к нашей пикировке.

– А вот и не подеретесь! – распевает Эван, и Джунипер пришлось пнуть его под столом, чтобы замолчал.

– Может, я в туалете была.

– Нет, не была.

– Почему ты знаешь?

– Я проверила.

– Шпионка!

Мне совсем не нравится, как она зыркнула на меня.

– Это правда, Джунипер? – Отец подошел к столу.

– Ты будешь ругать меня, хотя Селестина чуть ли не каждую ночь уходила на свидания с Артом?

Мама в ужасе оглядывается на Мэри Мэй.

– Уходила раньше, до того, как была осуждена, – резко поправляет она.

– До того, как была осуждена! – повторяет Джунипер, словно ребенок, получивший выговор.

– Раньше было другое дело и для нее, и для тебя, Джунипер. Если тебя примут за Селестину, у нее будут неприятности. Как в этот раз из-за прически, – говорит папа, сердито косясь на Мэри Мэй.

– Значит, если Селестина не может жить по-нормальному, то и мне нельзя?

– Селестина живет нормально, а вы бы думали, что говорите, юная леди! – Отец возвышает голос, пугая этим всех нас.

– И вообще, никуда я по ночам не ходила, – бормочет Джунипер, отводя глаза. Значит, врет.

– Скажи, что я лгунья, – подначиваю ее я.

Ее глаза вспыхивают.

– Какая нужда? Про тебя и так все ясно – высунь язык!

– Тупая, подлая... – Схватив тарелку с овсянкой, я швыряю кашей в Джунипер.

Родители хватают нас обеих и растаскивают. Джунипер отправляется наверх переодеваться.

– Опять целый час провозишься! – кричу я ей вслед.

– Селестина, прекрати! – одергивает меня мама.

Мэри Мэй достает свой блокнот.

– Что? – рывкаю я на нее. – Драться с сестрами тоже запрещено? В наказание в обед меня накормят тыквенными семечками?

Я поднялась и направилась к раковине. По дороге я протянула руку, чтобы прихватить висевшую за спиной Мэри Мэй тряпку – вытереть кашу, но ей померещилось, будто я собираюсь напасть, и она с размаху врезала мне по лицу кожаной перчаткой. Боль и гнев ослепили меня.

– Как вы смее! – заорал папа и бросился к ней, но прямо перед ней остановился, словно Мэри Мэй была окружена магнитным полем, через которое он не мог пробиться. Неприкосновенна – как прежде была я.

Глаза щиплют слезы, щека горит, но я не заплачу при Мэри Мэй.

Мама подбежала ко мне.

– Детка моя, моя бедная детка! – Она обняла меня, а поверх ее плеча я видела Мэри Мэй – ледяные голубые глаза смотрели с угрозой.

Мама разжала объятия и взяла тряпку – теперь-то понятно, что за тряпкой я и потянулась, но лицо Мэри Мэй не выражает ни капли сожаления.

– Я вытру! – Голос ее дрожит от гнева. – Мать имеет право помогать дочери. Вам что-нибудь еще нужно или для одного утра достаточно?

Мэри Мэй все это не трогает, возможно, она даже получает удовольствие.

– Насколько я понимаю, Селестина собирается сегодня на вечеринку. Нарушение комендантского часа наказывается очень строго. Наказание определит Трибунал, но, скорее всего, приговор затронет всю семью. Иными словами, если ты нарушишь правила, пострадают твои близкие. Можешь поинтересоваться у своей приятельницы Ангелины Тиндер, где ее мальчики побывали на этой неделе.

Я вспоминаю, как тихо было в ее доме. Мальчиков я не видела, не слышала их обычно шумной игры.

Мама смотрит на меня, и я чувствую, как ей страшно.

– Их забирали на неделю в приемную семью.

– Я не задержусь, – тихонько обещаю я ей. Не могу же я допустить, чтобы у нас отобрали Эвана.

Мэри Мэй собирает свои вещи.

– Кстати говоря, судья Креван сообщил мне, что скоро к нам присоединится один твой старый знакомый. Арт Креван станет одним из стражей, и я буду иметь честь лично его подготовить. – Она бросает на меня взгляд, полный ядовитого удовлетворения, и закрывает за собой дверь, оставив меня дрожать от ужаса.

– Арт не мог. Он бы никогда. Работать на Трибунал он ни за что не станет. Он поступит в университет. Я буду изучать математику, а он физику. Мы так договаривались.

По одну сторону от меня сидит отец, по другую – мама, смазывает мне лицо каким-то кремом, чтобы не появились синяки.

Папа вздыхает:

– Ох, Селестина! Не переживай так! – Он поцеловал меня в лоб. – Как я слышал, они все еще не выяснили, где Арт прячется. Креван отправил множество людей на поиски, но пока безрезультатно.

– Надеюсь, он уехал далеко, – сказала я. Впервые я поняла: Арт, возможно, был прав, у нас с ним ничего не получится.

– И я надеюсь, – печально улыбнулся папа. – А теперь выкинь все это из головы. Понимаю, что нелегко, но нужно думать о будущем. Хотя бы о сегодняшнем вечере. Что-то новое. Новые друзья.

Я киваю, стараясь не прислушиваться к тому, как дергает болью щеку.

– Что тут за шум? – спрашивает, вернувшись в кухню, Джунипер. – Папа, ты кричал?

Переоделась она куда быстрее, чем я ожидала, и при виде ее у меня вырвалось невольное восклицание. С ног до головы в моей одежде. В тех розовых обтягивающих джинсах и коротком кремовом топе, которые я выкинула вчера вечером. Примерила – а Клеймо на копчике торчит. Никогда мне больше не надевать этот наряд. Я его выкинула, чтобы никогда больше не видеть, не вспоминать о той жизни, которая осталась в прошлом, о том, кем я прежде была. А теперь вдруг Джунипер его надела. Моя одежда выглядит на ней странно. Неуместно.

– Что? – Она оглядывается на меня, смущенно, сердито, озадаченная общим молчанием. Она надела этот наряд в отместку, ведь я ее спровоцировала, но только месть обернулась против самой Джунипер. Даже папе и маме не по себе от такого ее вида. – Ты носишь теперь мою одежду, что мне остается?

Я смотрю, как Джунипер уверенно проходит по кухне в моей одежде,

в коротком декольтированном топе, который обнажил бы Клейма у меня на груди и спине, в открытых сандалиях, которые не скрыли бы Клеймо на подошве. Напоминает, сует мне под нос.

Сегодня она хочет успеть на автобус, она рада-радехонька была ездить на машине, но раз я больше не хожу в школу, она снова поедет со всеми. Я-то переживала, не приключилась бы с ней беда в автобусе, но теперь мне наплевать.

– Хочу выйти подышать, – тихо говорю я. Голова плывет.

– погоди! – Мама обнимает меня за плечи, а Джунипер переступает порог, прямиком в толпу репортеров. Мама слегка, насмешливо улыбается: – Они примут ее за тебя.

Я выглядываю и вижу, как журналисты плотно обступили сестру, она и шагу сделать не может, тычут ей камеры в лицо. Я прикусываю губу, скрывая улыбку, и незамеченной выскальзываю на улицу. Может быть, мистер Мюррей прав насчет щелей, в которые мы сумеем проскочить.

Дом Логана – на другом конце города, в таком же, как у нас, зеленом районе, вполне приятном. Впервые за много дней я почувствовала себя свободной. Я включила музыку и опустила окно, пусть ветер бьет в лицо. Громко подпевала музыке: свободна, свободна! У меня есть друзья, они меня поддержат, они принимают меня такой, какая я есть, – и я с этой жизнью справлюсь. Жить можно. Не о такой жизни я мечтала, не это планировала, когда так тщательно все продумывала – давным-давно, – однако такие мне выпали карты, и я постараюсь выжать из них все, что смогу. Я подпевала радио и чувствовала себя счастливой, свободной. Может быть, наплевать и не выводить Кревана на чистую воду, не доказывать, что он сделал со мной в камере Клеймения? Просто жить дальше? Я еще могу быть счастлива.

Немножко я нервничаю перед вечеринкой, где будут незнакомые ребята, но это приятное волнение. Я готова к переменам. Ровно в восемь доберусь. Два часа молодого веселья. Ни минутой больше, нужно вернуться домой вовремя. Раньше, чем появится Мэри Мэй, чтобы и тени подозрения не возникло, что я нарушила какие-то правила. Двух часов с головой хватит. Новые друзья, новая жизнь.

Хотя родители и тревожились за меня, они оба тоже были счастливы, что я еду в гости, как нормальная семнадцатилетняя девушка. Не прячусь в своей комнате, как все прошлые недели, рыдая в подушку. И они легко меня отпустили, поскольку они знают родителей Логана. Не лично знакомы, но слышали о них, как и все в городе. Они оба пасторы, семейная

команда. Этим и привлекают внимание прессы, к тому же они – достойные граждане. Потому-то, наверное, Логан и протянул мне оливковую ветвь. Он вырос в семье, где царит понимание и прощение, он знает, каково быть не таким, как все, все время под пристальным наблюдением, все время тебя анализируют, сдирают кожу, пока не останешься наг и гол.

Мы подъехали, как было указано в приглашении, к скромному белому домику с ухоженным садом, со штaketником. Мы с мамой обнялись, мама крепко, чересчур крепко прижала меня к себе – страшилась отпустить, но все-таки решилась, хотя на глазах у нее выступили слезы.

– Я приеду за тобой в десять. Позвони, если захочешь уехать раньше. Или если что-то случится. Даже мелочь какая-нибудь. Если услышишь какую-нибудь глупость, или гадость, или...

– Мама! Все будет в порядке! – смеюсь я.

– Хорошо, хорошо! – улыбается и она.

Она смотрит мне вслед, пока я иду к двери, и это напоминает мне тот день, когда с моего детского велосипеда сняли опорные колесики. Я оглядываюсь на маму: она сидит в машине, боится отпустить меня одну, боится, что я опять напортачу.

Для подростковой вечеринки в доме что-то слишком тихо, но, должно быть, так принято в семье пасторов. На подъездной дорожке уже стоит чья-то машина – ага, Наташи. При виде ее я занервничала, и это уже не назовешь приятным возбуждением. С Наташей у меня отношения скверные, причем напрямую мы не разговариваем, но я слышала, как она во всеуслышание возмущалась моим присутствием в школе и учителям об этом говорила, а уж как подставила в первый же день в бассейне! Вот уж кто вовсе не будет рад меня видеть, а ведь она, я знаю, дружит с Логаном, но, может быть, он повлиял на нее и теперь все будет по-другому? Впрочем, похоже, мне сегодня тоже предстоит потрудиться, чтобы расположить к себе ребят. Может быть, не такое это будет для меня веселье, но это первый шаг, а в следующий раз и вовсе будет здорово. Так, малопомалу...

Я шла по подъездной дорожке, чувствуя, как подгибаются ноги на высоких – до небес – каблуках. Нажала кнопку звонка, оглянулась на маму и помахала ей, чтобы она уже ехала, и она покорно тронулась с места и свернула на шоссе, предоставив меня самой себе.

Внутри тихо. Заглянув внутрь сквозь стеклянную панель двери, я увидела голую стену, посреди – распятый Иисус. На голове – терновый венец, руки и ноги прибиты к кресту. Мощное распятие, никогда раньше не видела подобного. Мурашки побежали по рукам, какое-то тревожное

предчувствие, я попятилась и наткнулась на человека, подкравшегося сзади.

Вскрикнула в испуге. И тут же мне на голову надели мешок, и я перестала дышать.

– Руки ей придержите! – шипит Логан: я снова ухитрилась вмазать ему в лицо. Точно лицо, один палец ткнул в глаз, другой угодил в язык, и его тут же прикусили зубами.

Не надо держать меня за руки. Стоило мне услышать голос Логана, и я перестала сопротивляться. В те несколько мгновений, пока я билась, сражалась с хватавшими меня руками, я думала, идиотка, что нужно лишь вывернуться и заорать погромче, чтобы Логан с ребятами пришли на помощь. Теперь я знаю: это все подстроено Логаном и его приятелями. Кровь холодеет в жилах. Что-то еще я утратила сегодня вдобавок ко всем потерям, и, когда руки связывают за спиной и тащат меня куда-то, я понимаю: я утратила веру во всех и во все. Из меня выбили – прямо сейчас – желание вернуться к нормальной жизни, жить по возможности как все. Я сдаюсь, я принимаю свою Заклейменную жизнь. Они победили, а я проиграла.

Невозможно дышать с мешком на голове, его еще и стянули под подбородком, вокруг горла. Паника поглощает жалкие остатки кислорода, но я не могу сдержаться, судорожно втягиваю в себя воздух и глухо воплю. Я не даюсь тащить меня, падаю наземь, сильно ударившись коленями о бетон. Снова кричу.

– Какого черта? – шипит Логан. Все шипит, чтобы не нашуметь, ведь он тут живет, попадется кому-то на глаза – его узнают. Я кричу еще громче – эх, если бы мама не поспешила уехать, – но удар в живот вышибает из меня воздух, опрокидывает на бетон.

Кто-то поднял меня и понес. Я задыхаюсь, не могу больше сражаться.

– Ты обещал не бить ее.

Девчачий голос. Мороз по коже. Это Колин.

За что она мстит? За то, что в тот день я не поздоровалась? За то, что ее мама изувечила себе пальцы? И это моя вина? Козел отпущения для общества, а теперь и для всех знакомых. Любые их беды – моя вина. Причина не в их выборе, не в их поступках, не в их ошибках. Бараны.

– А что мне делать? Орет на всю округу! – злобно огрызается Логан. Ясно, это он меня несет.

Я пытаюсь брыкаться и слышу смех.

– Визжит как свинья! – злобно хохочет Наташа.

Распахнулась дверь машины.

– Сюда ее, быстро. – Снова мужской голос, но его я не узнаю. Сколько их тут? Страх накрыл меня: что они со мной сделают?

– Ты же не собираешься ее убить? – вдруг спохватывается Колин, и я жалобно вскрикиваю.

Логан выругался.

– Но она там задохнется. Она не может дышать в мешке.

– Ладно! – бормочет он.

Колин уговорила Логана не засовывать меня в багажник. Не то чтобы он особо к ней прислушивался, но ему не терпелось сесть в машину, да и, похоже, он сам не уверен насчет багажника. Спасибо и на том: он опускает меня на землю и заталкивает сквозь дверцу внутрь автомобиля. Я ударилась лбом, не вписавшись, голова закружилась.

– Хе! Мимо! – хихикнул Логан.

Я упала внутрь, и кто-то – не так грубо – помог мне сесть. Это Колин. Она устроилась рядом со мной. По другую сторону от меня хлопнулся Логан. Наташа за рулем, с ней рядом – четвертый. Кажется, это Гэвин, мы с ним пересекались только на химии. В жизни и словом не обменялись. Ничего не знаю о нем – но вот он здесь, губит меня потехи ради.

– Аккуратнее, – говорит Гэвин.

– Ты-то что разнюнился? – огрызается Логан.

– Если она вырубится, ничего не почувствует, – хладнокровно отвечает он. – Как ты над ней посмеешься?

Логан притих. У меня все еще стучит в голове после удара о металлическую раму над дверью, на лбу что-то липкое. Под мешком я потею, пот течет и щиплется – наверное, содрала кожу. Они задумали посмеяться надо мной? Сердце отчаянно трепыхается.

– Не могу дышать, – говорю я, а вышли не слова – всхлип, испуганное бормотание сквозь мешковину. Жарко, я вся липкая, пот течет по лицу, на губах солоно. Живот сбоку болит от удара или пинка – чем уж там, кулаком или ногой врезал мне Логан, чтобы заткнулась.

Они снова велят мне молчать, но на шее слегка ослабили веревку, и я даже вижу сквозь отверстие свою грудь, воздух проходит в эту щель, и я его заглатываю, пытаюсь успокоиться. Убить они меня не убьют, убить не могут. Меня ждет что-то другое, но что? Вижу, платье на мне задралось, торчат толстые бедра, надо бы опустить подол, но не могу, руки связаны за спиной. По мне, так и это вполне достаточное унижение. Должно быть, они сейчас смотрят на меня, переглядываются, гримасничают, оценивают.

Мы едем – как долго, не знаю, голова гудит, я перебираю всевозможные версии. Что бы со мной ни сделали, пусть сделают это

достаточно быстро, мне нужно к одиннадцати попасть домой. Сейчас я только об этом и могу думать. Машина остановилась на заправочной, Колин и Гэвин вышли, я замерла в ужасе: сейчас мной займутся Наташа и Логан, но они преспокойно обсуждают одноклассников, злобные сплетники, слушать их не могу. Пахнет дымом, они оба курят, дым просачивается в мешок. Я закашлялась.

– Першит, Клейменная? – спрашивает над ухом Логан.

Он сует сигарету в отверстие мешка, дым струится мне в лицо, я пытаюсь отвернуться. Он смеется. Стряхивает пепел мне на бедро. Пепел, пока падал, остыл, не жжется, но я с ужасом смотрю на серую кучку.

– Что-то напоминает? – Он поднес горящую сигарету вплотную к моей коже. Да. Напоминает. Камеру Клеймения.

Окурок касается моей кожи, слезы непроизвольно текут из глаз, но, к счастью, тут дверца распахнулась: вернулись Гэвин и Колин.

– Что ты делаешь? – сердито спросила Колин.

– Честное слово, я тебя выкину из машины, если будешь все время вмешиваться, – предупреждает Логан. – Стряхнул пепел, делов. Пиво мне купила?

Они передают друг другу пиво, я слышу щелчки, когда открываются банки, слышу, как жадно глотают. Логан опережает всех.

Потом рядом со мной кто-то рыгнул, а Гэвин рассмеялся:

– Фу, мужлан!

– Поехали! – Наташа включила двигатель.

И мы поехали, и снова я не могла понять, как долго мы едем. Я сидела между Колин и Логаном, автомобиль наполнился дымом и запахом алкоголя, музыка орала так, что никто друг друга не слышал. А мы все ехали и ехали, нарезали круги, мне казалось, часами. Я подумала, они хотят сбить меня со следа, чтобы я не поняла, куда мы в итоге едем, но могли бы не стараться: я дезориентирована с той минуты, как меня втолкнули в машину. На то, чтобы запомнить дорогу, мне бы смекалки не хватило. Я слышу их болтовню – разговаривают так, словно меня тут и нет, – и вспоминаю, как несколько часов назад я наряжалась, взволнованно готовясь к вечеринке, к новой жизни. А теперь у меня на бедре выросла кучка пепла от сигареты Логана – там были и горячие искры, но теперь пепел остыл, и у меня в душе все застыло.

Не знаю, что они задумали. Если хотели посмеяться, унижить, так давно своего добились. Если же они готовят что-то еще, если это была только прелюдия, то мне и минуты не выдержать. Ноги трясутся. Была бы на мне разумная человеческая обувь, кеды, а не эти шпильки, я бы еще

попыталась сбежать.

Я не могу себя контролировать. Я плачу.

– Тише! – вдруг говорит Логан, обрывая разговор. – Выключите музыку.

Я смолкаю.

– Ты там ревешь, что ли, Заклейменная?

Он прислушивается. Я чувствую его дыхание на плече, на шее.

Все смеются.

– Нет, ты правда поверила, что я пригласил тебя на день рождения? – спрашивает он. От него веет холодом. – Как ты могла купиться? Мне вообще-то девятнадцать. Я уж испугался, что Пиа нам все испортит – напечатала про то, как ты собираешься на вечеринку, – но она не назвала имен, а если ты кому-нибудь потом расскажешь, тебе не поверят. Мой отец – пастор, и мать тоже. Говорят, скоро она станет епископом. Первая женщина в стране. Мы – респектабельная семья, – говорит он с напором.

– Родители-то да, – комментирует Гэвин и смеется. Наташа вторит ему.

– Мы тебя так и будем звать: Иисус, – предлагает Наташа, и они снова заливаются смехом.

Я чувствую, как Логан каменеет от злости. Страшно подумать, как отыграется он на мне за это унижение. Колин сидит по другую руку от меня и всю дорогу молчит. Я рада, что она здесь, она из всей компании самая приличная, но я слышу, как она дует пиво, банку за банкой, слышу, как вновь и вновь открываются банки. Набирается храбрости. Но для чего? Вот что меня беспокоит. И, хоть она отговорила их совать меня в багажник, я с нее ответственности за все происходящее не снимаю. Кстати, а где моя сумочка? Присвоили, наверное.

– На, Заклейменная, выпей глоточек, – говорит Логан и сует мне под нос открытую банку.

– Ей запрещено пить спиртное! – резко напоминает Колин.

– Да-да, а родителям Гэвина не нравится, что он спит с мальчиками, а ему хоть бы что, – говорит Логан, и Гэвин в ответ толкает его, так что пиво расплескивается по моей груди и ногам.

– Пей, Заклейменная.

Он приподнял край мешка, поднес банку к моему рту. Я отворачиваюсь, стискиваю губы. Он выпускает свой пронзительный смех и другой рукой, никотиновыми пальцами, хватает меня за подбородок, раздвигает губы и вливает пиво. Попало не в то горло. Я закашлялась.

Он хохочет, но все же опускает край мешка и допивает содержимое

банки сам.

– Налево! – командует вдруг Гэвин. Предварительные игры закончились, сейчас они приступят к главному, что уж там уготовили для меня.

Я не понимаю, где мы. Мне кажется, мы ехали два часа, а то и больше, а может быть, всего один час. Я потеряла представление о времени. Мы двигались круто вверх. Неужели выехали из города в горы? И здесь они меня бросят? Как я доберусь домой? Я опоздаю к комендантскому часу. Мне конец. Нашей семье конец. Снова я всех подвела. А потом я думаю, выберусь ли я вообще отсюда. Хватит ли им задора убить меня. Вон они сколько выпили: что бы они там ни задумали, у них может все пойти вкривь и вкось.

Вдруг я вспоминаю Арта, с тоской и любовью. Он не такой, как эти парни, он всегда меня защищал. Всегда... до этого. О, если бы он сейчас пришел мне на помощь! Но мы ехали и ехали, и никто не спешил меня спасать. Он мог остаться в городе и разделить со мной беду, но он предпочел скрыться.

– Проснись! – Логан пнул меня в щиколотку, я вскрикнула, подтянула ноги к животу, подальше от Логана, поближе к Колин. Но почувствовала, как она отстранилась от меня.

Машина наконец остановилась, двери открылись. Хлынул свежий воздух, отступили запахи дыма и пива, я снова могу дышать. Логан вытащил меня из машины, я вспомнила про платье, подол короткий, наверное, до самой талии задрался. Попыталась, как могла, стряхнуть его, чтобы упал ниже. Под ногами неровная почва, камешки, я не успеваю на каблуках. Дважды подвернула ногу.

– Снимите с нее дурацкие туфли! – распоряжается Наташа.

Туфли сдирают, теперь я ступаю босыми ногами по камням. Шрамом по земле – напомнить мне, что и стопа моя заклеимена.

– Мне идет? – спрашивает Наташа, и Гэвин присвистывает.

Меня тащат в гору, я задыхаюсь, ругаюсь: камни острые. Сквозь мешок не видно, куда я ступаю, и света совсем уже нет. Стемнело. Час поздний. Может быть, я уже опоздала к комендантскому часу.

– У меня комендантский час, – решаюсь я сказать. – Отпустите меня домой.

Они примолкли.

– Когда у нее комендантский час? – спросила Наташа.

– В одиннадцать, – ответила Колин.

– Сейчас пол-одиннадцатого, – сказала Наташа.

– И что? – огрызнулся Логан и поволок меня дальше.
– Надо заканчивать.
– А то что?
– А то... что с ней будет, Колин? – спросила Наташа.
– Комендантский час – это серьезно. Ее накажут. Ее снова вызовут в суд.

Логан хохочет.

– Нет, послушай, это серьезно, – настаивает Колин. – Накажут не только ее, но и родителей. У меня братьев забирали на неделю. – Голос ее дрогнул.

– Я с ее предками не знаком, – говорит он. – Плевать мне на них.

– Сюда, – говорит Гэвин, и все останавливаются.

Слышно, как отпирают дверь.

– Заходи, – негромко велит Колин, и я делаю шаг вперед, ступаю на доски. В босые ноги тут же вонзаются занозы. Пахнет сыростью, мхом. Какой-то старый сарай. Под ногами земля и грязь. Все вваливаются вовнутрь, дверь закрывают, снова запирают замок. Логан сильно толкнул меня, и я чуть не упала ничком, но сумела удержаться на ногах. Врезалась в стену, ударилась о черенок лопаты или грабель.

– Чего Заклейменная в бассейне кочевряжилась? – спросил Логан.

– Не хотела раздеваться, – ответила Наташа.

Я съежилась, прячась от них.

– Нет! Пожалуйста, не надо!

Кто-то оттолкнул меня от стены, расстегнул сзади молнию на платье. Я задержалась, но Наташа крепко держала меня. Я чувствовала ее хваткие ладони на моих руках. Впилась ногтями мне в кожу.

Платье упало к моим ногам. Я стояла посреди сарая в лифчике и трусах. Я снова заплакала. Спрятаться негде.

– О'кей, мы это сделали! – поспешно сказала Колин. – А теперь пошли.

Кто-то присвистнул.

– Заткись, Гэвин, она – Заклейменная. Дерьмо.

– А по мне, так просто девчонка в трусиках.

– Ты на шрамы погляди, – где-то у моего лица проговорила Наташа. Изучает тот, который на груди. Я с трудом сглотнула. Хотелось скрестить ноги, обхватить себя руками, как-то укрыться.

Гэвин и Наташа обсуждали меня так, словно я не могла их слышать. Логан ни слова не произнес, и это меня особенно пугало. Изучали шрамы, приподняли мою руку, потом ногу. Мешок с головы пока не снимали.

Не хотят видеть, что у тела есть голова, есть душа.

– Не хочешь посмотреть, Колин? – заговорил наконец Логан. – Впрочем, ты это уже видела дома.

– Отвратительно. Я ухожу, – сказала Колин. Дверь открылась, пахнуло свежим воздухом, я услышала шаги Колин – прочь от сарая.

Оставила меня наедине с этими. Дрожь сотрясала все тело. Мне страшно и холодно.

Потом, задним числом, я сообразила, как следовало поступить. Нужно было драться, кричать, попытаться сбежать, но я словно примерзла к полу. Они били в одну точку: знали, как больнее всего меня унижить, как я стесняюсь своего тела. Я не хотела, чтобы меня кто-то увидел, вообще никто, и вот я стою почти что раздетая, а трое, кого я считала будущими друзьями, светят фонарями и рассматривают такие уголки моего тела, на которые я и сама не решалась взглянуть. Сквозь мешковину я вижу вспышки: они фотографируют шрамы и мало ли что еще. Обсуждают между собой, словно меня тут и нет, какая у меня скверная кожа, фу! Они ведь разошлют фотки другим ребятам из школы. Глядишь, и на первую полосу, в очередную статью Пиа попадет.

Кто-то обходит меня со спины. Шаги легкие, должно быть, Наташа.

И вдруг она резко выдыхает.

– О боже! – говорит Наташа. – Вы на копчик ее посмотрите. Идите сюда.

Они толкаются у меня за спиной, мешая друг другу.

– Ого! – восклицает Гэвин. – Черт, на этот раз ей было здорово больно. Видите, он не такой аккуратный, как прочие. Пойдите, сколько же их всего?

Они пересчитывают шрамы, пересчитывают мои пороки.

– Шесть? – изумленно переспрашивает Логан. – Но говорили только о пяти.

– Пять – и так больше, чем у всех, – напоминает Гэвин.

– Три – самое большее, что было, – поправляет его Наташа. – А у нее шесть. – Ее голос вдруг упал до шепота. – Наверное, нам не полагалось об этом знать. – Она, похоже, занервничала.

Настроение ребят заметно переменилось. Я чувствую, они вовсе не получают от своей затеи того удовольствия, на которое рассчитывали. Им стало неловко. Реальность оказалась вовсе не такой, как они ожидали. Мои шрамы – следы боли. А боль в теории и на практике – очень разные вещи. Кажется, их это отрезвило. Эта мысль вернула мне силы. Я прошла через такое, о чем они и думать боятся, они притащили меня сюда, чтобы

поиграться со своими страхами. Проникнуться ими. Понять. Возвыситься над страхом. Посмеяться над ним. А я – я этот ужас пережила. Моя очень реальная трагедия – вот что пугает их. Мне же она придает силы.

– Который час? – спросила я. Надежда еще жива.

– Успеешь добраться домой, не бойсь, – говорит Наташа, стараясь казаться крутой, но страх слышен в ее голосе. – Ладно, с меня уже и хмель соскочил. Что-то скучновато. Жрать хотите?

– Ага! – отвечает Гэвин так поспешно, что я чуть не ухмыляюсь, благо лицо скрыто мешком.

– Логан, едем? – окликает Наташа заводилу.

– Идите, я за вами.

Я чувствую: эти двое не уверены, боятся оставить нас наедине.

– Да идите же! – повторяет Логан, ему не терпится заполнить меня в полное свое распоряжение.

– Ты только не...

– Чего – не?

Гэвин приостанавливается.

– Ты же не это самое, ну...

– Обижаешь, Гэвин. Она – Заклейменная, грязь, я бы до нее и палкой не дотронулся.

– Не лсти себе, – отвечает Гэвин, и они с Наташей хохочут. – Ладно, главное – прибери тут, не то меня дед убьет.

Затяжное молчание, удаляющиеся шаги. Я осталась один на один с Логаном. Это очень опасно.

– Пожалуйста, не трогай меня! – твержу я.

– Я тебя и пальцем не трону, – говорит он мне в ухо. – Ты омерзительна. Ты любому парню будешь противна. Тебя никто не захочет.

Он кружит вокруг меня, замедляя шаг. Спасибо и на том, что он меня пальцем не тронет, но что же он собирается со мной сделать?

– Знаешь, что такое вретись? – спрашивает он вдруг.

– Нет! – всхлипываю я.

– Они тоже понятия не имеют. Для них это все тупая забава, они не знают, в чем символический смысл. – Станный у него сделался голос. Как будто лекцию читает или проповедь. – Пепел и вретись в ветхозаветные времена были символом унижения, горя и покаяния. Если человек хотел показать, что он раскаивается в грехе, он надевал грубую одежду, садился в пепел, посыпал голову пеплом. Пепел означает разорение и гибель.

Я склоняю голову, сполна чувствуя свое унижение, но Логан все еще продолжает монолог, кружа вокруг меня.

– Когда Иона объявил жителям Ниневии, что Господь намерен уничтожить их за их нечестие, все от царя до последнего подданного покаяться. Они постились и лежали во прахе. Они надели вретище даже на скот. Бог увидел искреннее раскаяние, смирение в их сердцах и сжалился, не стал их губить. Пепел и вретище – это символы перемены сердца, доказательства искреннего покаяния.

Он смолк, перестал кружить. В сарае стало совсем тихо, только и слышалось мое тяжелое дыхание под колючим, удушливым «вретищем» да стук моего перепуганного сердца.

– Бог намного милосерднее меня, Заклейменная, но, если ты покаешься, может, я тоже сжалюсь. А если не покаешься, я запру тебя здесь на всю ночь и никто тебя не найдет. Опоздаешь к комендантскому часу, мне плевать, что будет с твоей семьей, – пусть их хоть всех заклеят, мне-то что.

Я прикусила губу, слезы ослепили меня. Маленький Эван, он перепугается до смерти, как могла я навлечь такую угрозу на своих близких...

– Ты меня слышала, Заклейменная!

Слышала. Знаю, что он так и сделает. Осуществит свою угрозу, все до последнего слова. Я словно вновь очутилась в камере Клеймения, когда судья Креван кричал мне в лицо: «Покайся!» Тогда я упорствовала, потому что думала: со мной покончено, хуже не будет. Я не могла признать себя виновной, тогда не могла, но правила изменились, стало еще хуже. Стало совсем плохо, и у меня нет сил для борьбы.

– Да! – Я саму себя оглушила этим криком.

Он сорвал мешок с моей головы, я рада вдохнуть полной грудью, если бы еще не этот его взгляд.

– Каешься? – спрашивает он.

Я киваю.

– Отвечай! – Он повысил голос.

– Да-да! – всхлипываю я.

– Скажи, что сожалеешь обо всем! – настаивает он.

– Сожалею.

– Скажи, что ты виновна! – торопится он, и я чувствую, от этого он получает куда больший приход, чем от пива и от того, что они курили, – что бы это ни было.

– Я виновна.

– Становись на колени и моли меня о прощении.

Я запнулась.

– Ну же!

Я опускаюсь на колени.

Он зашел мне за спину и наконец-то развязал руки. Я тут же вытянула их вперед, стала массировать запястья. Совсем онемели, болят. Глядеть в глаза Логану я не могу.

– Говори! – орет он.

– Я не знаю, что...

– Моли меня о прощении. Сложи руки, как на молитве, как в церкви. Ну!

– Пожалуйста! – рыдаю я. – Отпусти меня! Я сожалею! Я виновна. Я раскаиваюсь. Только отпусти меня домой! Мне нужно успеть домой.

Он усмехается, вроде бы удовлетворенный, швыряет мне платье.

Я с трудом натягиваю платье, радуясь, что все закончилось, спеша поскорее укрыть от его взгляда свое тело. Он следит за мной, стоя в дверях. Может, я для него грязь и мерзость, но он с меня глаз не сводит.

– Кстати, Заклейменная, до комендантского часа осталось двадцать минут.

Он захлопнул дверь сарая, задвинул засов, и я услышала, как гремят ключи: он запер меня снаружи.

Я слышала, как отъехала машина, и оглядела темную комнату, подсвеченную лишь в одном углу лунным лучом. Выхода не было.

– Нет! – вскрикнула я и заплакала. В тот миг я сдалась. Капитулировала. Забилась в угол и плакала. В запертом сарае, на горе, неизвестно, как далеко от дома. Кричи – никто не услышит. Но ко мне вернулась способность соображать. Наташа говорила, что я успею вернуться, значит, я не так далеко от дома, и мне тоже казалось, что мы не уехали далеко за город. Какое-то время мы ехали в гору. В сарае садоводческие инструменты. Значит, вот я где: это участок на горе, в нескольких минутах пешком от моего дома. В такой поздний час на участках никого нет, но я все же попыталась докричаться хоть до кого-нибудь. Я орала, пока не сорвала глотку, голос сел. Но, как ни бейся, снаружи крик почти не слышен. Никто меня не услышит, словно меня тут и нет.

Я сорвалась, поддалась панике, я бросалась на дверь, толкала ее, дергала, но толку-то – заперта снаружи. Я колотила в дверь лопатой, но и это не имело никакого смысла, выломать дверь – на это у меня сил не хватило бы.

Высоко виднелось узкое окошко. Будь оно расположено горизонтально, я бы смогла протиснуться, но как забраться на такую высоту и пролезть в него под таким углом? Если и выберусь, упаду на ту сторону точнехонько вниз головой. Но других вариантов не оставалось. Нужно было что-то делать.

Лопатой я выбила стекло. По возможности убрала осколки. Нагромодила на сундук с инструментами ящики с растениями и мешки компоста, чтобы долезть до окна. Соображала быстро, понимая, мучительно понимая, что время на исходе. Я подтянулась, накрыла подоконник мешком, чтобы не порезаться битым стеклом, просунула голову – ура, свежий воздух! Этой малости хватило, чтобы меня ободрить: я справлюсь. Начала подтягивать, даже сквозь мешковину царапая живот, втягивая в себя воздух, шипя от боли. Дотянулась до забора у самого сарая и, уцепившись за него, протащила сквозь оконце все тело. Вцепилась в забор так, словно жизнь моя висела на волоске, ободрала о шершавое дерево ладони, пальцы. Но вылезла и повисла, держась за ограду, а потом разжала руки и упала, камешки больно впились в ноги, на миг я присела,

переживая боль. Огляделась по сторонам, соображая, где я. Знакомая гора. Здесь Арт ждал меня на свидание – не на участках, но поблизости. Хотя каждая минута была на счету, мне захотелось глянуть на наше с ним место. Больше я никогда не попаду сюда в такое время, и ведь это совсем близко. И какой-то инстинкт подсказывал мне, что завернуть туда непременно нужно.

Всего минута бегом – и, добежав, я поняла, что поступила правильно. Две фигуры виднелись на том самом месте, где прежде мы встречались с Артом. Быстро же нашлась замена. Это место, которое, как мне казалось, принадлежало только нам двоим, оккупировала другая пара. Очень похожая на Арта и меня.

Да ведь это и есть Арт. И девушка с ним – вылитая я.

Я, какой я была прежде, – счастливая, сияющая, смеющаяся. В ее мире никаких бед не приключилось. Но это не могла быть я, потому что вот же я стою: босая, с ободранными ногами, рыдающая, вся в синяках. Бегу, чтобы спасти остатки своей жизни. Дерусь за эти жалкие остатки, а зачем, ведь последняя частица надежды, которая еще придавала мне сил, исчезла, высосана из моего сердца, и мне все равно, что будет со мной. Сердце пусто, и пусть делают со мной, что хотят.

Эта девушка – моя сестра.

Арт первым меня увидел.

И тогда я почувствовала слезы на щеках.

Его глаза, любимые мои глаза, смотрят на меня в ужасе. Только теперь – только теперь сердце разбилось. Отчаянная боль в груди. Я выдержала без стога первые пять Клейм, но сейчас я вскрикнула, потому что эта боль острее боли ожога. Хуже боли ожога, мучительнее пережитого в сарае унижения. Это страшнее всего, что было до сих пор.

Джунипер повернула голову вслед за Артом, и ее лицо – лицо предательницы.

Попалась. Слезы разом просохли, гнев овладел мной.

– Селестина! – Арт вскочил. – Что с тобой? Что произошло?

Он подбежал ко мне, чуть ли не в панике, но я понимаю: его не смущает, что я застала его с другой, его пугает лишь мой вид.

– Стой! – крикнула я, и он замер на месте.

– Господи, Селестина! – прошептала Джунипер, уставившись на меня, обеими руками хватаясь за лицо. – Что стряслось?

– Селестина, – повторил Арт, подходя ближе. Я отступила на шаг, и он снова остановился. – У тебя кровь? Где твоя обувь? Что произошло? Кто тебя так?

Я слышу искреннее чувство в его голосе, и горе, и гнев.

Джунипер присоединилась к нему. При виде этой парочки, бок о бок, я задохнулась от ярости.

– Знать вас обоих не хочу. Вы предали меня тогда и как же было не предать меня во второй раз. – И, обращаясь к Джунипер, попрекнула ее: – Значит, ты знала, где он прятался все это время?

– Да, но...

– Прямо здесь? – все еще не веря, переспросила я. Представить себе: он отсиживался в каком-то из этих сараев, и Джунипер приходила туда к нему, а меня только что заперли и мучали в таком же сарае. – Я же говорила, ты каждую ночь уходишь... – И тут до меня дошло. – Я знала, но верить не хотела. А ты... ты выставила меня лгуньей.

Теперь я поняла, почему все это время злилась на сестру. Кажется, я уже всё знала, вот только самой себе не признавалась.

– Селестина, это не так. Дай мне хоть слово сказать, объяснить. Я только помогала ему.

– Молчи! Вы оба лжецы! – заорала я, и Арт отшатнулся, отвел глаза, не решаясь спорить.

– Это не то, что ты подумала... Она помогала мне прятаться, мы вовсе не... ты же понимаешь... – забормотал он, в смущении приглаживая волосы.

– По-моему, вы тут неплохо устроились вдвоем, – сказала я, окидывая их взглядом.

– Да нет же, – сказал он. – Я тебе говорил: я не вернусь к отцу. Не могу – после того, что он сделал с тобой.

– Что он сделал? А вы двое – вроде как и ни при чем?

У Джунипер мои слова вызвали слезы. Арт сцепил челюсти, желваки заходили. Да, удар ниже пояса, но я так зла, я хотела бы причинить им такую боль, какой они в жизни не чувствовали, пусть хоть отчасти разделят мои муки. Я тосковала о нем каждый день и каждую ночь, а она все это время знала, где он. Могла рассказать мне, могла отнести ему весточку от меня, могла мне помочь, но предпочла помогать только ему.

– Хорошо устроились, – сказала я, осматриваясь. – Уютно. А вот мне, Арт, – мне нигде не скрыться. Нет для меня убежища. Мне приходится иметь с этим дело каждый день, лицом к лицу, в одиночку. У меня такой роскоши нет, как у тебя, – чтобы кто-то обо мне заботился, старался, как сделать мне лучше. Ты всегда умел найти желающих. Но ведь до конца жизни прятаться не станешь, Арт. Рано или поздно, а придется вести себя как мужчина.

Это его задело, я видела, – вот и хорошо.

– Ты всегда твердил, что не оставишь меня, но ты – трус, больше ничего. Оба вы трусы.

– Селестина! – прошептал он, и голос его надломился, словно всхлипом. – Я тоскую по тебе.

Это правда, я слышу, как ему больно. Пусть я дура, но я ему верю.

– Так почему же ты сидишь тут с моей сестрой?

– Дай объяснить, – повторяет он, теперь уже сердито: обиделся, что я затыкаю ему рот. Он шагнул ко мне, и я попятилась.

– Не могу. – Мне представилась очередная схватка с судьей Креваном в Трибунале, и силы вернулись. Нет, со мной еще не покончено. – Я не позволю вам снова сломать мне жизнь.

Осталось четыре минуты. Я повернулась и бросилась бежать.

Эти несколько минут слились в сплошной поток бивших мне в лицо веток и листьев, камней, на которые я ступала, острых сучьев, впивавшихся в ноги, собственное дыхание оглушало меня, я неслась под гору так быстро, как в жизни не бегала. На часы не смотрела, не теряла и секунды. Добежала до стены нашего сада, перелезла, приземлилась на траву – о, она мягкая словно мех по сравнению с тем, по чему мне пришлось сегодня ступать. Увидела в окно гостиной папу, маму и Мэри Мэй. Все смотрели на большие настенные часы. Папа расхаживал из угла в угол, мама прижала руки к груди, молясь о чуде, как недавно молилась и я. Я толкнула заднюю дверь и рухнула к их ногам, на колени, задыхаясь, плача, не в силах не то что вымолвить слово – дышать. Я даже толком ничего вокруг себя не видела, так кружилась голова.

Потом я подняла взгляд.

Минутная стрелка только что отметила первую минуту двенадцатого.

В отчаянии я оглянулась на Мэри Мэй – говорить все еще не могла, пыталась отдышаться.

– Одиннадцать ноль одна, – произнесла она.

Мама и папа оба вскрикнули – от гнева, от несправедливости.

И вдруг ожили часы на ее руке, подали сигнал. Она в растерянности поднесла их в глаза, вгляделась в циферблат. Вот как: наши часы чуть-чуть спешат. Разумеется, комендантский час наступает по часам надзирательницы. Мама и папа тоже это сообразили, замерли, смотрят на Мэри Мэй, дожидаясь от нее подтверждения.

И я смотрю на нее с пола, снизу вверх, меня вдруг разобрал смех. От смеха болят зашибленные Логаном ребра, но почему-то боль только

провоцирует смех. Я легла на пол и смеюсь, держась за бока, голова в крови, руки и ноги исцарапаны, иссечены, я смеюсь как безумная и не могу остановиться.

Успела.

Всех обошла.

Мобильный зазвонил в четыре утра, вырвав меня из кошмара. Мне снилось, будто я нахожусь в помещении для зрителей, а в камере Клеймения – Кэррик, уже привязанный к креслу. Ему не дали обезболивающее, он кричит, лицо его искажено мукой, но я не слышу крика, я только вижу его лицо, – наверное, это потому, что я никогда не слышала его голоса. Никогда не слышала. Я прижимаю ладони к стеклу. Рядом с Кэрриком в камере Клеймения вместо Тины, Джун, Барка и Фунара вчерашние Логан, Наташа, Гэвин и Колин.

– Ты кое-что утаила от меня, – слышу я в трубке голос Пиа. Низкий, настойчивый голос, не привычное ее чириканье в эфире, так что я не сразу поняла, что происходит, не сразу преодолела разрыв между явью и сном.

– Утаила? Что?

– Твоих родных вывели перед пятым Клеймом, но там еще кое-кто оставался. И он видел, что произошло. Верно?

И тут я разом проснулась. Села в постели, охнула от боли: здорово же меня Логан пнул.

– Что с тобой?

На миг я прикрыла глаза, сделала глубокий вдох, дожидаясь, чтобы прошло головокружение.

– Селестина!

– Тут я, тут.

– Мне известно, что ты спрашивала в замке также и мистера Берри.

Что-то она разнюхала.

– Это мой адвокат. Мне нужен его совет по моему делу.

– За последние дни ты оставила на его автоответчике семь срочных сообщений. Почему?

Я замерла. Как она это разнюхала?

– Мистер Берри присутствовал при Клеймении? – торопливо, настойчиво продолжает она. – Он все видел?

Как поступить? Я не уверена, что с Пиа стоит делиться. Не уверена, можно ли ей доверять.

– Кто там с вами?

– Никого. – Судя по звуку, она перемещается с места на место, что-то щелкает в телефоне, иногда голос исчезает. – Честное слово, Селестина, только я. Поверь мне.

Мурашки бегут по коже. Решающий момент: пан или пропал, если я доверюсь, а она мне лжет, я подвергну мистера Берри серьезной опасности. А после вчерашнего я вообще-то не верю никому. Но если я останусь одна, то кто же мне поможет справиться со всем этим?

– Пиа, я не готова играть по вашим правилам, – говорю я. – Мне нужно знать, зачем вы об этом спрашиваете.

Она что-то ответила, но я не разобрала.

– Что? Пиа, где вы? Связь очень плохая.

– Не важно. Думай, Селестина, думай. Ты что-то скрываешь от меня, а мне нужно это знать.

Как мне все это надоело! Каждый норовит что-то урвать от меня.

– Чего ради я стану вам рассказывать? – зашипела я в трубку, стараясь не разбудить домашних. – Чтобы вы опять все перевернули, как судье Кревану угодно? Правду он вам опубликовать не позволит. Если никто ничего не говорит, так на то есть причина: он избежал от всех свидетелей. И, вполне вероятно, сейчас он слушает наш разговор. Почему мне знать, может, вы пытаетесь меня подставить? Помогаете ему выяснить, не осталось ли свидетелей?

– Он не может подслушать этот разговор, – возражает Пиа, а голос ее то возникает, то исчезает, заглушенный щелчками. – Ты можешь мне довериться. Ты должна довериться мне, – повторяет она, на этот раз более отчетливо. – У тебя ведь больше никого нет, Селестина. Кто, кроме меня, сможет найти для тебя нужные сведения?

Я торопливо соображаю.

– А что взамен?

– Селестина! – Она переходит на визг. – Я пытаюсь помочь тебе.

– Нет, только самой себе.

– Хорошо, – вздыхает она. – Чего ты хочешь?

– Сведения об одном человеке.

– О ком?

– Его зовут Кэррик. – Фамилии я не знаю. – Он сидел в соседней камере.

– Тоже Заклейменный? Зачем он тебе?

– Это мое дело.

– Ему что-то известно?

– Нет, – солгала я. – Просто хочу его разыскать. У меня теперь друзей маловато, нужен кто-то, кто сможет меня понять.

– Ладно. Постараюсь выяснить, что смогу, но у него я интервью не брала. Его история никого не интересовала.

С ума от них можно сойти.

– Выясню и перезвоню тебе. А теперь подумай о том, что нужно мне, Селестина. Мне нужна информация. Полная информация. Был ли мистер Берри в камере Клеймения? Что он успел увидеть? По отчетам, его там не было. Это правда или нет?

Камера Клеймения. Одним словом она отбрасывает меня туда. Как я старалась вычеркнуть ее из памяти, но не получается. Она возвращается кошмарами, возвращается в те часы дня, когда я менее всего к этому готова, – боль, запах горелой плоти, страх – и я не знаю, куда бежать. Это может случиться в тот момент, когда папа положит мне руку на плечо и слегка сожмет, ободряя. Он не знает, почему я напрягаюсь всем телом от этого прикосновения, а я снова оказываюсь в кресле, и Тина точно так же прикасается ко мне каждый раз перед очередным ожогом. Вернуться мысленно в эту камеру сейчас, когда я спокойно лежу в своей постели, – меньше всего мне бы этого хотелось, особенно после событий вчерашнего вечера, столько боли и страха, хоть бы ненадолго об этом забыть. Но я подчиняюсь, я возвращаюсь в ту камеру. Запах и звук, страх и громко стучащее сердце, запястья и лодыжки сдавлены ремнями. Кровать орет на меня, слюна брызжет из-под его кроваво-красного капюшона.

– Да, мистер Берри был в камере Клеймения, – соглашаюсь я наконец. Она права, без ее помощи не обойтись. – Он сумел вернуться. У него в руке был смартфон. Он снимал.

А про Кэррика я не скажу ей ни слова. Нужно оставить кое-что и для себя.

– Снимал? Есть видео? О боже! Спасибо, Селестина, спасибо тебе!

И она отключилась.

Сердце частит, я вновь переживаю тот момент и пытаюсь сообразить, не наделала ли бед, упомянув съемку да еще и попросив разыскать Кэррика. Только бы она не подумала, что и Кэррик как-то причастен, только бы не навлечь на него беду. Но и другого способа разыскать его у меня не было.

Я совсем проснулась, сцена в камере Клеймения ясно стоит у меня перед глазами, и вернуться в сон невозможно. Голова гудит, сказывается тот удар о дверцу автомобиля, на лбу взбухла шишка. Во рту пересохло. Я выползла из постели, не слишком-то уверенно держась на ногах, закуталась поверх футболки в чересчур большой кардиган и пошла на кухню.

Спустившись на кухню, я напрямик устремилась к холодильнику за водой. Открыла дверцу, почувствовала какое-то движение за спиной –

оглянулась: в углу, в темноте, сидела, наблюдая за мной, Мэри Мэй. Единственным источником света ей служила лампочка под вытяжкой, однако в руках она держала книгу, закрывая ее обеими руками. Впервые я увидела ее руки без кожаных перчаток. Она улыбнулась, довольная, что сумела застать меня врасплох, хотя вид у нее был усталый.

– Что вы тут... то есть почему... вы остались здесь на ночь? – забормотала я.

Она окинула меня взглядом, медленно, с ног до головы, так что я невольно потуже закуталась в кардиган. Жуткая женщина.

– Принимая во внимания события прошлого вечера, я сочла за лучшее остаться. У тебя большая шишка на голове, – добавила она.

Я машинально дотронулась до ушибленного места и передернулась. Саднит. Мне бы воду и таблетку от головной боли. Мэри Мэй не сводила с меня глаз, пока я искала все, что мне требовалось.

– Вы беспокоились, нет ли у меня сотрясения?

– Нет! – рассмеялась она, вовсе не весело – жестоко, она смеялась надо мной, словно я – безнадежная дурочка, таких ей еще видеть не доводилось. – Хотела убедиться, что ты находишься там, где тебе следует находиться. Не нарушаешь правила. Я знаю, что бывает с человеком после подобных событий.

– Что вы имеете в виду? – я заглотала таблетки и воду.

– Месть! – сказала она. Холод и тьма плеснулись в ее глазах, и я вспомнила, как она обошлась с сестрой, выдала ее Трибуналу, а потом и всех своих родных, поскольку те от нее отвернулись.

– Поэтому вы так поступили со своей семьей? – спросила я. – Из мести?

– Нет, – ответила она и глазом не моргнув, ничуть не смутившись этим личным вопросом. – Сестру я поймала с моим парнем, на нее я действительно донесла из мести.

Уж слишком это похоже на мою ситуацию. Не провоцирует ли она меня? Может быть, знает про Арта и Джунипер? Нет, не может быть. Знала бы – Арта давно бы уже разыскали.

– Мои родные... – Она отвернулась, в ее голосе послышался намек на горечь, впрочем, лишь на мгновение. – Другого выхода не было.

Меня затрясло.

Она снова пригляделась ко мне:

– Доктор Смит сказал, переломов нет.

– Нет. Ничто не пострадало, кроме сердца, гордости и веры в людей. Но ведь это вас не интересует?

Я выдержала ее взгляд, глаза Мэри Мэй были черными в темноте, и мне показалось, что она все понимает.

– Нет, – спокойно ответила она, вновь утыкаясь в книгу. Я узнала обложку: это была Джейн Остин. – Не интересуется.

На следующий день явилась Пиа. Не считая поездки с папой в полицейский участок – та еще драма, – я провела день, свернувшись клубком в постели. Все еще болели ушибы, но пришлось встать, надеть какие-то темные вещички, по возможности не прилегающие к телу, и выйти в библиотеку. Я ожидала увидеть Пиа в одной из ее шикарных персиковых прямых юбок и в блузе под цвет, но она блуждала по библиотеке, а не сидела в кресле, и одета была в джинсы, кеды и толстовку с капюшоном.

Я с изумлением уставилась на нее.

Она с таким же изумлением смотрела на меня.

– Что это с вами? – спросила я.

– Не важно. Ты лучше скажи, что с тобой?

Синяк на лбу налился, что спелая груша, – неправдоподобная шишка, словно в мультике, теперь он переливался от фиолетового оттенка к желтому. Лицо все ободрано сучьями, ветки здорово меня исхлестали, пока я слепо ломилась сквозь ночной лес.

Я опустилась в кресло, поморщившись от боли в животе. Ребра целы, но болят, словно треснули.

– Селестина! – тревожно повторила она. Я готова поверить ей и перестать прикидываться – она, кажется, и в самом деле напугана. – Что случилось?

Я вздохнула.

– Никакой вечеринки не было. Это была ловушка.

– Тебя заманили в ловушку?

– В засаду – так будет точнее. – При одном упоминании глаза наполнились слезами. Слишком еще болит – и тело, и душа. Каждое мое движение – сквозь пепел.

– Кто? Парень, который тебя пригласил?

– Логан Трилби. Л-О-Г-А-Н, – медленно, по буквам, повторяю я. – Т-Р-И-Л-Б-И. Не хотите записать? Ах, конечно же нет – нельзя писать о том, из-за чего меня могут пожалеть.

Ее глаза вспыхнули гневом, но сердилась она не на меня.

– Тебе не нужна жалость, Селестина.

– Вообще-то нужна, – возразила я, чуть ли не смеясь. – Я бы хотела,

чтобы меня жалели, тогда я бы поверила, что люди – это люди, а не то, во что они все превратились.

Она опустилась в кресло, но не так изысканно и воздушно, как в прошлые дни, – сидит на краешке, ноги расставила, уперлась локтями в колени. Пока до самого доньшка не докопается, не отстанет.

– Что они с тобой сделали?

– Хотели меня унижить.

– Им это удалось?

– Вполне.

– Расскажи мне все. – Она говорит со мной мягко, терпеливо, но подспудно в ней чувствуется необычная настойчивость.

Куда подевалось расчетливое спокойствие, не изменявшее ей в прошлые наши встречи? Когда она явилась к нам первый раз, это была Пиа с Первого канала; потом я имела дело с «неофициальной Пиа», но эта – опять какая-то новая женщина, такой Пиа я еще не видела. И хотя прежде я не раз по наивности давала себя обмануть, этой новой Пиа я верю.

– Надели мне на голову мешок, связали, били и пинали ногами, посыпали пеплом, раздели, заперли в сарае. Примерно такой отчет.

Я не стала упоминать, что мне влили в рот алкоголь: за выпитое, пусть не по собственной воле, спиртное меня бы и наказали. Не хотелось рисковать, даже с такой новой Пиа.

Она прищурилась:

– Кто это сделал? Он бы один не справился.

Я рассказала подробнее. Пиа откликалась – с гневом, огорчением, состраданием, всякий раз правильно, и в итоге я прониклась.

– И что теперь?

– Ничего. Мой отец добился, чтобы сегодня все явились в участок – Наташа, Логан, Гэвин и Колин. И их родители, за исключением Ангелины. Родители Логана поручились за него. Сказали, что он не мог быть к этому причастен, потому что провел вечер в кружке изучения Библии.

– Он им солгал, а они поверили?

– Они сами солгали. Они сказали, что он был в кружке вместе с ними.

Она на миг опешила.

– А другие ребята?

– Наташа и Гэвин свалили все на Колин, мол, это она задумала в отместку за то, что случилось с ее мамой – как она считает, из-за меня.

– Что с ней случилось? – На миг вновь включился профессионал.

– Об этом не будем. Отец Наташи – известный юрист, он пустился

толковать о правах человека и том, что его дочь защищалась от Заклейменной. Полиция ничего предпринимать не будет, сказали, пусть разбирается школа. Папа чуть не рехнулся. В итоге Наташу и Гэвина отстранили от занятий на два дня, а Колин исключили из школы, но это уже все равно, потому что Боба Тиндера уволили из газеты...

– Это я знаю, можешь мне поверить! – перебила она, и я заметила, как мечется ее взгляд. Вероятно, так же метались и мысли.

– Я и забыла, он же был вашим начальником. Словом, они переезжают, это вы, наверное, тоже знаете, так что исключение ничего не значит, Колин в любом случае переходит в другую школу.

Она покачала головой, потрясенная.

– Пиа, меня еще вот что беспокоит. Вчера, когда они меня раздели... – Ком подкатил к горлу, словно я вновь пережила это унижение. – Они фотографировали. Они видели шестой шрам и располагают доказательством.

Пиа сосредоточилась, быстро обдумывая ситуацию.

– Но они перепугались, после этого они оставили меня в покое, так что, наверное, сообразят промолчать, но рано или поздно все выйдет на свет. Наташа проговорится несомненно, ей хоть заплати, она не сумеет сохранить секрет.

– Но видеосъемки у них нет, – сказала Пиа. – Нам нужна съемка. И как можно скорее обнародовать эту историю. – Она встала и вновь принялась расхаживать. – Опередить их, пока они не проболтались. Пока судья Креван не прослышал и не постарался замести следы, впрочем, он, наверное, уже и сейчас этим озабочен. – Она огляделась, как будто боясь, не подслушивают ли нас. – Сегодня я узнала, что деятельность Кревана будет расследоваться. Пока это внутреннее расследование, – почти шепотом сказала она. – Твой приговор, история Ангелины Тиндер, Джимми Чайлда, доктора Блейк – люди начинают недоумевать.

– Кто это – доктор Блейк? – Имя мне уже знакомо: дедушка упомянул его во время процесса, сказал, что мне нужно поговорить с доктором Блейк и с кем-то еще.

– Доктор Блейк – врач, которая поставила неверный диагноз его жене, – ответила Пиа. – Твой дед заговорил со мной на суде, посоветовал поднять ее дело, а я оборвала его, подумала: сумасшедший старик. Но после знакомства с тобой я все же проверила. Доктор Блейк не распознала вовремя рак у Энни, жены Кревана. И как раз перед судом над Джимми Чайлдом Креван вынес ей приговор. Ее заклеили вовсе не за это, а за личный проступок, как и Ангелину Тиндер, то есть с виду это

не имело никого отношения к смерти Энни. И я тоже не видела связи, пока твой дед не подсказал.

Мой замечательный дедушка, подумала я с гордостью. Он стоял за меня, а я, как все, считала, что уж очень он преувеличивает. Но если он прав насчет доктора Блейк – в чем еще он прав?

– Креван превратил Трибунал в свое орудие, – подытожила я.

– Видимо, он долго планировал расправу с доктором Блейк. А когда все получилось как задумано, это придало ему решимости для суда над Ангелиной и для оправдания Джимми Чайлда. И это ему тоже сошло с рук, но люди начали задавать вопросы.

– Трибунал над Трибуналом? – прищурилась я.

Она слабо улыбнулась в ответ:

– Что-то в этом роде. Частное расследование публичной деятельности.

– Заранее могу предсказать результат. Трибунал обнаружит, что Трибунал всегда действовал уместно и правильно. Та-дам! Расследование закончено.

– Расследуется деятельность только судьи Кревана. Члены правительства обеспокоены: он превысил свои полномочия. Ведь изначально Трибунал был создан как временное учреждение для исправление пороков, но он рос слишком быстро и приобрел огромную власть, правительство не успевало его контролировать. Теперь уже стираются границы между законами и правилами Трибунала, и государство хочет вернуть себе свои прерогативы.

– И такие люди, как Эниа Слипвелл...

– Вот именно. Это она добилась, чтобы была создана комиссия для частного пересмотра некоторых дел.

– Частного, – повторила я. – Умеют же замечать следы эти совестливые и рациональные люди.

– Не все так храбры, как ты.

В ее голосе, к моему удивлению, не было сарказма.

– Знаешь, – продолжала она, садясь, – в интернете появилась новая журналистка. Очень быстро набирает популярность.

– Ревнуете?

– Чуть-чуть, – улыбнулась Пиа. – Она – твоя поклонница.

Это меня удивило.

– Как ее зовут?

Она протянула мне свой планшет.

– Лайза Лайф.

Я фыркнула.

– Она на твоей стороне. Работает на новом сайте новостей X-IT. Каждый день миллионы читателей.

Пиа отыскала в планшете статью, показала мне. Заголовок: «БУДЬ Я ГЕРОИНЕЙ, СТАРИК ОСТАЛСЯ БЫ ЖИВ. Я НИЧЕГО НЕ СМОГЛА СДЕЛАТЬ». Ниже – трогательная картинка: я сижу у могилы Клейтона Берна, зажигая свечу, подпись: «Я помогла старику сесть». Я и не знала, что за мной в тот день кто-то сумел проследить. Могла бы вести себя поосторожнее, раз уж сумела удрать из школы и отправиться на поиски стражей и мистера Берри.

Дальше было о том, как мой поступок в автобусе превратил проблему Заклейменных в проблему прав человека. Смерть Клейтона Берна – первый зафиксированный случай смерти Заклейменного в результате общего невмешательства. Люди следовали правилам, но эти правила повлекли смерть человека. Процитированы слова Эния Слипвелл: «Я не могу одобрить поступок Селестины Норт, но ее действия и ее слова поднимают серьезный и важный вопрос, на который властям следует ответить. Раз нам приходится ставить под вопрос правило, запрещающее помогать Заклейменным, значит, настала пора пересмотреть всю систему».

Я присмотрелась к фотографии Эния и узнала в ней ту женщину с короткой стрижкой, которая кивала мне каждый день из толпы, оравшей и швырявшей в меня чем попало на пути через двор суда в замке Хайленд.

– А это Лайза Лайф опубликовала сегодня. – Пиа предъявила мне еще одну статью. «Логика и сострадание: идеальная пара. Мы нашли идеального вождя?»

На этой фотографии я, с виду сильная и решительная, стою перед судом. Не помню, чтобы я чувствовала себя так, как выглядела на этой фотографии. Такой девушке – нет, взрослой женщине – я бы и сама доверилась. Сильная, убедительная. Судя по ее лицу, точно знает, что делает. Как, однако, обманчива бывает внешность.

Пиа доставала из папки и бросала мне на колени газетные вырезки так быстро, что я не успевала читать – только выхватывала заголовки и фотографию, и уже на колени мне ложится следующая статья. Она разложила их на журнальном столике. Огромное количество. Мои фотографии, бесконечные рассуждения обо мне и мои высказывания – они мне знакомы, но я не узнаю за ними себя.

– Это все написала Лайза Лайф? – Я смущена, даже покраснела. Такая беззаветная поддержка!

– Нет, тут и многие другие. Я постаралась собрать столько позитивных статей, сколько успела. Но их гораздо больше, Селестина.

Поверить не могу: люди, которых я никогда не видела, так хорошо обо мне думают. Видели бы они меня в том сарае – на коленях перед Логаном, рыдающую, умоляющую, готовую отречься от всего...

Пиа попыталась рассеять мою мрачность:

– Ты понимаешь, что происходит? Понимаешь, каким влиянием ты обладаешь – а ты и не догадывалась!

Я горько рассмеялась, почувствовала, как смех болью отдается в ребрах, мучительно пульсирует в голове. Вчера я думала, что сумею отомстить Кревану, а сегодня весь день лежу, свернувшись комочком, и плачу от бессилия. Я проиграла.

– Власть? Влияние? Четверо одноклассников измывались надо мной, а полиции и школе и дела нет. Никто не поможет. Двое самых близких, самых любимых предали. Я даже выходить из дому не смею после одиннадцати вечера. Какое уж тут влияние, Пиа?

– И тем не менее. Ты прекрасно это знаешь: твоя сила не только в шестом Клейме, но и в том, за что ты его получила. В том, как ты поступила в автобусе, что говорила на суде, как противостояла Кревану. Я десять лет веду репортажи из замка и никогда не видела, чтобы ему так отвечали. А теперь укрепи свою силу ипусти ее в ход: она тебе скоро понадобится.

Сердце глухо стучит. Я пытаюсь собраться с духом.

– Я всюду искала мистера Берри. Звонила ему в офис, на мобильный, домой, по всем номерам, какие у нас есть, но нигде не берут трубку. Я ездила к нему домой – его муж ничего не знает. Говорит, он уехал несколько недель тому назад и с тех пор нет вестей. Ни с кем из своих клиентов мистер Берри не связывался, и с сотрудниками тоже. Они считают, что он внезапно отправился в отпуск, такое он и прежде проделывал, но я уверена, тут что-то другое, учитывая все, что нам с тобой известно, Селестина.

– А может быть, его муж знает, где он, да говорить не хочет. Всем известно, что вы работаете в газете Кревана. Кто ж вам доверится?

– Я сказала ему, что хочу выяснить правду. Он ответил, что не знает, где мистер Берри, и я ему верю! – отрезала она.

– Почему он не обратился в полицию?

– Потому что боится ее впутывать, – тихо ответила она. – И не думает, что полиция чем-то поможет.

Я с трудом перевожу дыхание.

– Так что же? Мистер Берри исчез сразу после суда – как Тина, как Джун, Барк, Фунар и Тони?

Она кивает.

– Вы думаете, он прячется или его схватили?

– Не знаю. Правда не знаю! Вчера я ездила к Тине: дом закрыт, но вся мебель на месте, словно жильцы съехали в одночасье. И дочка-подросток тоже исчезла, в школе не знают, куда она делась. Тина в разводе, отношения с родственниками не близкие, так что они за несколько недель не спохватились. Потом я звонила Барку, Фунару и Тони – их родные отказались со мной разговаривать. К ним я еще не ездила, надеюсь, лицом к лицу они окажутся словоохотливее, и тем не менее, судя по примеру мистера Берри и Тины, многого нам не выяснить: все боятся.

– Значит, и запись пропала? – Я чуть не расплакалась. – Исчезли все, кто видел, как мне ставили шестое Клеймо, и остается только мое слово против слова Кревана?

Но это не так, однако свой секрет я пока берегу: Кэррик был там, Кэррик видел. Поверит ли кто свидетельству Заклейменного? И не добрался ли Креван и до Кэррика? Знает ли он, что парень был там? Заметил ли его? Или теперь на очереди я сама? Пора мне встревожиться?

– Без доказательств я опубликовать эту историю не могу, – сказала Пиа. – Мне понадобится больше времени, чем я думала.

– Все еще не верите мне? – сердито спросила я.

– Разумеется, я тебе верю! – Она даже голос повысила и встала. – Ты представления не имеешь, чем я уже рискую ради тебя.

– Простите, – тихо ответила я ей.

Она провела руками по лицу, вид усталый.

– Не надо извиняться. Я же не услугу тебе оказываю – ты заслужила правду. Я вела репортажи из зала суда и писала о Заклейменных, потому что я в это верила. Не всегда своими словами говорила, но по крайней мере в самую суть происходящего я верила: нужно избавиться от тех, кто подрывает общество, рушит наши скрепы... Но после суда над Ангелиной Тиндер и Джимми Чайлдом... эти два странных приговора подряд, а теперь еще и твоя история и то, что я выяснила о докторе Блейк... – Она умолкла и покачала головой. – Все, чем я убеждала себя в прочих случаях, к тебе неприменимо. Это дело было подстроено с самого начала. – При этих ее словах у меня челюсть отвисла от изумления. – Сначала мне вменили писать о тебе как о героине, потом ты сделалась врагом общества. Бессмыслица какая-то. Мне кажется, Креван перешел черту. Он почувствовал вкус мести, когда ему удалось осудить врача, не сумевшего помочь его жене, и тут-то он раздухарился и проделал это снова, подтасовал обвинительный приговор Ангелине Тиндер

и оправдательный Джимми Чайлду. Судя по этим делам, он теряет рассудок и, думаю, еще много бед натворит, прежде чем остановится. Тем более что сейчас у него столько тревог. Арт исчез, Креван с ума сходит от беспокойства и винит во всем тебя: ты переманила на свою сторону его сына, ты привлекла нежелательное внимание к Трибуналу. Он-то хотел доказать всему миру, что Трибунал следует ввести в каждой стране. Он рвется на международную арену и сметет любого, кто станет у него на пути. Завтра он собирается издать новый указ: журналист, который благожелательно отзовется в статье о ком-нибудь из Заклейменных, будет осужден за помощь Заклейменным.

– Конец Лайзе Лайф. – И моим надеждам конец. – Что толку, если о Заклейменных будет благожелательно писать Заклейменный журналист?

– Пусть сперва попробует ее найти! – Пиа упрямо выпятила челюсть. – Это ему так с рук не сойдет. Мои коллеги спуску не дадут. Свобода слова – за это каждый журналист будет стоять до конца. Когда их хотят заткнуть, они только громче принимаются кричать. Он сам себе роет яму, Селестина, а поддержка в твою пользу ширится. Да тебе никакая Лайза Лайф не нужна, ты – самый храбрый человек, которого я знаю, ты и меня вдохновляешь, благодаря тебе я обрела свой голос.

Она обеими руками схватила мою руку и сжала. Я вспомнила, как в первую нашу встречу, в этой самой комнате, она побоялась прикоснуться к моей руке с Клеймом. Теперь она крепко держит ее, моя кожа прижимается к ее, мой шрам – к ее гладкой коже. Это правильно, и это меня глубоко трогает.

– Ты нужна движению, Селестина, но помни: ты ни в ком не нуждаешься. Никому не позволяй воспользоваться тобой.

С такой настойчивостью она это говорит, так переменялось ее обращение со мной, вся она так переменялась, что я с трудом это воспринимаю и все же догадываюсь: она пытается внушить мне нечто важное, нужно воспринимать каждое ее слово всерьез. Она снова вытащила из рюкзака папку, положила ее поверх разбросанных статей.

– Спасибо, что рассказала мне, как мистер Берри снимал в камере. Я очень ценю твое доверие. Понимаю, после всего, через что ты прошла, оно дается тебе нелегко, и ты и сейчас не вполне доверяешь мне.

Я виновато отвела взгляд.

– Ничего, я понимаю. Но я постараюсь тебя убедить. Вот сведения, которые ты просила достать. – Она схватила рюкзак с таким видом, словно отправлялась навстречу приключениям. – Я скоро, очень скоро снова свяжусь с тобой.

– Детей с собой берете? – спросила я.

Что-то блеснуло в ее глазах, напускная отвага дрогнула.

– Сейчас им безопаснее с отцом. Удачи, Селестина.

Я просмотрела статьи Лайзы Лайф, которые Пиа оставила на столе. То и дело я натыкалась на свои же собственные высказывания, на свои слова, в кои-то веки не выхваченные из контекста и не искаженные. Перечитав все это, я сообразила, что все эти слова от меня слышал только один человек... Пиа.

Пиа и есть Лайза Лайф.

– Я думала, вы меня ненавидите, – сказала я.

Она грустно улыбнулась мне:

– Было дело.

Ее честность достойна уважения, и я бы хотела показать ей, что я все поняла, я знаю, что она делает для меня. Прощаясь, я подумала: быть может, когда мы увидимся вновь, все будет позади, Креван уйдет.

– Если встретитесь по пути с Лайзой Лайф, передайте ей от меня сердечный привет и благодарность.

Она улыбнулась, видя, что я все поняла. На глазах у нее слезы. И она ушла.

– Уж не заболела ли Пиа? – спросила меня мама, когда я проходила мимо ее комнаты (дверь была открыта). – Как-то она сегодня на себя не похожа. В джинсах и ни одной нитки персикового цвета.

– Ага! – рассеянно ответила я, прижимая к груди папку со сведениями о Кэррике. Сердце грохочет: благодаря этой папке я уже словно оказалась совсем рядом с ним.

Я останавливаюсь в дверях и смотрю, как мама снимает через голову свитер и бросает его на кровать. Вся кровать завалена одеждой, словно мама вывернула на нее свой гардероб, только это не ее вещи, у нее таких никогда не было, и на каждой все еще висит магазинный ярлык.

– Что ты делаешь?

– Примеряю обновки.

– Ты ходила по магазинам?

– Доставили заказ, пока вы с папой были в участке.

Я вошла в комнату и начала перебирать вещички. Что-то меня смущало – что-то с этой одеждой было не так, но я никак не могла понять что. А потом сообразила: это не мамины вещи, они не ее цвета, они не того покроя.

– А по правде? Что ты задумала?

Мама со вздохом напялила красную футболку, прикрыв свой подтянутый живот.

– Пробую новый имидж.

Тут у меня челюсть отвисла. Да, конечно, мама чуть ли не каждый день пробует новый имидж, она же модель, но это на работе, а дома, в личной жизни, давно выработала свой собственный имидж и его придерживается. В нем все отточено и рассчитано до миллиметра, каждая деталь безошибочно и безукоризненно несет весть миру. И в этом мама тоже – идеал для многих. Ее наряды безупречны, все точно сидит по фигуре, подчеркивает ее прекрасные формы, цвет подобран в гармонии с нарядами всей семьи, покрой, где уместно, дерзкий, где нужно, скромный. Что называется, и в пир, и в мир.

Она натянула драные джинсы и пару потертых ботс – новых, они продаются в таком виде. Очень клевые, но не к этим джинсам. Все эти прикиды друг с другом не сочетаются, мама в них точно клоун. Она посмотрела в зеркало, взгляделась в свое отражение так внимательно,

что я не на шутку беспокоилась.

Нынче не одна Пиа переменялась, мама тоже, и не только ее наряды. Выглядит она по-прежнему идеально, макияж без изъяна, прическа волосок к волоску, но... приглядевшись внимательнее, вижу, как полыхает в ее глазах ярость, как сурово сжаты челюсти и даже намек на морщину между бровей. Неужели и эта идеальная оболочка дала трещину?

– Мистер Берри с вами не связывался? – спросила я.

Мама подняла глаза, попыталась разгадать, к чему я клоню. Вряд ли получится: искусству напускать на себя непроницаемое выражение лица я училась у нее самой.

– После приговора – нет, – ответила она. – Насчет шестого Клейма мы с ним советоваться не стали, как ты и просила. Можешь не волноваться.

Я особо и не волновалась, но так мне спокойнее.

– Он ничего вам не передавал? Не посылал?

– Счет! – фыркнула она. – Но ты же не об этом?

– Счет?

– Оказывается, если Трибунал признает тебя виновным, то адвокатский гонорар полностью ложится на тебя. А гонорары у них... Судья Креван ухитрился подобрать для нас самого дорогостоящего.

– Ох, мама! Прости!

– Это ты прости – я вовсе не хотела... разберемся, – вздохнула она, набрасывая поверх красной футболки гигантский лиловый кардиган.

– Но ведь твой контракт с Beauty Vox это покрывает? – спросила я. – Конечно, я когда-нибудь вам все верну, но сейчас-то не из чего.

– Селестина! – Она подошла ко мне, ласково заправила косичку за ухо. – Ты молодец, но мы с этим справимся. А у Beauty Vox теперь другая модель.

Сердце так и ухнуло. Beauty Vox была нашей кормилицей, эта компания по производству косметики давно славилась лозунгом «Безупречны снаружи, безупречны внутри». Вот уже десять лет мама произносит с экрана эти слова, она стала их олицетворением. Beauty Vox и мама – как сестры-близнецы, она лицо этой компании, ее голос.

– Поверить не могу, что тебе уволили, – в ужасе пробормотала я.

– Нет, не уволили, – ответила она, вытаскивая из мешка платье свободного покроя. Никогда прежде она такие не носила, говорила, что платье должно подчеркивать фигуру. – Но я просто не в силах больше твердить: «Безупречны снаружи...» – Голос ее пресекся, она так и не договорила прославленный девиз. – Что это вообще значит? Кому и зачем это нужно? Разве человек должен быть *безупречным идеалом*? –

Вид у мамы растерянный. Тревожный. Сбитый с толку. Но это лишь миг. Она тут же оправилась.

Я оглядела мамину спальню, пестрящую яркими цветами – свои привычные, пастельных, приглушенных тонов одежды она свалила на пол. Присмотрелась внимательнее и к маме. Она тоже не выходила из дому, пока я сидела взаперти, но, когда я вернулась в школу, она так и не вышла на работу. Теперь я вижу, какие проблемы я навлекла на родителей. Мамин огромный гардероб, прежде само совершенство, все распределено по цветам, сейчас просто жуть наводит.

Она вынула из волос шпильки, длинные волосы красиво рассыпались локонами по плечам. Мама принялась их ерошить.

– Что скажешь? – Она продемонстрировала мне свой окончательный выбор.

В жизни такого не видела, вырви глаз. Обижать маму не хочется, она и так на грани срыва, если еще не за гранью.

– Клево вполне.

Она удивилась, нахмурилась:

– Да?

– Ты же хочешь выглядеть клево?

– Нет, – отрешенно ответила она, разглядывая брюки в полоску, похожие на задние ноги зебры. – Вовсе не хочу. – Она нежно улыбнулась мне. – Нас пригласили в гости, в дом напротив: у Кэнди Креван новоселье.

– Кэнди Креван переехала в дом Тиндеров?

– Ага, под бок к братцу, чтобы присматривать за ним в трудные времена. – В голосе мамы не слышно ни нотки сарказма, хотя я понимаю, что фраза эта пропитана иронией. – Пойти я пойду, хотя бы ради твоего папы, ей всегда льстило, что у нее в доме бывает известная во всем мире модель. – Мама чуть зубами не скрежещет. – Я буду фланировать среди ее гостей в моем изысканном новом наряде. Пусть хорошенько рассмотрят. – Она уже почти рычит. – Скажу им, это мода будущего сезона. Надеюсь, они все ринутся по магазинам и через пару дней разоденутся как клоуны. Я им покажу «безупречны снаружи».

Она злобно сорвала с себя кардиган, футболка полетела в дальний угол комнаты, а мама вновь принялась за дело, перерывая коробку за коробкой. Проступившие на руках мышцы, сжатые кулаки выдают напряжение, но лицо ее – сама безмятежность. А я стою, гляжу на нее и никак не оправлюсь от изумления. Кэнди Креван – сестра судьи, владелица студии News-24, где работает мой папа, и Daily News – газеты, где работает Пиа, откуда только что выгнали Боба Тиндера. Если она окажется тут, через

дорогу, это катастрофа, катастрофа! Обложили со всех сторон. Они против нас.

Я вышла, предоставив маме самой искать наилучший способ выразить свой протест против учиненной надо мной несправедливости. Затея ее меня чуточку пугала, но сильнее была гордость за маму: она у меня тоже мятежник. Она ищет свой путь. И у нее, и у меня все в жизни изменилось.

Я спустилась на первый этаж и порылась в секретере в поисках счета от мистера Берри. Сама не очень понимала, зачем он мне, но вдруг обнаружится какой-то намек, шифр, который подскажет, где он спрятал видеозапись, а лучше бы нашлась сама видеозапись. Пока что я отыскала конверт и вытащила его из секретера.

Счет так и лежал в конверте. Я вынула его, пролистала. Сопроводительное письмо, разъясняющее подробно, по каким пунктам взимается плата, потом собственно счет и визитка. Я перевернула визитку и обнаружила небрежно записанный телефон. Пospешно сунула визитку в карман. Никаких личных сообщений, никаких подсказок, где может быть запись. Он даже не сам составлял счет, стоит подпись секретаря. Я еще порылась в конверте, но там было пусто. Я посмотрела каждую страницу на просвет, вдруг там проставлены тайные знаки? – но нет, это я детективов насмотрелась, а тут никаких тайн. Счет как счет.

Я присела к столу и открыла папку с делом Кэррика.

На самом верху – фотография Кэррика, сделанная в день ареста. Словно удар в грудь: он весь как есть на этой фотографии: его черные глаза, развернутые плечи, накачанные руки, точеный подбородок. Настоящий воин. Я провела пальцем по его лицу, сама удивляясь столь сильной своей реакции. Мы и знакомы-то были всего два дня, мы не обменялись и словом, и все же... Мы как будто успели сродниться.

А теперь этот призрак обретет имя, возраст и адрес.

Но «дело» оказалось столь же загадочным, как и сам этот юноша. Все, что я выяснила, – что зовется мой призрак Кэррик Уэйн, ему 18 лет, статус – ПСР, и я понятия не имею, что это значит, может быть, что-то вроде СО, ведь после того, как он был обвинен в измене общественным интересам и на груди его выжгли Клеймо, он ухитрился удрать от приставленного к нему надзирателя, ни разу не проходил предписанные тесты и находится в Самовольной Отлучке.

И я загадала: хоть бы Кэррик проскользнул в одну из тех щелочек, чтобы Крewan никогда его не отыскал.

Первый день моих надомных занятий. В 10 утра явилась мисс Докери. Нельзя сказать, чтобы у нас были особо близкие отношения, но она – учительница математики, и взаимное уважение мы друг к другу питали: она предоставляла мне самостоятельно справляться почти со всеми задачами и больше внимания уделяла отстающим. Она с самого начала проталкивала идею надомного обучения, и мне показалось, что ее, как и многих других учителей, мое присутствие в школе вовсе не радует. Правда, на уроках она не делала вид, будто в упор меня не замечает, но и не отводила на перемене в сторону, чтобы как-то утешить. Впрочем, этого никто не делал.

Люди вовсе не жестоки, вот что я поняла. Есть, конечно, такие, как Логан, Гэвин, Наташа и Колин, но большинство отнюдь не жестоки, они только очень берегут себя, и, пока что-то не затронет их лично, они и вмешиваться не станут. Мне ли не знать – сама такая была всего месяц назад. А если и вмешиваются, то по какой-то личной причине, как Пиа, мистер Берри и та же Колин. Вот почему я хотела бы понять, что побудило мисс Докери пройти сквозь строй корреспондентов, которые каждый день собираются у нас под дверью, и войти в дом, где живет Заклейменная.

Для мамы мои выводы не новость, не зря же она столько лет моделью работает. Свои тайные пружины есть у каждого, уверена она, и, прежде чем отпустить нас с мисс Докери в библиотеку, она усаживает ее за кухонный стол – поговорить.

– Селестина – лучшая ученица в моем классе, миссис Норт. На голову выше всех, – отвечает учительница на заданный в упор вопрос: почему она согласилась прийти.

– Зовите меня, пожалуйста, Саммер. Вы знаете, через что пришлось пройти моей дочери. Ей досталось – чересчур. И теперь я должна убедиться, что вы действуете в ее интересах, что вы не будете к ней жестоки и предоставите ей шанс сдать экзамен. Она вполне это заслужила.

Я с удивлением смотрю на маму.

– Саммер, – улыбается ей мисс Докери, – я вполне понимаю вас, но моя задача – преподавать, все остальное не имеет никакого отношения к нашим занятиям. Селестина замечательно схватывает самые сложные теоремы, она понимает и запоминает их с первого раза. Прекрасно

организованный ум. И у меня один интерес: чтобы моя лучшая ученица не посрамила меня на экзаменах. Это, конечно, эгоизм с моей стороны, – добавила она, заливаясь краской, – но мне кажется, что результаты учеников – это и мой успех как преподавателя. Если Селестина не раскроет полностью свой потенциал, это и для меня поражение.

Да, в людях я плохо разбираюсь, это я уже успела понять. Я всегда знала, что у меня это получается хуже, чем у Джунипер, но не догадывалась, насколько хуже. Я промахиваюсь чуть ли не в каждом случае, а мне бы нужно такое умение разгадывать людей, как у сестры, – смешно, но и ее тоже я оценивала неверно. Вот Кэррик – он ни разу, ни в одной ситуации не ошибся. Крепко сжатые челюсти, настороженность, черные глаза смотрят в упор – он четко выбирает мишень, он проникает глубоко внутрь, срывая покровы, словно рентгеном просвечивая душу любого человека.

Заниматься не хочется. Я так устала. Надежда во мне умерла, Арт и Джунипер разбили мое сердце, тело все еще болит после доставшихся мне в пятницу побоев, мистер Берри и стражи исчезли, и Кэррика, единственного, кто мог бы мне помочь, вряд ли удастся найти – он ускользнул из сетей Кревана. И сам он меня искать конечно же не станет: это слишком рискованно.

Мама осталась довольна таким ответом учительницы, а я все еще настороже. Мы отправились в библиотеку.

– Давай по порядку, – деловито говорит она, совсем не тем тоном, каким только что беседовала в кухне. – Теперь ты будешь звать меня Альфой, а не мисс Докери. Раз я прихожу к тебе домой, мы на равных.

Я кивнула.

Она вынула из портфеля бумаги и села напротив меня.

– Далее. Вот график работы, утвержденный школой и Трибуналом, – скучающим голосом продолжает она. – Мне пришлось так долго и нудно разбирать с ними каждый момент, что они должны мне плату за урок.

Я рассмеялась от неожиданности: как это она вдруг переменилась.

– Если кто-нибудь спросит – а скорее всего, спросят, – предъяви им это. Но на самом деле мы с тобой будем заниматься еще многим сверх того. – Она даже рукава засучила. – И наконец, я должна предъявить тебе это. – Она поднялась и выдернула подол рубашки из брюк.

Я отвела глаза, смущенная тем, что учительница вдруг обнажилась передо мной, ее живот у меня прямо перед глазами. Но она явно не собиралась прикрыть живот, пока не продемонстрирует его мне, так что пришлось повернуться и посмотреть. Там, в самом низу, – красная

буква «П» в красном кружке. Не Клеймо, а татуировка.

– Кто это сделал? – выдохнула я.

– Я сама.

– Я бы что угодно отдала, только бы от них избавиться, а вы – сами себя?

– Когда сама, это совершенно другое, – мягко ответила она. – И людей с такими татуировками немало. Мы воспринимаем Клеймо как почетный знак, Селестина: когда человек делает ошибки, он учится. Кто ни разу не промахнулся, никогда не поумнеет. Наши «идеальные лидеры» не допускают ошибок, так откуда же им знать, что хорошо и что плохо? Как им разобраться в самих себе, понять, что они могут, а что им не под силу? Чем больше ошибок, тем быстрее человек учится.

Я пытаюсь освоиться с этой мыслью, но пока что она кажется сложнее математических теорем.

– Выходит, я очень умна, – усмехнулась я.

– Умнее всех, – торжественно ответила она. – В том-то и дело. Трибунал сам по себе порочен. А татуировка не означает, будто мы все порочны, – это *символ*, свидетельствующий о том, что мы тебя поддерживаем.

Значит, вот оно? Тайное движение, о котором мне рассказывала Пиа, о котором пишет Лайза Лайф? Наконец-то я вижу человека, который состоит в этом движении.

– Когда ты формулируешь, ты сразу схватываешь самую суть, Селестина Норт. Я не об этом твоём поступке в автобусе, – она махнула рукой, мол, ничего особенного. – Однажды в жизни поступить по-доброму каждый может, это даже с плохими людьми случается. Но все, что ты говоришь по этому поводу, идеально. Прямо в яблочко! – Она треснула кулаком по столу, и я подпрыгнула.

– Статьи Пиа Ванг далеки от правды.

– Я не о статьях Пиа Ванг, а об её альтер эго – Лайзе Лайф.

– Вы и это знаете?

– Узнать её стиль нетрудно. Не такой уж она талантливый журналист, по правде говоря, но она умеет извлечь из человека сюжет, заставить его разговориться. Но «Лайза Лайф» пишет явно лучше. Забавный псевдоним, – добавила она без улыбки. – Ты явно затронула в ней какую-то струну. Скажи, а ведет она себя теперь по-другому или все такая же акула? Акула-марионетка, заметим в скобках, хоть Креван и предоставляет ей кое-какую свободу. Свобода слова, тоже мне! – фыркнула она. – Да и той с сегодняшнего дня не будет. Только что он объявил...

– Что благоприятный отзыв о Заклейменном будет рассматриваться как помощь. – Я поднялась, принялась расхаживать по комнате, чувствуя прилив адреналина. Происходит то самое, о чем предупреждала меня Пиа: Креван совсем слетел с катушек. Бог знает, как он теперь поступит со мной. Нужно искать выход, и поскорее.

– Точно, – улыбнулась она. – Значит, ты все-таки в газеты заглядываешь. Обычно ребята твоего возраста разве что под дулом пистолета читают новости, но я рада, что у тебя с мозгами все в порядке. По правде говоря, я хотела приступить к частным занятиям еще в прошлый понедельник, но ты настаивала на школьном обучении. Возможно, мне следовало объяснить тебе ситуацию с глазу на глаз, но мне показалось, что ты еще не была готова. В каком-то смысле Логан сыграл нам на руку – пойми меня правильно, я молюсь, чтобы все они горели в аду за то, что они с тобой сделали. И спасибо Лайзе Лайф: сегодня она поведала всему миру о том, что они сотворили. Без имен, разумеется, но намеков достаточно, читатели разберутся. Уже и так многие возмущаются, что с тобой слишком жестоко обходятся. Полиции придется ответить за отказ разбираться в этом деле. Креван скоро возжаждет крови Лайзы Лайф.

Ага, и моей тоже.

Меня вовсе не радует, что мир узнал, как со мной обошлись в пятницу. Еще кто-нибудь вздумает подражать... Но хорошо, что Логана и всю банду вывели на чистую воду.

– Так, перед уроком математики у тебя есть вопросы? Какие-либо вопросы?

Она произнесла это с нажимом, и я поняла, что пора наострить уши. Началось. Надо очень тщательный контролировать разговор.

– Расскажите мне об Эниа Слипвелл.

Наконец-то она улыбнулась:

– Правильный вопрос, девочка, ты настоящая отличница. А что ты сама знаешь о ней?

– Это политик. С короткой стрижкой. Она каждый день приходила на суд, мне запомнилось ее лицо. Она стояла ближе к дверям, среди Заклейменных. Состоит в партии Жизни. Она на моей стороне.

– Небольшие уточнения, – сказала учительница, подняв два пальца. – Во-первых, теперь она не просто член, а лидер партии. Ухитрилась свергнуть прежнего главу, тот был славный, но глупый. Эниа обвела его вокруг пальца – сам виноват, с нее глаз нельзя было спускать, как только она вступила в его партию. На прошлой неделе его сместили и выбрали ее, и этим она обязана тебе.

Во-вторых, она не *безусловно* на твоей стороне. Эния – политик, причем из тех, кто быстро делает карьеру. Готова поверить, что она в самом деле возмущена обращением с Заклейменными и хочет что-то изменить, но она следит, куда ветер дует, и она заметила, что эта проблема начала беспокоить избирателей – по крайней мере, значительную их часть. Она ловит волну и надеется на ее гребне прийти к победе.

Говоря все это, она быстро пролистывает десятки фотографии Эния, в том числе среди толпы в Трибунале или во дворе суда, когда мне выносили приговор.

– Сделай хоть одну ошибку, и она тут же от тебя отречется, но пока что ты ее идеальная героиня. Та лошадка, на которую она ставит, чтобы поскорее выбиться в лидеры. Прийти к власти. Все дело в этом, не забывай. Людьюми движет либо страсть к деньгам, либо стремление к власти. Чего из этого хочешь ты?

Я нахмурилась:

– Ни того ни другого.

И Альфа тоже хмурится, присматриваясь ко мне.

– Погодите, – я не поспеваю за ее мыслью. – Она ведь уже лидер. Чего же еще ей надо?

– Пока что она лидер партии, дорогуша, а хотела бы – всей страны.

– И для этого ей нужна я?

Альфа вновь улыбается, снисходя к моей наивности. Ничего, я быстро учусь.

– Не как личность – как орудие. Она использует тебя, а если ты провалишься, отыщет себе другую политическую тему, например туры на Марс.

– То есть доверять ей нельзя?

– Не совсем так. Можешь доверять ей, но все время проверяй, что именно она делает. Она будет использовать тебя, а ты – ее. Странно, что она до сих пор не попыталась связаться с тобой. – Последнюю фразу она произнесла без вопросительной интонации, но я понимаю, что это проверка, и качаю головой.

– Вряд ли тебе еще долго придется ждать.

Меня это пугает.

– Не волнуйся, я тебя подготовлю. Можешь спрашивать меня обо всем, договорились?

Я киваю, но уверенности не прибавилось. Кажется, никому верить нельзя. И Альфе тоже.

Она тут же угадала мою мысль:

– Конечно, я тоже тебя использую, – признается она. – У меня тоже есть «свое дело». Есть свои убеждения, которые я хочу отстоять. Ты сейчас привлекаешь общее внимание, ты – героиня дня, и при хорошем руководстве ты станешь орудием перемен.

– Почему это так важно для вас?

– Мой муж – Заклейменный. Дважды – в висок и язык.

Неверное решение и ложь.

– Он допустил этическую ошибку. На работе. Был уличен. Он был восходящей звездой, блестящее будущее открывалось, – все оборвали, превратили его в пример для запугивания коллег.

– Почему Трибунал так его боялся?

– Поразительно, Селестина! Ты спрашиваешь, почему Трибунал боялся... То есть ты понимаешь, что происходит. Отлично. Продолжим.

И она продолжила. Рассказала мне, что, как она надеялась, должно измениться после моего «подвига» в автобусе и в особенности после ответов в суде.

– Логика и сострадание. Это замечательно! – говорит она, прихлопывая рукой по столу и ухмыляясь. – Долго ты придумывала эту формулу? Или тебе ее кто-то подсказал? Мистер Берри? Некоторые думают, что твои речи писал он, но мне так не кажется. Не в его стиле. – Она склоняется ближе ко мне, как будто ловя каждое слово. – Кто тебе это написал?

Я снова хмурюсь.

– Никто ничего не писал. Само с языка сорвалось.

Она покачала головой, видимо, не совсем мне поверив:

– Великолепно. Нам понадобятся такие лозунги. Эниа уже решила вести избирательную кампанию под этим девизом: «Логика и сострадание: идеальная пара. Голосуйте за партию Жизни».

Я тоже покачала головой.

– Понимаю, тебе трудно к такому привыкнуть, но нам это нужно. Как только тебе что-то подобное в голову придет, сразу записывай. Я придумаю, как это использовать. Что же дальше... у тебя такой ошарашенный вид, может быть, пора нам заняться математикой. Это хоть знакомая тебе территория. Так что давай... – Она заглянула в расписание. – Разберем что-нибудь из списка, чтобы ты не споткнулась, когда очаровашка Мэри Мэй будет проверять тебя на детекторе лжи.

– Вы ее знаете?

– Она посадила мою золовку вместе с ее мужем за то, что они помогали моему мужу. Помогли ему нарушить кое-какие правила

и получили по четыре года каждый. Ей палец в рот не клади: с виду пичужка, но кусается как лев. Не случайно ее приставили к тебе. Она – самая среди них жесткая, она и во сне не перестает быть надзирательницей, в этом смысл ее жизни. И знает больше, чем все они вместе взятые, – не так уж и много они знают, но она – мозговой центр.

Впервые я слышу о реальных людях, которые угодили в тюрьму за помощь Заклейменным. До сих пор это была только угроза. Хотя угроза вполне реальная – для меня: два года за то, что помогла Клейтону Берну сесть, или Клеймо.

– Мне очень жаль, что с вашими родными так обошлись.

Она отмахнулась, даже не подняв глаз от бумаг.

– И поэтому вы сделали татуировку на животе?

Ответ дался ей нелегко, но она и тут не солгала:

– Шесть выкидышей за четыре года. Моя утроба не способна выносить младенца – выносить полный срок. А уж мы старались, можешь мне поверить. И не повторяй «мне очень жаль», ты тут ни при чем. – Она уткнулась в расписание, но выронила его и подняла глаза. Я поняла, что она готова открыться мне.

– Я сделала татуировку не потому, что подозреваю в себе какой-то изъян. Но я хочу постоянно помнить, что наша сила в наших ошибках. С этого и начался мой фонд. Когда я поняла, что не смогу родить, попыталась усыновить ребенка. Годами пыталась получить ребенка ПСР, но и тут не преуспела. Впрочем, ничего нового для тебя в этом нет, – добавила она. – Ты ведь знаешь об этом от своего нового приятеля – Порочного с рождения? Кэррик, не так ли?

Я насторожилась.

– Откуда вы знаете о Кэррике? – спросила я, вновь охваченная подозрением.

Своим инстинктам я больше не доверяла. Может быть, это ловушка с целью заманить, отыскать Кэррика? Сумел же Креван каким-то образом подстроить исчезновение стражей и мистера Берри – а теперь ищет Кэррика? Альфу подослали выудить у меня сведения? Нельзя ей верить, это все, возможно, лишь уловка, чтобы поймать Кэррика, поймать меня. Я уже не такая наивная, как прежде. Наивность – это был мой главный изъян, раз уж мы взялись обличать изъяны. Но теперь глаза у меня открылись, я внимательно присматриваюсь к каждому человеку. И быстро соображаю: нужно быть хитрее, выудить из нее все, что она знает о Кэррике.

– Ты правильно делаешь, что не доверяешь мне, – говорит она. – Это хорошо. Хочешь знать, откуда мне известно о Кэррике? О нем практически не писали, вполне хватило твоей истории, Ангелины Тиндер и Джимми Чайлда, к тому же Трибунал не любит широко оповещать о том, как Порочные с рождения дети ищут своих Заклейменных родителей.

Порочные с рождения? Я стараюсь сдерживать эмоции, но чувствую, как сама эта мысль сводит меня с ума, тошнота подкатывает к горлу.

– Ты ведь, конечно, знаешь: этим детям запрещено узнавать о биологических родителях. Их забирают из семьи и воспитывают до совершеннолетия в специальных учреждениях, «корректируют». В 18 лет они выходят из коррекционных интернатов, но, если попытаются разыскивать родителей, если хотя бы допустят такую мысль, их тоже заклеят. Преданность своей плоти и крови – измена обществу. – Она покачала головой, от негодования у нее вздулись жилы на шее. Даже если это подстава – по крайней мере, гнев искренний, эта тема задевает Альфу за живое.

Стало быть, та аббревиатура после имени Кэррика – ПСР – значит Порочный с рождения. Ребенок Заклейменных родителей. И, как сказано в его деле, он приговорен к Клейму на груди – за измену обществу. С тем, что говорит Альфа, это вполне согласуется, так что в этом я ей поверю, но всецело довериться не стану.

– Кэррику следовало выждать, прежде чем отправляться на поиски родителей, – говорит Альфа так сердито, словно лично мне адресует упрек,

словно это я недосмотрела. – В первые месяцы за выпускниками интерната внимательно следят, не пытаются ли они разыскать биологических родителей, а он сразу кинулся на поиски, как будто хотел попасться... – Голос ее стихает, глаза пристально смотрят на меня, ожидая моей реакции.

Но я не отвечаю, я слишком потрясена – слишком угнетена тем, что узнала о Кэррике. Найти бы его поскорее, обнять, утешить. Как жаль, что я не знала этого тогда, когда мы спали рядом, разделенные только стеклянной стеной. Я думала, он солдат, может быть – дезертир или изменник, совершил что-то ужасное, а он был наказан за детскую любовь. Этот пойманный зверь, расхаживавший в своей клетке с таким видом, словно был готов сражаться против целого мира, всего лишь хотел найти своих родителей, у которых его отняли в младенчестве, потому что они были заклеены. Теперь, когда я знаю, что Кэррик – сын Заклейменных, это как-то меняет мое отношение к нему?

Да, что-то меняет.

Восемнадцать лет подряд ему непрерывно промывали мозги. Твердили, что его родители – отбросы общества, что ему повезло избавиться от них. Но, едва покинув интернат, он тут же отправился на поиски матери и отца. Он победил: его любовь не сломили. Он оказался даже храбрее, чем я думала. Он действительно воин.

Теперь я понимаю, к чему клонились высказывания Тины, которая именovala его «порченным», и почему судья Крewan считал Кэррика «порочным до мозга костей». Действительно, у него не было шансов. Суд над ним – пустая формальность, он заклеен от рождения и твердо решил сохранить это Клеймо. Возможно, Альфа угадала верно: он умышленно постарался скорее получить Клеймо, стать тем, кем был от рождения, а не тем, в кого его пытались превратить в интернате по заданию Трибунала. Чем больше я об этом думаю, тем большим уважением проникаюсь к Кэррику.

Альфа медленно выдыхает, стараясь овладеть собой.

– Кэррик был обречен с самого начала.

– Да, – грустно подтверждаю я. – Так и есть.

Она снова внимательно присматривается ко мне и угадывает то, к чему я сама только подступаю:

– Вы сблизились в тюрьме.

Щеки у меня вспыхнули, я отвернулась. Я чувствовала какую-то связь с Кэрриком с той минуты, как он вошел в камеру и повернулся ко мне спиной. Чувствовала каждое мгновение, когда он был рядом и когда стоял за моей спиной в зале суда. Странно питать такие чувства к совершенно

незнакомому человеку, но мы вместе пережили небывалое испытание, и только мы двое – в любой момент, на каждом этапе – до конца понимали, что чувствует в этот момент другой.

– Расскажите про интернат. Он об этом ничего не говорил.

– И неудивительно, – говорит она. – Сами по себе они вовсе не ужасны, скорее напротив, замечательно оборудованные учреждения, обычные школы такой роскоши себе позволить не могут. Государство их содержит, поскольку из интернатов вышли почти все наши прославленные спортсмены, да и некоторые знаменитые ученые. И все же от правды никуда не денешься: этих детей отбирают у родителей и навсегда запрещают их видеть, узнавать о них. Это жестоко, это дурно. Но у Кэррика ситуация несколько иная, – добавила она. – Ты же знаешь.

– В каком смысле? – Нет, я ничего не знала.

– Учитывая, в каком возрасте его забрали. Вероятно, потому промывка мозгов и не удалась. Он сохранил память о родителях, и эти воспоминания интернат не сумел стереть. Его забрали в пять лет. До тех пор родителям удавалось скрывать его, но, к сожалению, в конце концов о нем стало известно, – вздыхает Альфа.

– Даже не знаю, что хуже, – говорю я, пытаюсь себе представить, каково это: малыша отрывают от родителей, от тех, кто его любил и кого он любил, а он уже в таком возрасте, что способен осознавать происходящее.

– Итак, – встряхнулась она. – Потому-то я и боролась изо всех сил за право детей со статусом ПСР на усыновление.

– Их нельзя усыновлять?

– Разумеется – ведь это нарушит процесс перевоспитания. К тому же Заклейменные вообще не имеют права участвовать в усыновлении, – поясняет она. – Мой муж предлагал даже развод, чтобы мне разрешили усыновить ребенка, он знал, как сильно я этого хотела. Развод только на бумаге, разумеется, он не собирался меня покидать. Где логика, Селестина, можешь ты мне это объяснить? Наши законы разрешают усыновить ребенка одинокой женщине – лишь бы не супругам, один из которых заклеямен. – Она горестно вздохнула. – Извини, заговорила. Эта тема не дает мне покоя.

– Понимаю, – мягко ответила я, радуясь уже тому, что наконец-то хоть один человек позволяет себе критиковать решения Трибунала. – А откуда вы столько знаете о Кэррике? – Я все еще не вполне доверяла ей, хотя и не сомневалась в искренности ее ненависти к Трибуналу. – В его деле таких подробностей нет.

– Значит, ты ознакомилась с делом? – усмехнулась Альфа. – Ого,

Селестина, похоже, у тебя имеются связи.

На это я отвечать не стала, хотя потребовались немалые усилия, чтобы прикусить язык, и Альфа продолжала:

– Дела Заклейменных находятся в публичном доступе, и каждый гражданин может прочесть любое дело, поскольку он вправе знать, не проживают ли поблизости Заклейменные, – и только сами Заклейменные не могут читать чужие дела.

Я с трудом сглатываю. Попалась.

– Тебе, чтобы получить дело Кэррика, пришлось бы обратиться с запросом непосредственно в Трибунал. Это их здорово насторожило бы. К тому же дело Кэррика не столь открыто, как твое. Трибунал не любит признавать, что система порой дает сбой, что кому-то не удалось промыть мозги. Что касается твоего вопроса, откуда я так много знаю о Кэррике: у меня большая организация, и, когда в Трибунал попадает подобное дело, всегда найдется кто-то, кто меня предупредит. Я была на вынесении приговора.

Укол ревности. На суде над Кэрриком должна была присутствовать я. Я бы стояла сзади, у дверей, я бы стала для него такой надежной опорой, какой он был для меня. Был ли у него друг или он прошел через все в полном одиночестве? Скорей бы, скорей бы найти его.

– Как он... как держался? – спрашиваю я, чувствуя во всем теле дрожь.

– Молодцом. Очень сильный, – с гордой улыбкой ответила она.

– И когда его повели в камеру Клеймения, вы тоже там были?

Она кивнула:

– Получила разрешение, как представитель благотворительной организации. Трибунал понимает, как важно мне присутствовать при наказании, чтобы я могла консультировать семьи и сообщество Заклейменных.

Я попыталась представить себе Кэррика в камере для Клеймения – вспомнила жар раскаленного железа и бивший мне в лицо свет, и вообразила его в том же красном халате в ожидании той же муки. Глаза наполнились слезами.

– Как он это перенес?

Она взяла меня за руку. Слезы уже сами собой катились по щекам.

– Селестина, ты можешь им гордиться, он не издал ни звука. Никогда еще не доводилось мне присутствовать на таком... беззвучном Клеймении.

Я чувствую, как внутри меня что-то ломается, и вместе с тем готова пуститься в пляс. Он поступил в точности как я. Взял с меня пример. Им не удалось вырвать у него ни стона.

– Ты виделась с ним после этого? – спросила Альфа, дождавшись, чтобы я утерла слезы.

Я улыбнулась, как будто я что-то знаю, даже знаю, где он прячется, но не скажу.

– А вы знаете, где он сейчас?

Она рассмеялась:

– Нет, я – нет. Он ловко запрятался. От надзирателей не так-то легко уйти – мало кому это удастся.

Я киваю, соглашаясь.

– Кто-то ему помогает.

Я догадываюсь, что она готова еще порассуждать на эту тему, но вместо этого сворачивает на другую, и тут-то я понимаю главное, зачем Альфа пришла ко мне.

– Когда увидишься с ним, передай, что мы очень на него надеемся. Нашей организации нужно как можно больше тех Заклейменных, кто готов поделиться своей историей, готов говорить во всеуслышание. В одиночку мы не наберем достаточного влияния, чтобы что-то изменить. Сын Заклейменных, воспитанный в специнтернате, в свою очередь заклеянный только за то, что попытался найти родителей и тем нарушил правила для ПСР, – это существенный козырь в борьбе за право усыновлять детей с таким статусом. Ты ему это передашь, договорились?

Я кивнула. Когда увижу. Если увижу.

– Сегодня я организую встречу. Небольшое мероприятие для тех, кто нуждается в поддержке. В пять часов вечера. Закончится рано, вполне успеешь вернуться до комендантского часа. Вот план, как проехать. – Она сунула мне в руку сложенный листок. – Ты должна приехать и выступить. Это вдохновит людей, я уверена. Побудит к действию.

– К какому действию?

– Мы называем это группой поддержки. – Она с намеком приподняла бровь. – Но на самом деле я пытаюсь что-то изменить всерьез. Покончить с Трибуналом. Трибунал знает только, что я работаю с Заклейменными, с их родными, консультирую, помогаю справиться с ситуацией. Занимаюсь сбором средств для семей. Кампанию за усыновление детей ПСР поддерживают многие и в правительстве, и в самом Трибунале. Воспитательные учреждения дорого обходятся, бюджету эти расходы ни к чему. Разумеется, чиновники всегда думают о финансовой стороне, вот почему многие готовы меня поддержать и мне кое-что удастся. И не только борьба за усыновление – они понимают, как важна моя работа в целом, с Заклейменными и их родными. От этого зависит общественное

спокойствие.

Стоило мне услышать, что Трибунал на ее стороне, и вспыхнуло прежнее недоверие, как бы она эти отношения ни объясняла.

– Альфа! – Я скомкала записку, не прочитав. – Спасибо за поддержку, но какой из меня оратор? И сказать-то нечего.

Она вновь присмотрелась ко мне, словно оценивая.

– Порой мне кажется, ты настолько умна, что даже отчасти свой ум скрываешь, а порой ты суший ребенок, попавший в невероятную ситуацию, и не знаешь, как справляться.

Я не ответила. Пусть анализирует меня как вздумается, я ей тут не помощник. И не то чтобы я не спала по ночам, пытаюсь разгадать свои тайны. Но все же пока еще непривычно и неприятно слушать, как люди вот так вслух высказывают всякие теории про меня. Мало ли что я думаю про Альфу, но из вежливости держу свои мысли при себе, а некоторые люди, те же Альфа и Пиа, считают теперь своим правом выражать свое мнение обо мне так свободно, словно это не может ни задеть меня, ни что-то во мне изменить. Последствия Клейма, и я это понимаю. Клеймо расчеловечивает меня в глазах обычных людей: на меня смотрят, обо мне говорят так, словно меня тут и нет.

– Я начала с благотворительной работы, консультировала, собирала средства, но из-за твоего дела наши ряды заметно выросли. И пожертвований стало больше. Это пока частные средства, разумеется, но среди спонсоров появились известные люди. Грядут перемены, и началось все с тебя. Пора переходить к политическим вопросам. Моя организация могла бы сделать гораздо больше. Время настало. Постарайся привести с собой Кэррика. Нужно побудить людей к решительным действиям.

В тот день я расхаживала по дому как тот пленный лев, на которого был похож в камере Кэррик. Неделя домашнего ареста. Даже если бы я хотела выступить на этом собрании у Альфы, а я вовсе не собиралась, мне запрещено покидать дом. Хорошенький источник вдохновения.

Джунипер, вернувшись из школы, помедлила у открытой двери моей комнаты. Вид убитый, похоже, она плакала. Вот и хорошо. Она встала в дверях и посмотрела на меня. Ага, снова вырядилась в привычную для нее одежду, в черном с головы до ног. Мы с ней почти что близнецы, только Клеймами и отличаемся.

– Между мной и Артом ничего такого не было, если ты из-за этого нервничаешь, – захлопала она. – Мы только тем и были заняты,

что говорили о тебе.

У меня руки чесались врезать ей с размаху, так я обозлилась, но чем драться, я спокойно подняла руку и захлопнула дверь перед носом сестры. Уже приятно, вот только изнутри сосет пустота. Я знаю, с той ночи, как я на них наткнулась, она больше не покидает тайком дом, – знаю, потому что лежу без сна в постели, прислушиваюсь, что она там делает. И думаю о прежних ночах, когда она отправлялась к Арту на заветную вершину, а я маялась болью, пока заживали ожоги, да и потом никуда не выходила из-за комендантского часа. Думаю об этом, и сердце заходится в ярости. И не так уж важно, было ли «что-то такое» между ними на тот момент, когда я застала их, – сидели рядышком и дружно смеялись. Если еще ничего не было, то скоро будет. Их смех отдавался у меня в ушах, бил в спину, когда я бежала из последних сил домой, спасая свою жизнь. Никогда им этого не прощу. И все же я не могу вот так сразу перестать тревожиться об Арте. Кто же теперь заботится о нем, если Джунипер сидит дома? А может быть, он бежал навеки – набрался храбрости покинуть не только город, но и страну и будет теперь жить вдали от длинных рук судьбы? Увижу ли я когда-нибудь его вновь? Мне бы выкинуть его из головы и не печалиться, но – не могу.

Меня вызвали в кухню: Мэри Мэй нанесла нам неожиданный визит и собирается что-то мне объявить. Страх охватил меня. Наверняка это как-то связано с тестом на алкоголь, который я проходила в пятницу: он оказался положительным. И хотя Колин, Гэвин и Наташа, в отличие от Логана, вывернуться не сумели, они уперлись и начисто отрицали, что пили спиртное, и выходило, что пива я наглоталась сама, добровольно, в нарушение правил для Заклейменных. То есть я, связанная, запертая в сарае, ухитрилась отыскать алкоголь и зачем-то его пила – право, это настолько нелепое обвинение, что и Трибуналу нелегко было бы повесить его на меня. Однако не сомневаюсь: все выходные напролет судьи придумывали, как бы это сделать.

Мэри Мэй достает из баула какие-то документы. Глядя на нее, я снова чувствую, как врезается мне в лицо затянутая кожаной перчаткой рука, я вижу перед собой женщину, которая сдала всю свою семью Трибуналу и смотрела, как ее близких одного за другим прижигают каленым железом, ставя пожизненное Клеймо. Кто знает, на какое еще зло она способна? А моя жизнь в ее руках.

– Домашний арест на эту неделю отменен, – отрывисто сообщает она. Я вижу, как ей противно сообщать мне приятную новость. Да ей даже рот открывать в этом доме противно, вдыхать зараженный воздух. И в то же

время Клеймо не только отталкивает ее, но и притягивает. – Анонимный источник передал в Трибунал оригинал этой фотографии. Снимок проверили – он не был изменен с помощью фотошопа или каких-либо иных средств. Подтвердилось, что это фотография Джунипер Норт на уроке музыки. По второму делу: Трибунал решил также снять обвинение в употреблении алкоголя. Показания Колин Тиндер соответствуют уровню алкоголя в твоей крови – минимальному.

К моему изумлению, мама (сегодня она вышла в грубом джинсовом комбинезоне и клетчатой рубашке) вопит «Есть!», потрясая кулаком чуть ли не перед носом у Мэри Мэй, и тут же обнимает меня, прижимает к себе, так что реакции нашей надзирательницы я так и не увидела. Всего пару дней назад мама просила меня быть осторожнее с Мэри Мэй, но сегодня и сама дерзит. Дверь захлопнулась – Мэри Мэй покинула наш дом.

Опьяненная двойной победой, я почувствовала, что готова предстать лицом к лицу перед всем миром, я еще не такие беды исправлю, к тому же у меня теперь развязаны руки и я могу довести до конца свое приватное расследование. Предоставив семье праздновать – даже сестра, мне показалось, искренне за меня радовалась, хотя и остерегалась заговаривать со мной, – я ринулась в свою комнату. Достала из кармана визитку мистера Берри и набрала записанный от руки телефон.

– Алло? – Тихий голос в трубке.

– Алло. Это... это муж мистера Берри?

– Кто это? – переспросил он еще тише, почти шепотом, я с трудом разобрала.

– Я Селестина Норт, он защищал меня на...

– Я знаю, кто вы, – перебил он поспешно, хотя не грубо. – Не надо сюда звонить.

Судя по звукам, во время разговора он бродил с места на места. Растерянный какой-то. Что-то шуршало в телефоне.

– Простите, но мистер Берри прислал мне вместе со счетом свой номер телефона, и я подумала – он хотел, чтобы я позвонила. Могу я с ним поговорить? Пожалуйста!

Молчание. Я подумала было, что он отключился, но нет, дышит в трубку.

– Алло?

– Да, – откликнулся он, поспешно и опять так тихо, как будто линия скверная, а он находится за миллион миль. – Его здесь нет, – добавил он, к моему огорчению. – Она уже приезжала, спрашивала его.

Я не сразу поняла, кто такая «она», но потом сообразила – Пиа конечно же. Он из осторожности избегает называть имена. Боится, что подслушивают.

– Можете не беспокоиться насчет... насчет нее, – сказала я. – Она хочет мне помочь.

Понятно, он боится, что она вздумает писать о самом мистере Берри. Потому и сказал ей, что его нет дома. Пиа все боится. Кто станет с ней откровенничать? Я могла бы заступиться и сказать, что она добросовестна и честна, однако я не стану этого делать, ведь я и сама пока не вполне уверена в ней.

– Мне он доверяет, – говорю я вместо этого.

– Его дома нет, я же вам сказал, – повторил мой собеседник нетерпеливее и громче. Потом уже тише добавил: – Ему пришлось уехать, он не сказал даже мне куда. Он торопился. Он знал, что произошло с остальными.

Так вот оно что. Мистер Берри не попался в лапы Кревана. Он скрывается – после того, что «произошло» со стражами.

– Хорошо, – сказала я, торопливо размышляя. Этот человек не желает произносить никаких имен, боится выдать хоть крупицу информации. Как же намекнуть ему, что именно мне нужно?

– Я кое-что ищу, вы знаете, о чем я?

– Да, – еле слышно прошептал он.

Он знает о шестом Клейме.

– Вы это видели? – спросила я, избегая произносить слово «видеозапись». Если нас подслушивают люди Кревана, не стоит облегчать им задачу.

Вновь затяжная пауза, терпение мое на исходе. Словно в кабинете стоматолога, но придется мучиться до конца, потому что в следующий раз он просто не ответит на звонок, это я понимаю. Сейчас или никогда.

– Да, – слабым голосом откликается он наконец. – Я видел. Мне очень жаль, что с вами такое случилось.

Я изо всех сил удерживаю слезы:

– Это у вас? Вы знаете, где это?

– Нет, – отвечает он. – Я ей уже говорил. У меня этого нет.

Я падаю на кровать, я так разочарована, так зла, слезы текут ручьем.

– Но вот чего я ей не говорил, – торопится он. – Это у вас. Он сказал мне, что это у вас.

И он обрывает разговор.

Я подскочила на кровати и в изумлении уставилась на трубку телефона. Тело покрылось мурашками от такой неожиданности.

Видеозапись мистера Берри у меня?

Я снова набрала тот же номер. Гудки, гудки, нет ответа.

Запись у меня? Мистер Берри сказал, что она у меня? Как? Откуда и когда взялась? И где она теперь? Я озираюсь по сторонам, голова гудит, я лихорадочно соображаю, где может быть спрятана пленка, когда он ухитрился мне ее передать. Воскрешаю в памяти последние мгновения, когда меня выводили из камеры в больничное отделение. Видела ли я мистера Берри в тот момент? Мог ли он незаметно сунуть мне свой телефон? На мне и был-то специальный халат, ничего не спрячешь. Может быть, он посетил меня чуть позже? Все эти обезболивающие, успокоительные, снотворные, я почти ничего не помню, в памяти все слилось. Тину помню, она ухаживала за мной, и пришла медсестра. Но больше никого вроде бы не было. Мэри Мэй успела тщательно обыскать мою комнату, уж не эту ли улику она искала? А если ее, то нашла или нет? Сомневаюсь: она уверена, что у меня всего пять Клейм, не раз об этом упоминала. Мне кажется, она понятия не имеет о том, что произошло в камере Клеймения, а я с ней такого промаха не допущу, как с Пиа, – не выболтаю свой секрет лишь ради того, чтобы на минутку взять над ней верх. Теперь-то я понимаю, какая это «горячая», опасная информация.

И тут я сообразила. Кроме него, там был Кэррик, больше никого. Значит, видеозапись у Кэррика.

Мне требуется помощь. Пиа отправилась исполнять «свою миссию» и когда вернется – кто ее знает. Кроме нее единственный человек, знающий что-то о Кэррике, – Альфа. И я решила отправиться на это собрание, только я поеду туда не одна. Решила – и набрала другой номер.

– Алло?

– Дедушка, мне нужна твоя помощь.

До сих пор я не обращалась к нему. Я не вполне ему доверяла, мне казалось, он носит с теорией заговора, он не слишком рационально рассуждает, но теперь я вижу, что он во всем был прав. Теперь я готова.

– Ах, наконец-то она позвонила! – жизнерадостно откликается он. – Теперь-то все и завертится.

Одна польза от домашнего ареста – журналисты покинули двор и улицу перед нашим домом. А о том, что арест отменен, еще не прослышали. Думали, я никуда не буду выходить, а значит, им и писать не о чем. Так что я преспокойно добралась до местного кафе-мороженого, где назначена встреча с дедом, – после рождения Эвана он частенько водил туда нас с Джунипер, давая маме роздых. Дед ждал меня возле кафе в кабине своего пыльного грузовика с двумя пломбирами наготове.

– Шоу начинается! – приветствовал он меня. Так славно я себя уже много недель не чувствовала.

Мы ехали почти час. Я успела пересказать все события этих недель, упомянула и Альфу с ее некоммерческой организацией для Заклейменных, и о том, что стражи пропали и Пиа помогает мне их разыскать, и о том, как важно вступить к контакт с Кэрриком, тем более теперь, когда от мужа мистера Берри я знаю, что адвокат успел передать видеозапись. Дедушка слушал внимательно, порой останавливал и просил повторить, вникал в каждое слово, а самое главное – он *верил* мне.

– Почему ты решила, что запись у этого парня, Кэррика? – уточнил он.

– Ну, потому что вроде все сходится, – ответила я.

– Но муж мистера Берри сказал, что она у тебя. Не у кого-то другого. У тебя.

Я киваю, признавая его доводы, но про себя думаю: нет, этого не может быть. Если бы мистер Берри мне что-то отдал, я бы это запомнила.

– Он ничего тебе не посылал после того, как ты вернулась домой? Подумай хорошенько, Селестина.

– Дедушка, – говорю я, хватаясь за раскалывающуюся голову. – Я ничего другого и делать не могу, только думаю и думаю. Но – пусто. Ничего он не присылал, только счет в конверте. Он оставил визитку с номером домашнего телефона, и я позвонила его мужу. Больше он никаких сообщений не оставлял.

Дел примолк. Потом сказал:

– Не тревожься, мы с этим разберемся.

– Спасибо за помощь, дедушка. Мне это очень дорого. Но я не хочу вытягивать тебя в неприятности.

– Неприятности? – рявкнул он. – Да от меня со дня моего рождения одни неприятности. И не надейся, что сможешь лишить меня такого удовольствия.

Я радостно, с облегчением, засмеялась.

Мы свернули с сельской дороги на совсем узенькую, дед сбавил скорость.

– Что-то не то, – проворчал он озадаченно, всматриваясь в окрестные поля. Со всех сторон – тысячи акров ветряных мельниц, да на горизонте высятся заводы сжиженного воздуха, огромные даже на таком расстоянии. – Дай-ка еще раз посмотрю маршрут.

Я передала ему скомканный листок с набросанными Альфой инструкциями. Неразборчивые каракули – может быть, она специально так пишет, чтобы случайный человек не сумел прочесть.

– Хм-м, – сосредоточенно гудит он, весь сморщившись от усердия. Поднимает голову, оглядывается по сторонам. – Вроде бы правильно едем. – Но уверенности в его голосе нет. – Эта женщина – ей вообще можно доверять?

Я смотрю ему прямо в глаза:

– Я не стану доверять никому.

– Наш человек! – смеется он. – Ладно, скоро выясним.

Он катит дальше по узкой дорожке в поисках Гейтуэй-лодж. Судя по названию, я ожидала увидеть гостиничку, где в тесном зале собирается два десятка человек поговорить о пережитых несчастьях. Но кто станет строить гостиницу в подобном месте, посреди ничего? От страха у меня подводит живот. Я боюсь заблудиться, боюсь, что кончится бензин или еще что-то случится и я опоздаю к комендантскому часу, а еще страшнее – как бы Мэри Мэй не подстроила мне провокацию. Она страшно зла, что мне сошли с рук и фотография, и алкоголь в крови, я легко ускользнула от наказания – теперь жди беды. С этим страхом надо как-то совладать. Раньше я думала, ничего хуже Трибунал со мной сделать уже не может, но я ошибалась – моя семья превратилась в мишень, вот их способ добраться до меня и причинить невыносимую боль, едва ли я смогу вынести чувство вины и жить дальше, если из-за меня что-то случится с родителями. Этот страх, в который нас погружают с головой, – это главная, вечная кара. На дедушку я полагаюсь во всем. Конечно, он не допустит, чтобы я опоздала домой. Но он уже старенький. А если с ним случится инфаркт, вдруг он отключится на этой пустынной дороге...

А дорога с каждым километром сужается, ветки окаймляющих ее деревьев уже лезут в окна грузовика. Мне уже кажется, мы сейчас застрянем тут, в лесу, но за очередным изгибом дороги вдруг возникают ворота. Огромные ворота нависают над нами, множество видеокамер прощупывают дорогу со всех сторон. Шестиметровой высоты стены надежно укрывают все, что внутри. На воротах табличка – это и есть

Гейтуэй-лодж.

– Что скажешь? – спрашиваю я деда.

Мы дружно подались вперед и вытянули шеи, оценивая высоту стен.

Дед еще и руку не успел высунуть в окошко грузовика и надавить на звонок, как ворота распахнулись, словно по ту сторону слышали наш разговор. Дедушка снова нажал на газ, и мы двинулись мимо идеально подстриженных лужаек и приятных пригорков, скрывавших от взгляда другие лужайки и пригорки, – как будто по полю для гольфа едешь. В итоге мы добрались до невероятных размеров замка. Дом – это слабо сказано. Десятки машин были припаркованы перед домом, а еще и множество микроавтобусов, как они только проехали по сельским дорогам? Мы припарковались, и навстречу нам распахнулась парадная дверь.

– Это не она, – предупредила я, направляясь к встречавшей нас женщине.

Дед тут же ускорил шаги, оттеснил меня и подошел к ней первым.

– Как хорошо, что вы до нас добрались, – приветствовала нас эта женщина робко, но крайне любезно. А улыбка у нее такая широкая, что невольно улыбаешься в ответ. – Я Лулу, – представилась она, голос у нее тихий и высокий, почти верещит, как мультяшка. – Секретарь Альфы. Я заняла для вас место. Даже два, как угадала. – Она быстрым пугливым взглядом окинула деда.

На него часто так смотрят. Добрейший человек – но вид устрашающий, лицо угрюмое, в глубоких морщинах.

– Это мой дедушка.

– О! – восклицает Лулу, и ее голос поднимается от волнения еще октавой выше. – Какая честь – познакомиться с вашими родными. – Лулу изо всех сил жмет ему руку. Затем оборачивается ко мне. Хоть Клеймо и недавнее, однако я уже привыкла не протягивать для рукопожатия правую ладонь. Она сама хватает меня за руку, цепляется, словно за якорь спасения и смотрит на меня выжидательно. Чего она ждет от меня, на что надеется? В растерянности я оглядываюсь на деда.

– Ладно, ладно! – прикрикнул на нее дед, она даже подпрыгнула слегка.

Наконец-то я высвободила руку, а заодно и Лулу избавила от чар, которые, сама того не ведая, навела на нее.

– Прощу прощения, – краснеет она. – Просто встретить вас лицом к лицу – такая радость. Я ваша поклонница – всей душой, всей душой.

– Как и мы все, – с гордостью откликнулся дед.

– Идемте, – позвала нас Лулу, и мы пошли по бесконечным

коридорам. – Мы все ждали вас – просто с восторгом. Для нас это так много значит. Большой рывок. Сейчас времена тяжелые, люди очень надеются на вас. – Она приостановилась, сложила руки на груди и с обожанием уставилась на меня.

– Ничего в ней такого нет! – фыркнул дед, а я невольно захихикала. – Двигайтесь уже! Опаздываем.

– В самом деле, – согласилась она и повела нас дальше. – Впрочем, новички всегда опаздывают. Такое укромное место, многие боятся свернуть даже с шоссе. Альфа все продумала.

Дед огляделся по сторонам:

– Ее муж тоже живет здесь?

Я хотела перебить, сказать, что этот дом вовсе не принадлежит Альфе, но Лулу, смущаясь, ответила:

– Да! – и поглядела на дедушку с тревогой.

Лифт, подвальный этаж. Из лифта мы вышли в просторный холл. Впереди двойные двери, под ногами толстые ковры с затейливым узором. Обстановка – словно в роскошном отеле, а не в частном доме.

Лулу остановилась перед двойными дверями, обернулась ко мне. Глаза расширены, полны слез:

– Передать вам не могу, как все взволнованы, как ждут вашу речь. Вы говорите то, о чем все думают, но сказать не смеют, – понимаете? Голос, который десятилетиями заглушали, – и вдруг он звучит из ваших уст. Вы – та, кого мы столько ждали.

– Лулу, я не стану сегодня выступать.

В отличие от Джунипер я не падаю в обморок при одной мысли о публичном выступлении, но пока что сказать мне особо нечего. Я не готовилась, и я еще не знаю, что здесь за люди. Побуду среди зрителей, разберусь, что к чему, потом спрошу у дедушки совета – стоит ли доверять Альфе. Пока я не очень уверена.

– О! – Улыбка погасла. Девушка явно растеряна. – Но ведь мы собрались специально, чтобы послушать вас.

А это уже подстава. Это мне совсем не нравится. Но времени спорить или удирать не осталось – дед одним толчком распахнул перед нами двери.

Все обернулись к нам. Зал огромен, вроде бального, в самом центре с потолка низко свисает люстра. На приподнятой сцене выступает какая-то женщина, зрители в передних рядах слушают ее: вот и хорошо, они не обратили внимания, когда мы вошли. Только задние оборачиваются, тычут локтями в бок соседей, и те тоже принимают участие в спектакле. Лулу пошла напрямик по центральному проходу в первый ряд, ожидая, что мы

с дедушкой пойдем следом, но дед ухватил меня за руку и увлек в задний ряд. Мы отыскиали два свободных места, устроились, а Лулу обернулась, хотела с гордостью возвестить о нашем прибытии – и растерялась. Лицо ее пошло пятнами, она поспешно ринулась обратно в холл отыскивать нас.

Человек, возле которого я села, покачал головой и жестом велел нам с дедушкой поменяться местами. Сперва я подумала, что он не хочет сидеть рядом с Заклейменной, но тут же сообразила, что попала на собрание таких же Заклейменных – у этого человека «П» на виске и повязка на рукаве – и нас оказалось подряд трое, а больше двух Заклейменных рядом находиться не могут. Пришлось деду разбавить нашу компанию, и то же самое, отмечаю я, происходит в каждом ряду – в точности как было и в зале суда. Здесь собралось больше ста человек, но обязательно после каждых двух Заклейменных сидит один нормальный. Я-то ожидала увидеть небольшую группу людей, приходящих на консультацию или для общения. На сцене плакат: «Верните наших детей».

Дедушка тоже увидел плакат и шепнул мне: «Опасную она тему затрагивает».

– Она говорит, что на ее стороне и Трибунал, и правительство. Они хотят закрыть интернаты, потому что те дорого обходятся, и передать детей со статусом ПСР в специально обученные семьи, чтобы те воспитывали их по методике Трибунала. – Да, какая-нибудь Мэри Мэй только счастлива будет заполучить малышей и промыть им мозги. От одной мысли мурашки по коже.

Дед толкает меня в бок и показывает в дальний конец комнаты. Я смотрю в ту сторону и вижу подпирающего стену стража, мужчину в черной форме с красным плащом. Следит за происходящим.

Сомнение сильнее прежнего впилося в меня. Да не подстроено ли все это Трибуналом? Не пытается Креван заманить Кэррика, схватить его, заткнуть ему глотку, ведь сумел же он каким-то образом сделать так, чтобы исчезли все стражи? Хитроумная ловушка? Все сильнее тревожась, я оглядывалась по сторонам, высматривая надзирателей, ежеминутно опасаясь, что сейчас они сомкнутся, окружив меня со всех сторон, – но больше в зале стражей не было или если были, то не в официальных облачениях.

Женщина со сцены обращается к залу. В президиуме на сцене сидит Альфа и с ней еще трое. Она высмотрела меня в глубине зала и выпрямилась, кивнула мне, глаза от радости так и блестят. Присмотрелась, кого я привела, поняла, что дедушка отнюдь не Кэррик, и улыбнулась скупой, не пытаюсь скрыть разочарование. Другие, проследив

ее взгляд, опять-таки замечают меня, кивают, таращатся, перешептываются. Странно слышать свое имя из стольких чужих уст. Я стараюсь отрешиться и вникнуть в то, что говорит женщина со сцены.

Она рассказывает о своем ребенке, которого у нее отняли сразу в роддоме, потому что оба родителя – Заклейменные. От прерывания беременности она отказалась. Дочери два года, она находится в одном из пяти интернатов, где воспитывают детей со статусом ПСР. В каком именно – мать не знает, жива ли девочка, что с ней – тоже не знает, никаких сведений ей не предоставляют. Родительских прав она лишена. Продолжать она не могла, захлебнулась слезами. В зале угрюмое молчание, женщина плачет на сцене, и у меня сердце сжимается ее болью. Мне показалось, Альфа могла бы поспешить с утешениями, но она медлит, она хочет ткнуть нас всех лицом в эту боль.

– Ох, любительница драмы, – шепчет мне на ухо дед, и я киваю, соглашаясь.

Наконец Альфа подходит к бедняге, обнимает ее и говорит, глядя в глубину зала – прямо на меня. Обращается ко мне:

– Мы понимаем, как трудно было Элизабет решиться и прийти сюда. И все же она поделилась с нами своей историей, она рассказала о несчастье, постигшем ее и ее мужа, и ее слова не пропадут даром. Ее рассказ всем нам послужит уроком. Мы все растроганы, мы горюем вместе с Элизабет, и, когда мы разойдемся, мы уйдем отсюда с большей решимостью добиваться перемен. Перемены сами по себе не наступят, их нужно требовать, их нужно вырвать силой. Пусть рассказ Элизабет укрепит нас и поможет добиться перемен.

Все вокруг одобрительно кивают, раздаются аплодисменты.

Элизабет, все еще рыдая, пытается, как может, выразить слушателям свою благодарность. Альфа обнимает ее, поворачивается лицом к зрителям, и все мы видим, как она прикрывает глаза, будто всецело сосредоточившись на этих объятиях, на женщине, которую хочет утешить. По мне, так слишком это театрально.

Потом Альфа возвращается к микрофону:

– Конечно же Элизабет – далеко не единственная, кто пострадал от этой системы. Каждый из нас несет свою боль, каждый имеет что рассказать. Сегодня к нам приехал Том Хэнкок, он готов поделиться своей историей. Приветствуем Тома.

И двадцать минут мы слушали Тома-Заклейменного: как его жена умерла, как он десять лет разыскивал сына, – во всех мучительных подробностях выслушали мы эту одиссею вплоть до отнюдь не счастливого

конца: Том нашел своего выросшего, уже обзаведшегося детьми сына, и парень отрекся от него. Мальчику основательно промыли мозги в интернате: отец едва умолил его хотя бы не сообщать о таком нарушении правил.

После Тома выступала женщина, которая прежде работала в интернатах, но сочла эти учреждения негодными. Она подробно изложила расписание, рассказала нам, как живут там дети. И я слушала и пыталась представить себе, как тринадцать лет – с пяти лет и почти всю свою жизнь – прожил там Кэррик. В интернаты обильно закачиваются бюджетные деньги, упакованы они лучше всех. Правительство и Трибунал гордятся ими и утверждают, что нашли способ искоренять врожденные пороки. Дескать, все человеческие изъяны можно устранить, если приняться за дело в младенчестве, – потом будет уже поздно. Вот таких, как я, поздно перевоспитывать – мы неисцелимы.

– Я поделилась мыслями с коллегой, – продолжает эта женщина: – А что, если эти дети так хорошо учатся, добиваются таких успехов и отлично социализируются именно потому, что унаследовали гены Заклейменных родителей? Что, если так называемые «пороки» на самом деле – сила, источник совершенства?

Слушатели переглядываются в ужасе: менее всего ожидаешь подобных речей от работницы интерната, человека на службе Трибунала. Вон там в углу стоит надзиратель – как он отреагирует на эту ересь? А он вовсе не реагирует. Вид скупающий, как будто не впервые все это слышит.

– Разумеется, после этого меня уволили, – продолжает рассказчица. – Но до чего же приятно было посмотреть на их лица, когда меня вызвали на заседание и спросили, что я этим хотела сказать.

Недружный смех.

Я снова думаю о Кэррике, о его накачанных мышцах. Похоже, детей со статусом ПСР тренируют всерьез – и разум их, и тело. Он сильный, проворный. И умный. Немалая умственная выносливость нужна, чтобы не впустить в себя всю идеологию, которую ему скармливали ежедневно. Может быть, он и в самом деле близок к совершенству, как говорит эта женщина. А в Трибунале все относились к нему, словно к грязи. Боже, как он мне нужен, как я тоскую по нему, я не буду знать покоя до конца своей жизни, если никогда больше с ним не встречусь. Арт и я, мы говорили друг с другом дни напролет, даже вернувшись домой после вечерней встречи на вершине мы хватались за телефон и болтали чуть ли не до утра о всякой всячине, обо всем на свете, ни о чем. А с Кэрриком мы не успели обменяться ни словом. И все-таки теперь он ближе мне, чем все

остальные люди.

Сердце грохочет, я готова сорваться с места и прямо сейчас бежать на поиски друга, но дед снова толкает меня в бок – как будто ребра и без того не саднит – и привлекает внимание к происходящему в зале.

Альфа стоит на сцене, она уже успела сказать что-то, что я упустила.

Но тут же соображаю, почему дед пихает меня: все повернулись и смотрят на меня. И Альфа смотрит, притворяясь, будто не видит, где я.

– Где же она? – спрашивает. – Селестина, ты здесь, с нами?

Грохочет сердце.

– Будь осторожна, – шепчет дед. – что-то мне тут не нравится. Что-то не нравится... – Он озирается по сторонам, словно в поисках выхода.

Я киваю и встаю. Слышу изумленные вздохи и сама изумляюсь: подумать только, все эти люди знают обо мне. И это меня вовсе не радует, ведь знают они обо мне что? Что я далека от идеала. Они все знают, как я поступила. Знают, кто я такая. Никуда не спрячешься, я не могу натянуть на себя маску, мол, я не я, а ведь почти каждый имеет возможность прикинуться, попав в незнакомую компанию.

Аплодисменты. Я покачала головой и невольно рассмеялась. Сколько сил я положила, стремясь к идеалу, добивалась заслуженного успеха, а не восторгов, хотела быть нормальной, а не выделяться. Отличные оценки, достаточно друзей, то есть я не была ботаном или странненькой, но и не так много, чтобы считать меня чересчур популярной. Да, я трудилась лишь ради того, чтобы оставаться средней, нормальной. А потом – одна лишь ошибка, одна дурацкая ошибка. И теперь я стою в зале, наполненном Заклейменными, и они устроили мне овацию. Чествуют меня. Все это как-то неправильно. Они ошибаются. Не понимают, кто я на самом деле.

Они хлопают все громче, грохот разносится по залу и все ширится и растет. Альфа манит меня к себе, на сцену. Я качаю головой, но те, кто сидит поблизости, настаивают: я должна выйти. И даже дедушка, еще недавно скептически настроенный, теперь горд и счастлив. Он тоже захлопал в ладоши. Выбора нет – придется выйти на сцену. Пока я пробираюсь из заднего ряда, люди на моем пути встают, это распространяется как волна, я иду по центральному проходу, и все встают, все хлопают. Надзиратель отклеился от стены, теперь он уже не выглядит таким скучающим, он подобрался, насторожился. От его взгляда я занервничала пуще прежнего. Поднялась по ступенькам на сцену и встала рядом с Альфой, которая вся обращена к зрителям, понукает их хлопать и кричать «браво». И вдруг разом крики стихли, оборвались

аплодисменты, зрители расселись по местам. Гул затих, в зале наступила такая тишина, что можно было бы услышать, как падает булавка или как стучит мое сердце от дикого прилива адреналина – и от страха. Все смотрят на меня, столько лиц, все ждут от меня каких-то слов – обнадеживающих, значимых. Что-то, что унесут с собой. Альфа отступила в сторону, предоставив сцену в полное мое распоряжение. Но я не могу заговорить. Я только головой беспомощно трясу, и все принимают меня уговаривать.

– Говори как есть! Расскажи нам, что ты чувствуешь! – кричит кто-то из переднего ряда.

Я пытаюсь сообразить, что я чувствую, но чувствую я, что все пошло вкривь и вкось. Не место мне тут, перед всеми этими людьми. Я не та, за кого они меня принимают. Да, я пыталась помочь старику, и я бы рада сковырнуть Кревана, однако я не лидер и не борец. И даже об этом я не смею заговорить в присутствии надзирателя. Я не сумею вдохновить этих мужчин и женщин. Молчание затянулось. Мое дыхание шумно отдается в микрофоне. Я отступаю чуть дальше, смотрю себе под ноги. Нечего мне сказать. Оглядываюсь на Альфу. Пусть поможет мне выбраться с этого дурацкого подиума. Она отвечает мне сердитым взглядом, совсем не то, что мне требовалось: я-то надеялась, она меня утешит, предложит выход. Но нет, никакой поддержки. Я глянула в зал – хотела увидеть дедушку, по его лицу я бы сообразила, как поступить, но и его не видать. Куда он пропал? В тревоге я зашарила взглядом по сторонам, пытаюсь отыскать его в толпе, но деда и след простыл.

С нарастающей паникой я пыталась его отыскать. Все вкривь и вкось. Громко зазвенел в голове сигнал тревоги. Это не я, это не для меня. Пусть Пиа Ванг, Лайза Лайф, Альфа Докери и Эниа Слипвелл исполняют свои миссии, но меня пусть оставят в покое. Я не та, за кого меня принимают. Я оглянулась на того надзирателя – но и его не нашла на прежнем месте.

И прежде чем это произошло, я уже догадалась. Двойные двери распахнулись, в проеме – Лулу.

– Стражи! – в ужасе крикнула она.

Завыли сирены, взорвалась тишина.

Альфа вцепилась в меня. Ногти впились глубоко мне в кожу.

– Иди со мной, – потребовала она.

– Дедушка, – еле выговорила я, задыхаясь. – Нужно дедушку найти.

– С ним ничего не случится, – отмахнулась она, сводя меня со сцены.

– Нет! Без него не пойду, – уперлась я.

Она снова попыталась сдернуть меня с места, но поняла, что без деда я не пойду.

– Ладно, скажу Лулу, чтобы привела его к нам. – Она выкрикнула какой-то приказ – Лулу, мне показалось, готова была рухнуть в обморок, но не рухнула, а принялась торопливо расталкивать обезумевшую толпу в поисках дедушки. Но где он, я не видела и не слишком-то доверяла в этом смысле Лулу: ей бы свою шкуру спасать, а не моего деда. Ага, вон в толпе мелькнул его берет. Все пробиваются к дверям, все пытаются удрать.

– Дедушка! – крикнула я. Он не услышал.

Вот когда я запаниковала не на шутку. Схватила микрофон, в который так и не сумела произнести ни слова, но его уже отключили.

– Нужно его найти!

– Лулу приведет. – И снова Альфа схватила меня за руку и потащила.

– Простите, но с какой стати мне полагаться на Лулу? – ощерилась я. – Это вы предупредили надзирателей? – ору я уже во весь голос. – Подстроили ловушку для Кэррика?

– Что ты? Зачем бы я? С какой стати? – вскрикнула она в такой тревоге, с таким страстным убеждением, что я ей поверила.

– Лулу знала, что меня пригласят выступить. Вы что, на весь свет об этом объявили?

Лицо у нее сделалось виноватое.

– Кое-кому я об этом говорила, но уж конечно широко не рекламировала...

– К черту! – крикнула я, вырывая руку. – Манипуляторша, вот вы кто!

– Дай же объяснить, – взмолилась она. Выражение ее лица и мимика резко изменились, Альфа была в полной растерянности. Совсем не такого исхода она ждала. Да, меня она обманула, но, видимо, не желала зла. – Идем со мной, там я все объясню.

– Куда вы меня ведете?

Не отвечая, она ускорила шаги. В зале уже бушевал хаос, кто-то

пытался вырваться, другие, более решительные и суровые, оставались на местах, руки скрещены на груди – готовы принять свою судьбу, не сдаваясь.

Та женщина, прежде работавшая в интернате, попыталась привлечь внимание Альфы. Побежала следом за нами вдоль сцены.

– Вы же гарантировали мне безопасность! – крикнула она Альфе, но та, отмахнувшись, продолжала тащить меня прочь.

Мы уже были в самой глубине зала, когда раздались свистки, отозвавшиеся во мне страшным эхом воспоминаний: вот так же схватили Ангелину Тиндер, так же примчались за мной. Пронзительный свист приковал меня к месту, и большинство людей тоже. Попались. Крики затихли, один только свист. Он словно гипнотизировал, зомбировал всех нас. Мы замерли. Паника охватила каждого. Но Альфа продолжала упорно тащить меня в другую сторону, дальше от этого свиста.

– Дедушка! – всхлипнула я. Красные жилеты уже наводнили зал. Вот мелькнула в воздухе дубинка, кто-то завопил от боли. Но тут сбоку распахнула дверь, Альфа втокнула меня туда, и весь этот ад остался позади.

– Господи! – бормотала Альфа. – Господи-господи-господи!

Мы бежали, бежали все быстрее. По коридору, в лифт, потом на другой этаж. Вышли в другую часть дома, совсем не такую роскошную – потолки низкие, коридоры сужаются. Больше похоже на бункер.

– Сюда! – Здесь мы могли двигаться только гуськом, и Альфа, прокладывая путь, все время оглядывалась, не отстала ли я.

– Трибунал всегда присматривает за нами, а главное, дает нам понять, что все под контролем: посылают одного-двух надзирателей, те сидят в заднем ряду, прислушиваются и присматриваются. Так что наше собрание вполне легально. Моя миссия им известна. Обычно у нас никаких неприятностей не бывает, – пропыхтела она.

– Обычно! – с горечью ответила я. – Но вы раззвонили всем, что позвали меня. Что я буду выступать. Пари готова держать, Креван уже принял закон, который запрещает и это. Скажут, что это был политический митинг. Что я выступала на митинге.

Она вытаращилась на меня, сухо сглотнула. Паника на ее лице ничуть меня не ободрила.

– Да мы же ничего плохого не делали. Всего лишь делились своими переживаниями. Это законно.

Но когда я шла к сцене, я чувствовала, как меняется настрой. Речь шла уже не о том, чтобы делиться печальными историями и утешать, – совсем

другая атмосфера.

– Значит, правила изменились, – повторила я. – Креван все быстро меняет.

Креван напуган. Власть ускользает у него из рук. Вероятно, он слышал, что его деятельность расследуют, а может, об этом он еще не прознал, но в любом случае сопротивление Трибуналу нарастает теперь уже не только в обществе, но и в правительстве, так что причин для тревоги у Кревана предостаточно. И, если я правильно угадала, он решился на крайние меры, лишь бы заткнуть рот стражам и мистеру Берри – и Кэррику, только бы удалось до него добраться. Да, Креван в панике.

Альфа остановилась посреди коридора, приподняла несколько соединенных друг с другом реек, ввела в спрятанный под ними замок ПИН-код.

– Поверь, Селестина, что я не извещала публику о твоём приезде. Кое-кому я об этом сказала, но пока что я не готова официально именовать тебя сторонницей нашей организации.

– И очень правильно! – рывкнула я. – Пока что я вовсе не намерена числиться сторонницей этой вашей организации, да и насчет наших уроков стоит призадуматься – вряд ли нам когда-нибудь снова разрешат общаться с глазу на глаз. Странно, что и в первый-то раз позволили.

– Как я и говорила: Трибунал поощряет психологическую помощь Заклейменным. Они считали, что я окажу на тебя позитивное влияние. И ты не будешь выступать против них.

Я громко фыркнула.

– Я скажу, что ты собиралась поделиться с обществом своей печальной историей, чтобы никто больше не совершал подобных ошибок. Описать несчастную жизнь Заклейменной. Что ты не собиралась наводить на нее гламур.

– Вот уж чего я делать не собиралась!

Она опять глядит на меня с удивлением. Раздается тихое жужжание, и в стене внезапно открывается дверь.

– Потайной ход?

– Не то чтобы потайной – просто не такой явный, – говорит она, словно обороняясь, и лукаво улыбается.

Внутри оказался кабинет. Столы из ореха, шкафы, битком набитые книгами, кожаные кресла с золотыми пуговицами, каждый свободный сантиметр стен заполнен фотографиями в золотых рамках.

– Здесь ты в безопасности, об этой комнате никто не знает, –

торопливо проговорила Альфа. – Мне нужно вернуться и поговорить со стражами, все уладить. Оставайся тут, твоего дедушку я приведу.

Дверь за ней захлопнулась, и я осталась одна.

Прежде всего я присмотрелась к фотографиям. На всех – один и тот же мужчина с разными людьми. Сплошь официальные снимки в момент рукопожатия. Иногда рядом с ним стоит Альфа, но больше никого я на этих фотографиях не узнаю. На столе – фотография того же мужчины вместе с Альфой, так что это, очевидно, и есть ее муж. И хотя прочие лица мне незнакомы, постепенно я соображаю, что это все крупные политики, они мелькают в новостях, которые и я изредка смотрю. Наконец одного из них я узнала – судью Кревана.

На старой фотографии – Альфа с мужем, судья Креван с женой, все вместе. Прием в саду, леди в летних цветастых платьях, у всех в руках бокалы шампанского, фотограф застиг их в припадке бурного смеха – кто-то мгновение назад пошутил. Закадычные дружбаны. И вновь я спрашиваю себя, какими мотивами руководствуется Альфа. Я покорно следовала за ней, убегая от надзирателей, – но не завела ли она меня в капкан?

На другой стене – обрамленные дипломы и сертификаты профессора Ламберта. За моей спиной послышалось легкое покашливание, я обернулась в ужасе – страж! – но передо мной в проеме еще одной скрытой двери стоял мужчина в джинсах и мятой рубашке.

– Да-да, еще один потайной ход. Она тут лабиринт оборудовала, точно в крысиной норе, – ухмыльнулся он. – Билл, – добавил он, протягивая мне руку.

При этом движении он слегка покачнулся, и я, сделав шаг вперед, почувствовала, как от него разит алкоголем. На лице у него пробивалась седая щетина, вид такой, словно он несколько дней так и спал в одежке.

– Вы – муж Альфы. – Я узнала мужчину с тех фотографий.

Он снова захихикал:

– Было время, не меня называли ее мужем, а ее – моей женой. Ладно. Было время, и все было по-другому. Значит, ты и есть она. Она! – Он уставился на меня, пародируя почтительное обожание. – Альфа только о тебе и твердит последние дни.

Он внимательно оглядел меня, затем отошел к столу и принялся что-то искать в ящиках. Пока он искал, я тоже смогла к нему присмотреться, а заодно разглядеть и помещение, откуда он вышел. С виду похоже на кухню, и там, конечно, имеется очередной ход в другую скрытую комнату. Зачем они построили целый подземный дом? Из ящика послышался звон бутылок.

Бывший профессор изобразил удивление:

– Надо же что отыскал. Выпить хочешь?

– Нам запрещено пить спиртное! – отрезала я. Вон у него Клеймо на виске.

– Ах да! – Он опять засмеялся и шепнул мне: – Никому не говори, и я не скажу.

– Там, наверху, стражи, – напомнила я, дивясь его легкомыслию.

– Эти жуткие, со свистками? – Он довольно точно изобразил пронзительный звук и опять захихикал. – Я их не боюсь. А ты?

Он налил виски в стеклянный бокал, стоявший на серебряном подносе, и уселся в кожаное кресло у стола. Расположился поудобнее и выпил.

– Я боюсь, они схватят моего деда.

– О дедушке не беспокойся. Он профи, он удрал еще прежде, чем они вошли в зал. Сейчас он прячется в утренней гостиной.

Профессор нажал кнопку под столешницей, и в золотых рамках вместо фотографий проступили экраны, передающие изображения с камер.

– Четвертый ряд сверху, третья слева.

Я подошла ближе к экранам, нашла ту комнату.

– Там никого нет.

– Вот видишь? Говорю же, он профи. Маленькая ниша за книжным шкафом. Надеюсь, он не страдает клаустрофобией. Но он в полной безопасности. Там его не найдут.

На других экранах – безумие и хаос. Схваченных строят в ряд, те, кто оказал сопротивление, уже лежат на полу, многие ранены. Кого-то выводят из дома прямиком в арестантские фургоны. А вот и Альфа, чуть в стороне, что-то сурово выговаривает стражу.

– Почти всех отпустят, не предъявляя обвинения, – спокойно комментирует профессор. – Им требовалось лишь напугать вас и разогнать собрание, и это им удалось.

Я кивнула, радуясь, что дед в безопасности. Но продержится ли он в тесной кладовке за шкафом до ухода стражей?

– А как же анализы? – спросила я. Любопытно же, как Заклейменному удастся выпить – и, судя по его состоянию, немало. – Разве страж не обнаружит?

– Мы, гении, всегда выкрутимся, – улыбнулся он. – Ты ведь математикой будешь заниматься?

– Надеюсь. – Какие у меня теперь перспективы в плане карьеры? Никаких начальственных постов не занимать, выше менеджера среднего звена точно не подняться, да и о менеджерской должности, скорее всего,

я могу только мечтать.

– «Надеешься». – Он поморщился. – Оставь надежды. Примени математику – решай свои задачи.

Я поморщилась: он явно перебрал.

– Не думаю, что математика поможет мне решить такие задачи.

– Очень люблю цитировать слова Альберта Эйнштейна: «Нельзя решить задачу теми же средствами, которыми мы ее создали».

Он поглядел на меня, глаза его азартно блеснули. Похоже, его эта цитата прошибает, но меня вовсе нет.

Я только плечами пожала:

– Ну да. Догадываюсь.

– Что значит: «догадываюсь»? И это математик! – Он резко выпрямился и заговорил, как учитель. – Математик берет чистый лист, составляет список действий, рассматривает все возможности и полагается только на разум. Никаких догадок, дорогая моя! Кто такой Дьердь Пойя, тебе известно?

– Разумеется.

– Я как-то прикупил его книгу. Симпатичная философия. Он говорит, что для решения задачи требуется выполнить четыре правила: прежде всего понять задачу, затем составить план, затем его осуществить и наконец оценить проделанную работу. Если этот метод подведет – что, конечно, случается нередко, – и если вы не можете справиться с задачей, тогда, говорит Пойя, непременно существует задача попроще, которая вам по силам. Остается только ее найти.

Невольно и я улыбнулась.

– Так и думал, что это тебе понравится.

– Вы друг судьи Кревана, – спохватилась я.

– Друг? – изумился он. – Кто тебе сказал обо мне такую гадость?

– Фотографии.

– А, это. – Он пренебрежительно махнул рукой. – Ни с кем из них я больше не вижусь. Кроме нее, разумеется, – он ткнул в фотографию, на которой был запечатлен вместе с Альфой у кромки моря, оба загорелые, он чисто выбрит, выглядит на много лет моложе. – Да и она бы предпочла оставаться одной из них. Разве у судьи Кревана могут быть друзья, смею спросить?

Он мне положительно нравился.

– Но вы работали на Трибунал?

– На Трибунал – нет, – покачал он головой. – На правительство. Которому вообще-то должен подчиняться и Трибунал, только обе стороны

об этом забыли. – Он снова мне улыбнулся. – Она говорила, что ты задаешь мало вопросов. Рад видеть, что с этой задачей ты справилась. Но аккуратнее, иные вещи лучше не знать. Знание не всегда дает нам преимущество, порой неведение – счастье, а знание – ответственность, от которой всякий рад был бы уклониться.

Он прикрыл глаза, лениво откинулся в кресле, которое покачнулось под его весом – того гляди, опрокинется.

– И в этом мы с ней тоже расходимся, ясное дело. Она хочет быть в курсе всего. Возглавить крестовый поход. Я не спорю. По крайней мере, ей есть чем заняться.

– Вы не верите в эту организацию?

– Толку-то от подобных организаций? – Он приподнял бровь, посмотрел на меня одним глазом. – Мы с тобой сидим тут, всех остальных наверху похватали.

Последним глотком он допил карамельного цвета жидкость. На лице его было написано такое блаженство, что я бы с радостью присоединилась, но тут же вспомнила, как Логан вливал мне в глотку пиво, и всякое желание выпить пропало.

– Он хотел отобрать у меня дом и деньги, – говорит он как бы в продолжение разговора. – Да и сейчас изобретает способы заморозить активы Заклейменных, пустить их деньги на финансирование Трибунала. Как поступают с преступниками. Но ведь мы-то не преступники, а, Селестина?

Я покачала головой.

– Отлично. Помни это. А то иной раз позабудешь. Конечно, с преступниками обходятся лучше: отбудут срок и свободны. А мы заклеямы на веки. – Смех исчез из его голоса. – Знаешь ли ты, что за годы работы Трибунала Креван получил жалованья свыше ста миллионов? Денежки налогоплательщиков. Знали бы это люди – плевали бы в Кревана, а не в тех, кого ведут на суд. Вот где преступление.

Я в изумлении покачала головой. Ничего себе заработки!

– Так, и чего она от тебя ждет?

Альфу он ни разу не назвал по имени, это я отметила.

– Толком не знаю. Сперва пригласила на встречу, потом заставила выйти на сцену, но тут, к счастью, подоспели стражи. «К счастью» – вот уж не думала, что такое скажу.

– Не любишь выступать?

– Особенно когда не знаю, о чем говорить.

– Кто не знает, тот обычно и говорит, – пошутил он, и мы засмеялись

вместе. – Дела значат больше слов, так и запомни. Не все созданы для подиума и мегафона. Ты лучше найди себе дружка, по возможности Заклейменного. Да, так лучше, легче. Жить по одним правилам, тихо-спокойно, минус на минус, два Клейма вместе – Идеал. Влюбишься. Обзаведешься семьей. Детьми. Будешь их растить. Жить нормальной жизнью.

– Я не могу иметь детей от Заклейменного.

– Мочь-то ты можешь. Тебе всего лишь *нельзя*.

– И это вы называете нормальной жизнью? Вы же вроде бы советовали обходиться без проблем.

– Я такое говорил? – Он посмотрел мне прямо в глаза.

Я мысленно перебрала все его реплики и покачала головой.

– Нет. Вот именно. Я сказал: дела значат больше слов. Не надо болтать. Просто делай. Все они там наверху, и она тоже – нет, я ее люблю, и все-таки – они только говорят. Но ты – действуешь. Вот почему они ухватились за тебя. И будут за тебя цепляться. Чтобы ты действовала за них. Но ты – ты действуй за себя. Ради себя. – Он поднялся, обошел стол и приблизился ко мне. Взял меня за руку, раскланялся, как на сцене. – Мисс Норт, было приятно познакомиться с вами. В жизни вы еще прекраснее, чем на газетной фотографии.

Я улыбнулась в ответ.

– Будьте осторожнее, – деликатно посоветовала я. – Сегодня наверняка придется сдавать анализ.

– Как всегда – но есть способы их обдурить. Кто твой надзиратель?

– Мэри Мэй.

– Уф! – скривился он. – Не позавидуешь. Да, с ней обходных путей нет – лишь в тот день, когда она убралась отсюда, моя жизнь стронулась с мертвой точки. Раскачиваясь и грохоча, как ржавый поезд-призрак, но все-таки поехала. Словом, ищи в себе скрытые резервы и подражай своим героям. Я – ученый, и в этом я черпаю силу. – Он махнул на прощание рукой и шагнул к потайной двери. – Не говори ей, что я приходил.

– Почему?

– Не надо. Она разволнуется, она вечно боится, как бы я лишнего не сболтнул.

Дверь открылась, он обернулся на пороге, словно что-то хотел добавить, а мне представилась возможность заглянуть в ту комнату – и я оцепенела от ужаса: там прятался страж.

Билл увидел, как исказилось мое лицо, и тоже заглянул в комнату:

– Маркус, что там делается?

Маркус провел руками по волосам, покачал головой:

– Креван на всех навел панику. Все передрались. Заклейменные и незаклейменные и даже стражи. Хаос.

Тут он увидел меня, запнулся и отошел подальше в тень.

– Маркус очень застенчив, – шепнул мне Билл.

Я все еще не могла в себя прийти от услышанного разговора. Надзиратель на нашей стороне.

– Я бы хотел повидаться с ним. Мне он пришелся по сердцу, – сказал вдруг Билл.

За ним не угонишься. О ком он сейчас?

– И она к нему привязалась. У нас с ней детей не было – думаю, она и об этом успела тебе рассказать. Сколько лет она добивалась, и наконец ей разрешили взять его к себе. Нас за год предупредили, что после интерната он будет жить здесь. Они готовят семьи, знаешь ли, обучают, натаскивают, чтобы ни на йоту не уклонялись от учения Трибунала. Она ездила к нему, они вроде бы подружились, она считала дни до окончания школы и на выпускной к нему поехала. Мы надеялись, ему тут понравится. Да вроде бы и мы понравились. Но в один прекрасный день он сбежал, ни слова не сказав. Вот что ее терзает. Он не дал ей шанса показать, на что она способна, чем занимается. Если бы он это знал, глядишь, и остался бы. Она сильно к нему привязалась. Да и я тоже – главным образом потому, что рад был видеть ее такой счастливой. – Глаза его наполнились слезами. – Увидишь Кэррика – попроси его навеститься к нам. Скажи ему: мне жаль, что все так закончилось.

Домой мы с дедушкой ехали в молчании. Два часа нам пришлось ждать, пока стражи не убрались, и тогда мы смогли уехать. Профессор Ламберт ошибся, когда утверждал, что никого не арестуют: может быть, поначалу действительно планировалась только акция устрашения, однако все зашло слишком далеко, часть присутствовавших отважилась сопротивляться, они попросту отказались выполнять приказы, чего надзиратели никак не могли ожидать и в чем непременно обвинят меня, хотя я и рта не успела открыть. Наверное, впервые люди поднялись против стражей, раньше никто не осмеливался: противиться надзирателю – все равно что самому Трибуналу, а это приравнивается к поддержке Заклейменных. Несколько натянуто, но таким образом обеспечивается неприкосновенность стражей.

Шестерых схватили и увезли; четверо – Заклейменные, их накажет Трибунал, а двое, скорее всего, будут осуждены за помощь Заклейменным. Еще четверо, избитые дубинками надзирателей, угодили в больницу. Кое-кто из сторонников Альфы – незаклейменных – сразу же ее предал. Эти люди сообщили Трибуналу все, что от них требовалось, лишь бы собственную шкуру спасти. В общем, это «мирное консультационное собрание» обернулось катастрофой. Сама Альфа уцелела, но тоже висела на волоске. Думаю, ее включили в черный список. Я видела ее после долгого разговора с надзирателями, она все пыталась понять, что же пошло не так. Вид у нее был ошеломленный.

Маркус, приставленный к Биллу, разыскал деда и привел его ко мне. Оказалось, он-то и помог деду спрятаться. Жена Маркуса, Кэти, тоже служит в надзирателях, и оба они поддерживают кампанию в защиту Заклейменных. Ее многие поддерживают, сказал мне Маркус, и таких людей становится все больше, но больше становится и активных противников этой кампании, людей, которые ненавидят и боятся Заклейменных, тоже становится больше. Даже надзиратели колеблются, спорят друг с другом, доносят. Если Маркуса разоблачат – заклеят, как предателя. Ему страшно.

Я злилась, у меня хватало причин не доверять Альфе, но и ссориться с ней я не хотела: и потому, что о дедушке все-таки позаботились, и потому, что я поверила рассказу Маркуса. А в особенности из-за Кэррика: она отчаянно разыскивала его, тосковала, как и я, и действительно не знала,

где он. Я чуть было не попросила помощи у Маркуса, но вовремя остановилась: это все же могла быть ловушка, а я научилась их избегать. Нельзя допустить, чтобы о моих поисках прослышал Креван. Нельзя допустить, чтобы он узнал: свидетелем Клеймения оказался Кэррик. Пока это знаем только мы с Кэрриком, преимущество на нашей стороне.

Нас с дедом обо всем расспросили, проинструктировали, и мы наконец отправились домой. Я предпочитала вернуться задолго до комендантского часа.

– Профессор Ламберт, – задумчиво проговорил дед (он все время поглядывал в зеркало заднего вида). – Помню, как о нем писали в новостях. Он работал на правительство. Дружил с Креваном. Читая между строк, могу предположить, что Креван его подставил, решил от него избавиться. Его должность досталась родственнику Кревана. Креваны повсюду. Возможно, потому Альфу и не трогают, при всей ее активности: Креван чувствует себя немного виноватым. Насколько он на это способен.

– Трудно понять. Альфа уверяет, что не ведет со мной игру, но если она и не устроила мне ловушку по поручению Трибунала, то уж точно хотела использовать, чтобы с моей помощью найти Кэррика. Потому-то и рассказывала направо-налево, что я приду. Надеюсь, что слух дойдет до Кэррика, и он тоже приедет.

– Ты думаешь, он бы появился, если бы знал?

– Понятия не имею.

– Но ведь он и так знает, где ты, Селестина. Это всем известно. Стоит открыть газету или включить телевизор – и вот они, репортеры перед твоим домом. Если бы он хотел повидаться с тобой, он давно мог это сделать.

Слезы горячо щипали мне глаза.

– Ладно, убедил! – буркнула я. – Он не хочет меня видеть.

– Нет, я не об этом, Селестина. Я только надеюсь, что Креван не успел до него добраться.

Я тоже этого боялась. И снова мы замолчали и в молчании продолжали путь. Но нет, говорю я себе, Креван конечно же его не нашел, оттого и бесится. Иначе я бы осталась единственным человеком, кто знает про его безумную выходку, а меня он полностью контролирует, каждое мое движение. Я перебираю, что мне известно о Кэррике, что я узнала сегодня. Он умен, он хитер. Он просто выжидает.

– Не думаю, что тебе стоит возвращаться домой, – говорит вдруг дед.

– Почему?

– Надзиратели явились за тобой. Это очевидно. Они ждали, чтобы ты выступила, – поймать тебя, когда ты будешь разжигать людей против

Трибунала. Это им не удалось. Но они знают, что ты там была. Найдутся предатели, которые присочинят все, что угодно, лишь бы самим спастись. Да, кое-кто уже становится на сторону Заклейменных, но, как мы сегодня видели, многих людей недолго и отпугнуть. Люди порой готовы прийти на помощь забитому псу, но при малейшей опасности от него отступятся. А сейчас настали опасные времена, Селестина.

– Куда же мне деваться, если я не вернусь домой?

– Будешь жить у меня. Я же тебе говорил: у меня на ферме, вдали от Кревана, тишина и покой. Ты думаешь, кроме Маркуса и его жены у тебя нет сочувствующих среди стражей? Уверю тебя, их гораздо больше.

– Если я не вернусь до комендантского часа, накажут всех – маму, папу, Джунипер, Эвана. Не могу же я так их подвести. Надо ехать домой – и будь что будет.

Дедушка мрачно кивнул.

– И ведь я ничего не нарушила! – разгорячилась я. – Меня пригласили – моя учительница пригласила – на законное собрание. Если что-то случилось, это ее вина, а не моя. Пусть допросят Маркуса, он свидетель.

– Так им и скажи, – печально улыбнулся он. Мы оба понимаем, что мою версию никто и слушать не будет.

– Они видели твой грузовик, – спохватилась я. Нам ничего не удастся скрыть. Надзиратели переписали все машины на парковке.

– Он зарегистрирован не на мое имя, – преспокойно ответил дед.

– На чье же? – удивилась я.

Он захихикал:

– Не бери в голову. Все равно придется от него избавиться.

Я покачала головой: он не устает меня удивлять.

– Здорово молодость напоминает. Все эти штучки-дрючки.

Я изогнулась всем телом, пытаясь заглянуть ему в глаза.

– Что-что это тебе напоминает?

– Мою молодость! – подмигнул он.

– Дедушка! – вскрикнула я в испуге, заметив просочившуюся из-под берета кровь. Красная струйка медленно поползла по его щеке. – Останови грузовик, ты ранен.

– Все в порядке. – Он торопливо утер лицо и сосредоточил взгляд на дороге. – Ушибся, столкнувшись с надзирателем, – это еще до того, как Маркус отыскал меня и отвел в убежище. Ничего страшного.

Я стянула с него берет. Ему врезали дубиной по голове.

От моего прикосновения он передернулся.

– Наверное, придется накладывать швы.
– Никаких швов.
– Дедушка!
– Дома у меня найдется человек, который меня полечит и не будет задавать вопросы.
– Ты пока еще домой попадешь. Надо хотя бы промыть и перевязать. С этим он спорить не стал.
– Притормози у магазина. Тут рядом. Куплю, что найду, прижгу рану, чтобы не попала инфекция.
– Успеется – сначала доставлю тебя домой в целости и сохранности.
Но мы оба понимаем: неизвестно, что ждет нас дома. А раной нужно заняться прямо сейчас.
– Ладно. – Он съехал с дороги и припарковался за торговым центром, поближе к служебному выходу. – Я быстро.
– Нет, оставайся тут, я схожу. Ты и так потерял много крови. Берет на нем промок насквозь.
– А если тебя разыскивают? – встревожился он.
– Где? Тут? В придорожном супермаркете? Да и не торопимся ли мы с выводами – может быть, сегодняшний переполох произошел вовсе не из-за меня. Альфа что-то затевает, может быть, Трибунал счел ее деятельность оппозиционной, опасной. Они лишь притворялись, будто одобряют ее «консультирование», а сами только и выжидали момент, чтобы ее схватить.
Он покивал мне чуть насмешливо:
– Давно ли ты стала такой рассудительной?
Я со смехом поцеловала его в лоб.
– Дуй быстро в магазин и обратно. Не ввязывайся в неприятности.
– От меня с рождения одни неприятности, – повторяю я дедушкину присказку, и он тоже смеется.

Девять часов вечера. До нашего дома десять минут езды, а до комендантского часа целых два часа. Времени с избытком. Все будет о'кей. Вот только эта рана у дедушки на голове. Я ускоряю шаги и с бьющимся сердцем вхожу в магазин – впервые после Клеймения – и чувствую, как все смотрят на меня. Женщины отводят подальше детей, подростки таращатся, кое-кто выкрикивает дразнилки. Меня узнали, фотографируют, один мужчина идет за мной по пятам и снимает на камеру телефона. Другой чмокает над моим ухом, изображая страстные поцелуи. Опустив голову, я пробираюсь по магазину, держась поближе к стене. Вот тебе и «туда-обратно без неприятностей». Хотела бы я сделаться невидимкой, но ярко-красная повязка на руке выдает меня,

как и бросающийся в глаза шрам на виске. Я заметила Заклейменную женщину, она вела за руку маленькую девочку. Кто-то вышиб у нее из рук пакет, подростки разразились хохотом. Женщина остановилась, и, не отпуская от себя ребенка, низко наклонилась, принялась собирать рассыпавшиеся покупки. Подростки улюлюкали. Девочка смотрела на них огромными печальными глазами, а мать, уже на четвереньках, искала укатившиеся фрукты.

Я жалась к стене, смотрела себе под ноги, мне бы только выбраться отсюда без сцен. Нельзя привлекать к себе внимание. Чувствовала себя крысой, живущей в водосточной канаве, – у всех под ногами, кто заметит, тот зашибет. Из моих глаз катились слезы, и никто не спросил, что со мной, всем наплевать – и от этого еще хуже.

Наконец, все так же пряча лицо, я дошла до кассы. Где-то рядом прозвучало мое имя, но я не поднимала глаз. Только не ввязываться.

– Эй! – сердито крикнул какой-то мужчина.

Я знай смотрю себе под ноги. Это он не мне. На этот раз я ничего не нарушаю.

Я рассматривала выложенные у кассы упаковки ваты, антисептиков, бинтов, полностью сосредоточившись на упаковках, на изяществе логотипа, завитушках надписей, счастливых человечках из ваты – и ручки есть, и ножки есть, и физиономии расплываются в улыбке. Любой персонаж рекламы очеловечивается, зато расчеловечивается человек. Предметы наделяются душой, у человека душу отнимают.

– Эй! Тебе говорю! – снова тот же оклик.

Сердце забилося чаще. Эти крики не сулят добра. Я медленно подняла глаза. Этот мужчина смотрит на меня. И все остальные тоже. Кассирша перестала выбивать чеки – что это она, лучше бы побыстрее работала, минута – и меня здесь нет. Я глянула – а кассирша уже не за кассой, она отошла подальше от очереди. И все покупатели тоже. Все разбегаются по сторонам. Остались только мужчина передо мной и мужчина позади. Оба выше меня, я им едва до плеча достаю, но и этого достаточно, чтобы понять, из-за чего суматоха: их ярко-красные нарукавные повязки бьют мне в глаза, словно красный свет светофора. Заклейменные. Оба. А я втиснулась между ними. Трое Заклейменных вместе. Это запрещено.

Первая реакция: отойти. Я поняла, в чем проблема, и знаю, как ее решить. Отойти – тогда их останется двое. Но это решение оказалось неверным.

– Стой! Стой, где стоишь! – Это не просто мужчина, это полицейский.

Я вернулась на свое место.

– Стой тихо, Селестина, – мягко советует тот, кто стоит сзади меня. – Все обойдется.

– Вы меня знаете?

– Мы все тебя знаем, – улыбается он.

– Всем молчать! – орет полицейский.

– О, это бешеный, – шепчет нам тот, кто стоит впереди.

– Отойдите от кассы! Все трое! – трясется полицейский. – Чтобы я вас видел. – Расшумелся по пустякам. Молодой. Один, без напарника. Громоздит ошибку на ошибку.

Хотя я оказалась между двумя Заклейменными мужчинами, хотя мы все – Заклейменные, я почему-то чувствую себя в безопасности рядом с ними. Словно они – моя защита. Оба довольно молодые, чуть за тридцать, крепко сложенные. Наверное, сильные. У одного красное «П» на виске, где у другого – не видно, может быть и на груди, и на ладони, на стопе или на языке. Возможно, полицейского пугает как раз их молодость и сила. Судя по их виду, они вполне могут оказать сопротивление. Крепкие челюсти, широкие плечи, большие руки. Похожи на солдат. Похожи на Кэррика. Никогда раньше я не оказывалась рядом с двумя Заклейменными и теперь понимаю, почему нам запрещают собираться вместе. Рядом друг с другом мы становимся сильнее. Когда ты не один, чувствуешь себя увереннее. А *они* не хотят, чтобы мы почувствовали уверенность. Чтобы мы ощутили свою силу.

– Мы же просто стояли в очереди, – говорю я наконец, обозлившись на толпу, которая глазеет на нас, словно на животных в зоопарке. Мне нужно как можно скорее вернуться к дедушке, он ждет меня за рулем, голова его кровит. – Я хотела купить вату. – Я поднимаю упаковку, предъявляя полицейскому. – Это не угрожает общественной безопасности.

Кое-кто зафыркал, оценив мою шутку.

Полицейский аж побагровел:

– Вы все трое выстроились подряд. Это запрещено законом.

– Нет, законом это не запрещено, – возразила я, и оба Заклейменных удивленно уставились на меня.

Другое странно: как это полицейский не разбирается?

– Это всего лишь правило, которое государственная организация подкрепляет угрозой наказания. Это не закон. Вы не можете арестовать меня за то, что я оказалась рядом с этими двумя мужчинами. Вы – полицейский, а не страж. Ваш долг – служить людям и защищать их.

– Вот именно, защищать от таких, как вы! – выкрикнул мужчина из толпы.

– Нет, – продолжала я, обращаясь к полицейскому. – Ваша обязанность – служить в том числе и *мне*, защищать *меня*. Я тоже часть общества.

– Вот уж тебе, *Клейменная*, я точно служить не стану, – прорычал он. Как будто я заразная.

А ведь не так давно я доверяла полиции, восхищалась ее работой, чувствовала себя под защитой. Сегодня в магазине люди шипели мне вслед проклятия, уволакивали с моего пути детей, никому нельзя поглядеть в глаза. Гнев закипает во мне. Это же все противоречит здравому смыслу.

Я ведь твердо придерживаюсь логики, дефиниций, черное или белое.

– Ч-О-У-П! – ору я полицейскому.

Гнев так и полыхает внутри. Я учила это в школе. Нас всех этому учили. Почему он забыл простые вещи, которым его наверняка учили, как и меня? Почему в реальном мире никто не поступает по школьным прописям?

– «Ч» – это Честность, – принимаюсь я расшифровывать аббревиатуру, и голос мой дрожит, но не от страха – от гнева. Я стараюсь, как могу, совладать с ним. – Всегда быть честным, следовать принципам этики и справедливости. Вот что в первую очередь требуется от полицейского. «О» – ответственность. Принять на себя личную ответственность и обеспечить ответственность каждого перед обществом.

Толпа загудела, но я продолжаю, глядя полицейскому прямо в глаза.

– «У» – Уважение. Уважение к людям, к правам и потребностям человека!

Зрители что-то вспоминают, некоторые уже кивают, соглашаясь. Полицейский шагнул ближе ко мне, поднес к губам рупор и приказал всем отойти.

– Осторожнее, – шепнул мне Заклейменный, стоявший впереди.

Полицейский стоит уже вплотную ко мне, ухмыляется высокомерно.

– Отпустите их! – выкрикнул кто-то из толпы.

– Точно, они ничего плохого не сделали. Просто в очереди стояли.

Все что-то кричат, полицейский вовсе теряет контроль над собой. Частые бусины пота выступают у него на лице. Ему страшно. Он – один против всех.

– Эту девушку показывали по телевизору, она знаменитость, – кричит кто-то еще. – Нельзя ее трогать.

– Та самая, с пятью Клеймами.

Полицейский щурится, вглядываясь в меня, соображая, кто я есть. Похоже, он меня боится.

– Самая порочная! – заорал еще один, но остальные зашикали, велели заткнуться. Толпа разделилась, люди заспорили между собой.

Полицейский отстегивает от пояса дубинку.

– Это еще что? – спрашивает тот, кто стоит позади меня. – Дубинка-то зачем?

– Молчать! – орет полицейский. Уже и верхняя губа вся в поту.

– Она совсем ребенок! – заступается женщина. – Бога ради, отстаньте от нее.

Этот отчаянный вопль спровоцировал новый шквал эмоций.

– Помалкивай! – с угрозой говорит мне полицейский. – Держи рот на замке, поняла?

Я набрала в грудь воздуха. Я еще не закончила. Логика требует по крайней мере завершить то, что я начала. Через несколько минут дед сообразит: раз я не возвращаюсь, значит, что-то случилось. Он нажмет на газ и успеет уехать. Не знаю уж, чем он занимался в прошлом, но верным инстинктом обзавелся.

– Профессионализм, – произношу я заключительное слово, негромко, обращаясь только к полицейскому. – Профессиональная полицейская помощь *всем и каждому*.

Он поглядел на что-то за моим плечом, и я извернулась, проверяя, что там – там ничего не было, но, пока я сообразила, как меня развели, он успел замахнуться и врезать мне под коленки. Ноги подкосились, и я рухнула. Склеянка с лекарством разбилась об пол.

На миг все замерло, словно каждому нужна была краткая пауза, чтобы сделать выбор, разобраться, понять, на чьей же он стороне. Потом разразился бунт.

Снизу мне видны были только ноги: уже не праздно топчущиеся ноги зевак, но действующие, бегущие. Ноги повсюду, со всех сторон. Кто-то наступал на меня, кто-то всеми силами пытался защитить, оградить, но каждый раз, когда я пыталась подняться, меня тут же вновь сшибали с ног – толчком, ударом, пинком, пока я не скорчилась на полу, обессилив, прикрывая голову руками и дожидаясь, чтобы рассеялись черные мушки перед глазами. Дышала я с трудом. А потом послышались свистки – явились надзиратели, среди пестрой обуви замелькали черные башмаки. Часть толпы обратилась в бегство, но откуда-то спешат подкрепления и тоже вступают в бой. Снизу видно, как мелькают кулаки, течет кровь. Уже и не понять, кто за кого бьется. В какое-то мгновение, когда мне удалось проморгаться, мне померещилась в дверях супермаркета Эниа Слипвелл – стоит и наблюдает. Но меня к тому времени столько раз

стукнули по голове, что могли и галлюцинации начаться. Я перестала бороться, уже не пыталась привстать, свернулась клубочком, но и в таком положении меня настиг очередной удар по голове – и тут же башмак двинулся прочь, не заметив меня, и я еще успела ощутить прикосновение кожи к лицу, а дальше все расплылось.

Я слышала шум, потом перестала слышать. Звон в ушах перекрыл все прочие звуки. Я лежала на земле, потом я куда-то летела по воздуху – не умерла ли я? Не должна ли подняться и идти навстречу свету? Но этот свет – всего лишь фонари супермаркета, и я в общем-то жива, хотя и лечу. Наконец я ощутила и руки, которые меня несли, большие руки, надежные, утешительные. И шею, которую я бессознательно обнимала. И грудь, на которой покоилась моя голова. Кто-то нес меня. Смотреть ему я могла только в грудь, и тут же увидела «П» – в точности как у меня, чуть пониже ключицы, там, где футболка порвалась в драке. Заклейменный несет меня. Пахнет от него приятно, чистым потом и чем-то еще, что я пока не могу определить, но это запах безопасности. Несет меня, как ребенка, и я прикинула к нему, головой к груди, затылок уютно уместила у него под подбородком, отвернулась от режущего глаза света. Он несет меня, а я вдруг осторожно провожу кончиком пальца по «П» на его груди, и он останавливается с размаху. Никогда прежде не прикасалась я к чужому Клейму. На ощупь в точности как мое. Как мои первые пять, не как то, шестое, на спине, когда меня прижгли без анестезии – я дернулась, и шрам вышел расплывчатый, с неровными краями. Я не убираю палец от Клейма – этот чужой человек уже не совсем чужой, его Клеймо так похоже на мое, словно я притронулась к собственной коже.

Я приподнимаю голову, вижу, как ходит большой кадык, и окончательно узнаю, кто это, кто смотрит мне прямо в глаза.

Кэррик.

Его внимательный взгляд, встревоженный, огорченный. Я спешу улыбнуться в ответ. Кэррик, которого я привыкла видеть через стекло. Но теперь стекла между нами нет. И, позабыв о бушующем вокруг безумии, он ответно улыбается мне.

– Говорил же: я тебя разыщу.

И мы летим прочь, прочь, подальше от этого света, от этого шума.

Я очнулась со стоном, болело все тело, с головы до мизинца на ноге. Проснулась я в постели, у себя дома. Было темно, только сквозь узкую дверную щель с площадки пробивался свет. Понадобилась минута-другая, чтобы зрение приспособилось к сумраку, но вскоре я уже отчетливо все различала. На стуле у кровати никто не сидит. На мне та же одежда, в которой я уехала с вечера. За окном темно, то есть уже больше десяти вечера, я проспала несколько часов. Потом вдруг волной обрушилось все, что произошло в супермаркете, я спохватилась: как же дедушка, он ждал меня снаружи, и эта рана на голове... Дайте мне телефон, я сейчас же ему позвоню, хочу убедиться, что он выбрался, он в безопасности... Но в этот момент снизу донеслись голоса.

Тихие, напряженные голоса. Вот мамин голос, торопливый, умоляющий, никогда не слышала у нее такого высокого, захлебывающегося голоса. Тут же кто-то властно перебил ее – я сразу узнала второй голос, но не сразу поверила. Креван! У нас в доме! Должно быть, мне снится кошмар. Не мог же он явиться сюда. Я попыталась сесть и снова застонала. Живот разболелся, ребра, должно быть, переломаны – уж одно точно. Я потянулась рукой к животу и нащупала плотный бинт. Кое-как удалось скинуть ноги с кровати. Голова кружится. Закрыв глаза, я подождала, пока перестанет вращаться пол, пока уймется тошнота.

Возле кровати мне оставили воду. Я выпила ее одним глотком и сумела встать. Все болит, каждый мускул. Как я попала домой, не помнила, хотя и не забыла пригрезившийся мне полет, когда Кэррик нес меня, когда на его руках я чувствовала себя так безопасно, так спокойно. И он улыбнулся мне, а я прислонилась головой к его груди и закрыла глаза. На том воспоминания обрывались, и я уже не знала: может быть, я выдумала Кэррика? Или он действительно был там?

Дверь открылась, вошла Джунипер. Лицо ее перекошено страхом, и я сразу поняла: опять что-то стряслось.

– Ты проснулась?

– Что происходит? – Я вновь подумала о дедушке и приготовилась услышать самое плохое.

Джунипер дышала часто, словно задыхаясь:

– Креван явился. Он там, на первом этаже. Угрожает родителям. Говорит, папу уволят, говорит, их обоих посадят в тюрьму, если они

не выдадут тебя – прямо сейчас.

У меня челюсть отвисла.

– Говорит, что вызовет надзирателей и тебя заберут силой, если родители не велят тебе выйти добровольно, только я ему не верю: если б хотел, он бы давно их вызвал. Что-то он задумал. Мне кажется, он хочет забрать тебя сам и увезти куда-то тайком. Чего он от тебя добивается, Селестина? Ты сама-то знаешь? Это все из-за Арта? Он спрашивал родителей, где видеозапись. Они не знают, о чем это он, а ты знаешь? Он говорит, запись у тебя и чтоб ты сейчас же ему отдала.

Я смотрела на сестру в тупом недоумении, ничего не понимая. Он прознал про запись мистера Берри? Но как? И считает, что она у меня? Нужно поговорить с Пиа, только она знала, помимо Кэррика и мистера Берри, она ищет запись. «А она-то как?» – вдруг подумала я с тревогой. Что-то за весь день не давала о себе знать. Потом я припомнила телефонный разговор с мужем мистера Берри. Все-таки Креван нас подслушал. Должно быть, у меня в телефоне жучок.

– Мама и папа пытаются его уговорить, чтобы он не забирал тебя. Но он твердит, что ты была сегодня на сборище Заклейменных. А потом спровоцировала бунт в супермаркете. Там двое погибли. Полиция применила газ. По телевизору только об этом и говорят. На улицах неспокойно. Во всем винят тебя, показывают запись, кто-то успел снять – но, Селестина, боже мой, Селестина! – И она вдруг расплакалась. – Селестина, я видела эту запись, я так тобой горжусь! Я бы никогда не смогла сказать то, что ты сказала, поступить так, как ты. И в суде, и в камере Клеймения, и теперь в магазине... Я не знаю, как у тебя это получается, ты потрясная, я тебя очень люблю и горжусь тобой. А он говорит, если ты отдашь ему запись, обвинения не будут предъявлены.

Я покачала головой, ошеломленная, все еще плохо соображающая. Голова здорово гудела.

Джунипер попыталась взять себя в руки: не вовремя она расчувствовалась, надо действовать.

– Я собрала тебе рюкзак. Пока мама с папой забалтывают Кревана в библиотеке, ты выберешься через черный ход. Тот парень, который тебя принес, оставил записку. – Она сунула бумажку мне в руку. – Не потеряй, он постарается помочь. Он знает людей, которые помогут тебе. Разыщи его, ладно? Обещай мне! Тогда ты будешь в безопасности. – Она погладила меня рукой по лицу и снова заплакала: – Сестренка, моя храбрая сестренка! Я буду так по тебе скучать!

Я не успеваю обдумать все, что она наговорила. Нужно бежать?

Оставить родных – это единственный способ их защитить. Креван знает, что Берри снял на телефон шестое Клеймо, он думает, что запись у меня, более того, он *знает*, что запись у меня, вот только я понятия не имею, где она, а он конечно же этому не поверит. Не оставит меня в покое, пока не заполучит эту улику. Нужно спрятаться и переждать, обдумать свой следующий шаг.

– А как же комендантский час? – спохватилась я.

– Мэри Мэй тут уже побывала. Начало двенадцатого. Если мама и папа сумеют уговорить Кревана, до утра никто не спохватится. Селестина, я люблю тебя! – со слезами пробормотала Джунипер. – Ты прости меня, что так глупо вышло с Артом...

Я дернулась уходить. Вот уж чего мне точно сейчас не надо.

Она схватила меня за руку, крепко сжала.

– Выслушай меня, пожалуйста! Дай мне объяснить. Ты должна это знать.

Я медленно обернулась, готовая услышать самое плохое – про нее и Арта. Сбылись мои худшие страхи.

– Ничего у нас с Артом нет, – заторопилась она, слезы градом катились по ее лицу. – Он просил у меня помощи. Ему нужен был человек, кто приносил бы еду туда, к сараям. Он не хотел обращаться к тебе, чтобы не навлечь новую беду. Его отец силой вытряс бы из тебя информацию, за тобой следили. Он взял с меня честное слово, что я ничего тебе не скажу, но то и дело, клянусь тебе, Селестина, каждый день меня так и подмывало тебе рассказать. Зря я этого не сделала. Он дни напролет сидел взаперти в сарае Тиндеров, а по ночам я приходила и выпускала его, и мы говорили о тебе. О том, что мы оба тебя подвели. И как нам жить с этим дальше. Немыслимо. Он только один и понимал, что я переживаю. Вот и все, что было между нами, честное слово. Я старалась помочь ему, уберечь его – для тебя. – Она шумно потянула носом. – Не сердись на меня.

Я выдохнула с облегчением. Вот и хорошо, что между ними ничего не было, они оба искренне старались сделать как лучше для меня, хотя все-таки их сговор отдавал предательством. И мы обнялись с сестрой так крепко, словно в последний раз.

– Я всегда завидовала тебе, во всем завидовала, – неудержимо бормотала она. – Ты была идеальной. Всегда все делала правильно, всегда правильно думала и говорила. Все тебя хвалили. Я завидовала твоему совершенству. А теперь я завидую твоим Клеймам. Это мне следовало поступить в автобусе так, как поступила ты. И ведь я хотела. Я все время об этом думала. Но когда дошло до дела – не смогла, храбрости не хватило.

И с этим тоже не справилась. Ты меня, пожалуйста, прости.

– Не вини себя за то, что случилось в автобусе, – вполне искренне сказала я ей. – Это уж вовсе не твоя вина. Я сама все сделала, мне и отвечать. У меня и мысли не было, чтобы вы как-то мне помогли, да и что бы вы сделали? Мы бы все трое попали в беду. Нет, ты ни в чем не виновата. – Насчет ее отношений с Артом я предпочла промолчать. Пока я не готова. Нужно время, чтобы подобрать верные слова.

– Нет! – твердо возразила она. – Я струсилa. И теперь каждую минуту каждого дня я заново переживаю все то же: ту сцену в автобусе, и как ты стояла одна, а я отвернулась. – Она утерла слезы решительным, отважным жестом – еще один маленький солдат. – Но сейчас я поступаю правильно. Теперь я тоже храбрая. И ты поскорее уходи, Селестина. Иначе Креван заберет тебя, и никто не знает, куда он тебя потащит.

– Спасибо, – шепнула я, пожимая ей руку. – А тот парень, который меня принес, – ты знаешь его имя?

– Кэррик Уэйн.

Я радостно улыбнулась. Значит, я не выдумала его, он мне не приснился.

– Ты с ним знакома?

Я кивнула, вспоминая, как обводила пальцем шрам на его груди, пока он уносил меня прочь от опасности, как кончиком носа упиралась ему в кадык.

– Ты его найдешь?

– Да! – уже вполне уверенно повторила я, стараясь не думать, что сейчас уйду из дома, отправлюсь совершенно одна в неизвестность. Мне припомнилось, как профессор Ламберт цитировал Пойю: «Если не можешь решить задачу, найди другую, попроще, и решай ее». Хорошо, я не справлюсь с судьей Креваном самостоятельно и прямо сейчас, но Кэррика Уэйна я теперь найти смогу. Вот это и нужно сделать.

На цыпочках я спустилась по лестнице. Тихо-тихо: любое неосторожное движение могло меня погубить. Внизу отец с Креваном спорили уже во весь голос, отец ругал судью на все корки. Я чуть не вбежала в библиотеку – остановить папу, он слишком отважно меня защищает, того и гляди следующим на расправу потащат его, – но нельзя, этим я никому не помогу, единственный способ положить всему этому конец – найти на Кревана управу, разоблачить его.

– Ступай! – громко шепнула Джунипер и даже подтолкнула меня.

Я замерла перед дверью библиотеки. Бросить папу и маму в беде? Я словно прислала к месту. Я удеру, а их осудят, обвинят в пособничестве.

Если я останусь, если сдамся – они в безопасности. Вдруг дверь распахнулась, Джунипер схватила меня за руку, мы обе замерли. Кончено.

Однако вместо Кревана к нам вышла мама – бледная, но сердитая. Новая стрижка: с одной стороны головы волосы побриты очень коротко, просвечивает кожа, а с другой уцелели – укороченные прежние прекрасные локоны. Тоже – воительница. Она увидела меня с упакованным рюкзаком, готовую к бегству, и наглухо закрыла за собой дверь библиотеки. Конечно же она запретит мне уходить, как бы мне уговорить ее? Мама подбежала ко мне, обхватила руками, всю зацеловала и шепнула мне на ухо одно только слово – мурашки по коже и никаких больше сомнений в душе:

– Беги!

Почти ослепнув от слез, я оторвалась от мамы – рвется живая плоть, расходятся швы, – вышла в сад, перебралась через стену. Пригнувшись, я побежала к дорожке, по которой можно уйти в горы.

Из-за угла вылетел автомобиль, фары ярко горели, он мчался прямо на меня. Я замерла, не зная, остановится он или нет. Человека за рулем разглядеть не могла – свет фар бил мне в глаза, – но мне показалось, будто он хочет меня раздавить. Автомобиль какой-то незнакомый, новехонький, явно дорогой. Бежать обратно в дом? Там меня поджидает Креван. Всего-то шаг оставался до той дорожки, которая увела бы меня в безопасное убежище, на волю. По этой дорожке я ходила на вершину, на свидания с Артом – давным-давно, когда жизнь была простой, только черное и белое.

Дверца распахнулась, вышла судья Санчес. Сердце ухнуло.

– Отличная ночь для побега, мисс Норт, – приветствовала она меня.

– Чего вы хотите?

– Того же, что и вы, – сказала она. – Кое-что общее у нас есть.

– Сомневаюсь, – пробурчала я.

– Покончить с Креваном.

Это откровенное признание застало меня врасплох, хотя с какой стати: я же видела на суде, как она всячески пытается испортить жизнь Кревану, я была всего лишь пешкой в ее игре.

– Вы располагаете какой-то информацией, которая могла бы нам пригодиться. Чем-то, из-за чего он сильно разнервничался, посылает надзирателей пачками и туда, и сюда, и повсюду. Не знаю, о чем речь, но вы, надеюсь, поделитесь со мной.

– Как я могу довериться вам? – в панике спросила я. Нужно скорее удирать. Времени нет. Сколько еще родители смогут морочить Кревану голову, прежде чем он ринется обыскивать дом? И если вину за митинг и за бунт в супермаркете свалили на меня, скоро за мной явятся

надзиратели и полиция. Лучше бы попасть в руки полицейским, но Крewan ведь не отдаст меня им.

– Можете на меня положиться. Я вас отпущу, – сказала судья Санчес, окончательно сбивая меня с толку. – Если вы попадетесь Крewanу, мне от вас никакой пользы не будет, это на свободе вы сумеете наделать бед. Вы уже выбили его из колеи, он допускает один промах за другим. Вы сами-то знаете, какой у вас компромат? – спросила она. Как бы не померла от любопытства. Не может перенести, что я знаю то, чего она не знает.

Я сглотнула, подумала и наконец кивнула.

Она улыбнулась – слегка, лукаво.

– Кто бы мог заранее угадать, что все произойдет из-за вас. – Она смерила меня взглядом. – Знаете, я верю в Трибунал, в публичное расследование, разбирательство дел, имеющих общественное значение, но то, как Трибунал стали использовать теперь, совершенно меня не радует. – Она говорила твердо, глядя мне прямо в глаза. – Я пыталась помочь вам, Селестина, вам следовало признать вину и отсидеть срок. Как вам понравилось небольшое представленье, которое я подстроила для вас в замке? Я надеялась, поглядев на Клеймение, вы одумаетесь и не будете доводить дело до крайности – просто признаетесь, что по глупости помогли Заклейменному.

Так это она вызвала Тину, чтобы Фунар тем временем привел нас с Кэрриком в коридор у камеры Клеймения.

– Если вы мне поможете, мы постараемся избавить вас от нарукавной повязки. – Не снимая черную кожаную перчатку, она сунула руку в карман и достала визитку. – Сейчас я позволю вам уйти, Селестина, но когда будете готовы, свяжитесь со мной: мы нужны друг другу.

Трудно поверить, что она говорит правду, но я осторожно потянулась за визиткой, взяла ее кончиками пальцев и тут же отпрянула: сейчас как выскочит кто-нибудь из кустов, как меня схватит. Но нет, никого. Я отошла чуть в сторону, ускорила шаги – судья посмотрела мне вслед и вернулась в машину. Включила зажигание и дала задний ход.

И я сделала так, как велела мама.

Я побежала.

СНОСКИ

Грейс О'Мэлли – прославленная ирландская «королева пиратов», жившая в XVI веке, участвовала в разгроме испанской Непобедимой армады. С ее именем связано множество легенд, в том числе романтического характера.